

кс. Мечислав Малинский

ПОЗВАЛИ МЕНЯ...

кс. Мечислав Малинский

ПОЗВАЛИ МЕНЯ...

Перевод с литовского языка
ксендза Ричардаса Якутиса

"Книжный мир экумены" © 2013

„ARBA
1991

УДК 282
М19

Редактор Г. Бальчюнене

Nihil obstat
Grodnae, 19.05.1991
Sac. Alexander SZEMET
Censor ad hoc deputatus

IMPRIMATUR
Grodnae, 19.05.1991
Nr. 55/91
† Thaddaeus KONDRUSIEWICZ
Administrator Apostolicus
Minscensis

Оригинал Кс. М. Malinski „Wezwano mnie.
Pallatinum Poznan — Warszawa 1980

I. Понедельник, 16 октября 1978 г.,
17 час. 30 мин.,
избрание Иоанна-Павла II.

Выхожу из комнаты, потому что хочу посмотреть вечерние теленовости. В коридоре встречаю взволнованную монахиню.

По радио сообщили, что Папой избран польский кардинал. Вышинский или что-то вроде этого. Мне все представляется нереальным и эта монахиня, и Мюнстерский монастырь, в котором я живу вот уже четыре дня. - Если кардинал из Польши, то наверняка Войтила, возражаю я.

Может, и так.

Все так неожиданно. Размышляю может, ошибка. Обыкновенная ошибка, сестра не расслышала.

Мы идем в комнату, где стоит телевизор. Стараюсь не волноваться. Напоминаю монахине, что давно говорил о реальности такого исхода. Говорю, а кажется, будто не говорю, голос плывет неведомо откуда. Догадываюсь, что это произошло в действительности.

Оказывается, эта новость уже известна коллегам. Меня поздравляет всегда бодрый кореец, работающий над докторской диссертацией по Ветхому завету, обнимает всклокоченный, не любящий итальянцев аргентинец. И лишь всегда серьезный португалец подходит к телевизору, включает его, потом достает из буфета бутылку вина. Среди нас нет швейцарца, с которым мы вчера спорили о польских кардиналах и шансах Войтилы быть избранным Папой. Я смеюсь и что-то рассказываю. Попросту все еще не могу осознать этого факта. Не могу поверить, и все! Выпуск новостей спасает меня от дальнейших расспросов коллег. Обозреватель сооб щает, что Папой избран поляк. Не забывает добавить: "который месяц тому назад посетил Федеративную Республику Германия вместе с прима- кардиналом Польши Вышинским" Он расценивает эти выборы как неожиданное событие. И тотчас же как они это сумели? показывает репортаж об окончании конклава.

На площади св. Петра 200-тысячная толпа Кардинал Фелици объявляет городу и миру: Anuntio vobis gaudium magnum:

Nabemus parat Carlum вместо Кароля, но затем ясно, очень ясно: Войтыла. Тишина, которой охвачена площадь св. Петра, меня пугает. Я знаю эту площадь и реакцию людей, которые там собрались в такой момент. Ответом на фамилию должна была быть буря оваций. Воцарившаяся тишина чревата катастрофой. Толпа, ждущая нового Папу, не приняла этого известия. Репортер объясняет, что собравшиеся на площади не поняли фамилии, объявленной кардиналом Фелици. Объясняет, что люди спрашивают, кто он - избранный Конклавом? Некоторые утверждают, что это какой-то негр. Лишь спустя несколько секунд толпа, поняв, что речь идет о поляке - известия на этой площади распространяются со скоростью света, - ожила, и ее захлестнула волна радости. Наступает перерыв, во время которого на балконе вывешивают большой цветной ковер. Затем в сопровождении небольшой процессии с крестом этого момента я жду в напряжении, все еще не веря в случившееся, в окружении кардиналов на балконе появляется Папа. Я еще не умею его так называть. Просто появляется Кароль. Я его не узнаю. То ли новые одежды тому причиной, то ли плохое освещение. Какие-то странные жесты в ответ на поздравления толпы. Но вскоре я понимаю, что причина не в одежде, не в освещении. Это он сам так неузнаваемо изменился! Плакал.

- Я это понял.

Поздравления стихают. Не знаю, что он теперь будет делать. Его предшественник Иоанн-Павел I попросту удалился без слов.

Как я этого боюсь! Как хочу, чтобы он по-итальянски вымолвил хотя бы: Слава Иисусу Христу! или что-то еще. Только бы не ушел. И вот он молвил:

“Sia lodato Gesu Cristo! Diletissimi fratelli e sorelle”.

Площадь захлестывает волна ликования. Папа долго стоит, глядя на площадь, а мне кажется, что его лицо постепенно приобретает обычное выражение. Я не вполне понимаю, почему такая радость по поводу нескольких слов. Но вскоре все становится на свои места: люди на площади, узнав, что Папой избран поляк, думали, что он не понимает по-итальянски. А услышав его хорошую итальянскую речь обрадовались.

Наконец площадь затихает, и Папа продолжает: Все мы еще скорбим по поводу смерти любимого Папы Иоанна-Павла I,... Снова аплодисменты, выкрики. Возможно, я ошибаюсь, но скорее всего это не только дань уважения к предшественнику. Бурю оваций, наверное, вызвал факт, что Папа свободно говорит по-итальянски, что его речь - не заученные слова приветствия.

- ...Но уважаемые кардиналы призвали нового епископа Рима.

Снова буря аплодисментов. Кажется, что и в самом деле это его голос. Сначала я не мог его слушать. Думал, плохо работают микрофоны, что виновато эхо на площади, что дело в телевизоре. Но нет, действительно, вначале звучал не его голос. Постепенно голос обретает свой тембр, хотя полной естественности ему еще недостает.

...Призвали из далекой страны, далекой, но близкой по христианской вере и традиции.

Снова аплодисменты. Как хорошо, что он говорит, как хорошо! Только бы он продолжал, хотя бы еще немного.

Я боялся принять этот выбор, но сделал это, покоряясь Господу нашему и вверяясь воле пресвятой Девы Марии, Мадонны. Снова взрыв ликования. Я этому уже не удивляюсь. Эту реакцию вызвало чудодейственное слово "Мадонна", заключающее в себе всю религиозность итальянцев. Слово, которое в последние годы правдами и неправдами вытеснялось из христианской и итальянской религии, снова произнесено, ему возвращено его прежнее величие, и это было принято с такой благодарностью!

Не знаю, смогу ли я достаточно хорошо выразиться на вашем, Папа тут же поправляется, - на нашем, итальянском, языке.

Толпа опять ликует. Внимательно и чутко реагирующая на каждый нюанс речи, она сразу же уловила смысл поправки Папы.

- Если я ошибаюсь, поправьте меня.

В ответ раздаются уже не только аплодисменты, но и выкрики:

- Поправим!

Папа продолжает

Сегодня я предстаю пред вами, чтобы исповедовать нашу общую веру, нашу надежду и наше упование на Христа и Мать-Церковь, а также чтобы начать этот новый путь в истории Церкви с Божьей и человеческой помощью.

Заканчивает. Пока люди аплодируют, скандируют, прелаты приносят и раскрывают перед Папой книгу. А он сильным, звучным голосом поет молитву и благословляет город и мир...

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аплодисменты, поздравления. Папа долго машет рукой, отвечая на аплодисменты. Потом уходит.

Телевизионная передача из Ватикана закончена. Репортер продолжает выпуск новостей. Я возвращаюсь в свою комнату. И все-таки это правда. Самая настоящая правда. Я увидел это своими глазами, убедился, хотя это событие для меня все еще находится за пределами реального. Это еще не доходит до меня.

Все еще как-то не согласуется с другими будничными событиями.

Телефонный звонок из Фрибурга. Это друг, редактор издательства “Хердер-Ферлаг”, где я недавно издал две книги. Поздравляет. Я приятно удивлен этим звонком. Неожиданно он спрашивает: - Не могли бы вы написать биографию нового Папы?

- Биографию?... задумываюсь я.

Вы ведь говорили, что знакомы с ним.

- Знакомы! О боже! Можно это назвать и так!

Как давно?

Как давно я его знаю? С 1940 года. Хотя знакомство” не самое подходящее слово, мы были друзьями.

Почему вы говорите “были друзьями”? Разве случилось что-нибудь, или ваша дружба распалась?

Разумеется случилось: он стал Папой. Потому я его и потерял.

Не понимаю, почему вы говорите, что потеряли его?

На самом деле я потерял его еще раньше. Тогда, когда он стал епископом, потом архиепископом, и еще позже, когда стал кардиналом. А теперь - уже в последний раз.

- И все же я хотел бы просить вас написать его биографию.

Это мне кажется несколько неэтичным. Одно дело писать об умершем, а другое - о том, кто жив и, дай Бог, долго еще будет жить. Мне это не нравится.

Пусть это будут воспоминания ксендза, и не обязательно они должны быть пространными.

Я ответил, что подумую.

Не прошло и получаса - звонок из Австрии, звонит директор другого издательства Тренклер.

Напиши биографию. Ты ведь его знал.

Только что об этом я говорил с “Хердер-Ферлаг”. Почти согласился.

- В таком случае, может быть, ты подготовил бы сокращенное издание его пастырских писем?

- Хорошая мысль. Постараюсь.

Написать биографию. Что это значит написать биографию? Готов ли я к этому?

1. 1940 год. Рабочий

Я вышел из костела св. Станислава Костки в своем приходе в Дэнбниках после утренней службы. Сколько мне тогда было лет? Шестнадцать? Семнадцать? У входа стоял стройный улыбающийся мужчина в черном плаще, с зачесанными назад волосами, и смотрел на меня. Несомненно, он ждал меня. Я не люблю и никогда не любил неожиданностей. Внимательно оглядел его. Попытался вспомнить, не встречался ли с ним когда-либо, но нет, не вспомнил. Попытался обойти. Не удалось. Он заговорил:

- Добрый день. Не могли бы мы поговорить?

Я не любил таких обращений. Они ассоциировались у меня с полицией.

- Пожалуйста. О чем будет разговор? - ответил я холодно.

Тысяча догадок: шпик, партизан, гестаповец.

Я давно за вами наблюдаю. Вы всегда ходите к заутрене.

Услышав эти слова, я почувствовал себя еще более неловко.

Поэтому я хотел вам предложить: не хотели бы вы стать членом Живых Четок?

Я вздохнул с облегчением и все еще без особого энтузиазма ответил:

Хорошо. Почему бы нет?

Я хотел отделаться от этого человека, который несмотря на его вежливость и улыбочивость был мне чем-то неприятен. Позвольте проводить вас? Если не ошибаюсь, нам по пути. Но, простите,- я забыл представиться: Ян Тирановский, живу на улице Роз, а вы, кажется, Мадалинский?

Я неохотно ответил:

Малинский.

Вы учитесь в училище?

Я не любил рассказывать о себе. Первые годы оккупации многому меня научили: о себе не распространяться, равно как и о других. А если уж говорить точнее, то не называть никаких фамилий, адресов, никаких конкретных данных.

Да, учусь.

- В каком?

Все это мне начинало не нравиться.

С техническим уклоном, - ответил я, помедлив.

Машиностроительном?

- И здесь мы коллеги, я тоже интересуюсь машинами.

Я недоверчиво посмотрел на него. Он не был похож на увлекающегося машинами человека. Слишком интеллигентен.

- Удивляетесь? У меня есть своя швейная машина. Даже три. Я портной.

Я совсем разочаровался. А он все говорил тихим, ласковым голосом, почти шепотом, пребывая в прекрасном расположении духа, словно не замечая, что со мной творится.

Подошли к улице Роз. Я не любил ее. Избегал ходить по ней. Узкая, дома жмутся друг к другу — это было идеальное место для облав — так я считал.

- Вот здесь я живу, — сказал мой спутник. Мы стояли у дома под номером 11. — Может, заглянем ко мне ненадолго? Поговорили бы, на улице неудобно.

Сам не знаю, почему я согласился. Возможно потому, что на улице действительно было неудобно. Пан Тирановский толкнул ворота — темное парадное, узкая лестница, двери его квартиры. Небольшая передняя. Дальше комната. Темная, заставленная старой мебелью.

- Садитесь, пожалуйста. Я приготовлю чай.

Я огляделся. Первое впечатление было обманчиво: когда я вошел, мне показалось, что в комнате царит беспорядок. Но нет, в комнате был идеальный порядок, хотя мебели очень много. Кроме того, на полках обилие книг, какие-то старинные портреты на стенах. “Нетипичная квартира для портного. Он сам не типичен”, подумал я. Хозяин принес чай.

Как видите, у меня есть немного книг. Охотно одолжу почитать.

В хорошем состоянии, они все же выглядели старыми и какими-то потертыми. Они мне не нравились.

Чем вы интересуетесь? — спросил он.

- Машинами, — ответил я с явным намерением его рассердить.

Но, наверное, и проблемами характера, темперамента, самовоспитания?

Угадал?

- Да, — ответил я, — у меня есть друг, с которым мы говорим на эти темы.

Кто-то постучал.

Простите, это, наверное, Кароль. Он должен был прийти раньше, возможно его задержали. Хорошо бы вам познакомиться.

Вошедший был старше меня на несколько лет, среднего роста, слегка сутулый. Я не знал его.

Это Кароль. А это - Мечислав, - познакомил нас хозяин.
- Войтыла, назвал свою фамилию парень.

Я по обычаю оккупационного времени буркнул свою. Тогда неясно выговаривали фамилии или называли вымышленные. Мы пожали друг другу руки.

Это встреча двух миров, Ян шутил. Технического и гуманитарного. Мечислав хотел создавать машины, а Кароль актер. Он изучал полонистику, а что будет изучать в будущем - увидите.

Я посмотрел на парня. На актера не очень похож. Но лицо хорошее.

- Я должен попрощаться с вами, Мечислав, потому что у нас дела с Каролем. Но мы скоро увидимся.

Мне не нравилось, что он владел инициативой.

- Может быть, на следующей неделе, - продолжал он. Вынул календарь и предложил какой-то день и час. А перед этим встретимся в костеле, чтобы обменяться тайнами четок.

Я ничего не ответил.

Таким было начало.

Обмениваться тайнами я пошел в ближайшее воскресенье. С Тирановским в костеле была еще группа юношей, среди которых я узнал только Кароля. Руководил встречей один из ксендзов прихода. Встречу он провел шаблонно, хотя что-то нам и говорил. Я получил белую карточку с текстом тайнства, который мне нужно было произнести. И все. У костельных дверей я задержался. Заметил, что и Кароль один. Подошел к нему.

Где живешь? - спросил я.

На Тунецкого, 10

- Тунецкого? - я подумал, что хорошо знаю Дэнбники и всех ребят, но его не помнил. Странно, что мы раньше не были знакомы. Я живу на улице Мадалинского, совсем рядом.

Мы переехали в Краков лишь за год до войны.

- Ясно. А откуда приехал?

Из Вадовиц. Там я окончил среднюю школу. А поскольку хотел изучать полонистику, в 1938 г. мы вместе с отцом переехали в Краков.

- А мама умерла?

Умерла. В 1929 году.

А из близких у тебя больше никого нет?

Никого.

- А где работает отец?

- Он пенсионер.

Распрощались мы у ворот дома.

Спустя несколько дней я случайно снова встретил его на улице. Едва узнал. Он был в одежде рабочего. Я был удивлен, ведь он актер.

Правда ли, что ты актер?

- Слишком сильно сказано. Хотя, действительно, в Вадовицкой средней школе я играл в школьном театре. Теперь мы работаем иначе. Мы это называем театром рапсодии.

Я не понял.

Что это значит?

Долго объяснять. А в двух словах можно сказать так: мы хотим продолжить старые традиции польской прозы. Наша цель прежде всего каждую букву, затем каждое слово произносить точно, легко, естественно, без фальши.

Немногое удалось выяснить.

И это все? - спросил я разочарованно.

Потом следует все предложение, со всеми знаками препинания, запятыми, восклицательными, вопросительными знаками, а затем - весь текст, совершенно ясный: во всей красоте и до конца осмысленный.

Я не видел в этом ничего особенного, никакой сложности, и все же не вполне понимал, о чем речь.

И все? И это весь театр? Без всякого действия? Да. И произносим это все на фоне черных стен.

И никаких кулис, никаких костюмов?

Нет. Самое большее какой-нибудь акцент в одежде, какая-либо символическая деталь, которая дополняет текст.

Я чувствовал себя выше такого театра. Перед войной я тоже играл в театре, только в настоящем. И все-таки я сказал:

Хотелось бы посмотреть. Где вы выступаете?

На частных квартирах.

Это подпольный театр?

Если хочешь, да.

А кто вами руководит?

Мечислав Котлярчик, мастер слова, это прозвучало патетично. Кароль это заметил и добавил: Мой старый друг. Тоже из Вадовиц. Мы там познакомились.

Однажды, гуляя с Каролем, мы его встретили. Низкорослый, черноволосый. Но что больше всего меня удивило, так это его голос неясный, шепчущий. Я сказал об этом Каролю.

Что делать, если у него такой слабый голос! Но как хорошо он говорит, какой прекрасный педагог, как умеет заинтересовать серьезной литературой! - Кароль был в восторге от своего учителя.

Какие произведения вы играете?

Теперь мы по уши завязли в Норвиде. Знаешь Норвида?

Не очень, - ответил я смущенно.

Почитай. Стоит. По-моему, это самый великий наш поэт. Я тебе дам. Только читай вдумчиво. Хочешь услышать что-нибудь из его стихов?

- Очень.

Он начал читать. Я слушал с удивлением. Он прекрасно читал.

Нравится?

Да.

- Принесу тебе почитать. Где ты живешь? Меня найти трудно.

Я назвал свой адрес. Дома всех предупредил о приходе приятеля. Однажды вечером он пришел. Пришел и остался ужинать. Ужинали скромно, потому что время было голодное. Сестра подала яичницу, которая очень ему понравилась. Разговор затянулся допоздна. Мои сестры были очень заинтересованы гостем и наперебой расспрашивали обо всем. Между прочим он упомянул, что работает в фирме "Словаю" рабочим.

И что же вы там выпускаете?

- Сначала проверял вагоны, которыми на фабрику доставляется сырье.

- Вы имеете в виду линию над улицей?

- Вот именно. Но это было недолго. Сейчас очищаю в котлах воду. В ней не должно быть минералов, потому что от них образуется накипь. Стараюсь устраиваться в ночную смену, когда работы не так много и можно найти время для чтения.

Выяснилось, что на улице Тунецкого он поселился не случайно. Там стоял его отчий дом.

- Вы живете один? У меня еще был старший брат. Старше меня на 12 лет. Он был врачом, а в 1938 г. в Бельской больнице умер от скарлатины.

- Значит, вас было двое?

Была еще сестра, но она рано умерла. Средняя. Старше меня, но младше брата.

Сестры расспрашивали его, а он охотно отвечал. Рассказал о "балаганчике" в Вадовицах, где играл под руководством профессора Котлярчика.

- А что вы там играли?

- Киркова.

Он признался, что "балаганчик" расшевелил Вадовицы. Публика валом валила на представления.

А какие вы ставили произведения?

"Зигмунта Августа" Выспяньского.

Кого вы играли?

- Зигмунта Августа. И помогал в режиссуре.

Смеркалось. Я испугался, что наступит комендантский час, и сказал:

- Кароль, ступай. Уже поздно.

Проводил его за ворота. После освещенной комнаты в темноте ничего нельзя было разглядеть, слышались чьи-то торопливые шаги, проехал автомобиль, осветив улицу.

- Беги, действительно поздно. Только бы тебе успеть.

Я еще постоял у ворот. Вернулся. Сестры и брат были в восторге от его визита.

Чудесный парень. Пригласи его еще. Одно удовольствие с ним беседовать. Где вы познакомились?

Так он стал бывать у нас. Чаще всего по вечерам, к ужину, к своей любимой яичнице.

Продолжалось наше знакомство и с Тирановским. Это был другой мир мир дисциплины, самоконтроля, самовоспитания. Он требовал, чтобы каждый день был содержательным: чтобы все было как полагается, - не только работа, но и отдых, и духовные упражнения: чтение Святого писания, по возможности участие в мессах или хотя бы короткая молитва в костеле. Встречаясь с Тирановским, мы обсуждали события недели. По его предложению вели дневник. Там были разделы: чтение Святого писания, утренняя молитва, вечерняя молитва, отдых. И надо было отметить плюсом или минусом что выполнено, что нет. Помимо этого был раздел о подготовке уроков, где надо было записать, сколько на это потрачено времени.

Однажды я спросил Кароля:

- Откуда ты знаешь Тирановского?

Он ответил:

- Это долгая история. Летом 1940 года в нашем костеле велись пасхальные реколлеции для молодежи. Ты бывал на них?

- Нет. Я был активным прихожанином, но, помнишь, немцы в начале оккупации вывезли всех наших ксендзов в Освенцим? Среди них был и настоятель, ксендз Сверц, мой духовный отец еще со школы, ксендз Валента Валощек и другие. Всего, кажется, семь священников.

- Да, помню.

Пришли новые, и я как-то отошел от приходских дел.

- Так что надо было продолжить эти реколлеции. И ксендз Ян Мазярский, библист, доцент университета им. Йогайлы вел недельные теологические беседы с молодежью.

- Помню. Я бывал на них.

Тогда и были созданы Живые Четки, руководство которыми

было поручено Яну, потому что тогдашний ксендз, настоятель Матлак, отказался из-за отсутствия времени.

Да, но что ты еще знаешь о Яне Тирановском? Кто он? Сколько ему лет?

Родился он в 1900 году и уже давно живет на улице Роз. Отец его был портным. Тирановский окончил среднюю школу и стал работать с отцом и братом, чтобы иметь немного времени на молитву и раздумья. До войны он был секретарем Каролевской акции, но о том периоде говорит, что был администратором, а не настоящим верующим. Потом он пережил какой-то душевный надлом, о котором говорит неохотно. И вообще о себе он рассказывает нехотя.

Правда ли, что он лечился в психиатрической больнице?

- Слышал, но не знаю, как было на самом деле. Насколько я его знаю, это самый что ни на есть нормальный человек.

Я внимательно и с некоторой подозрительностью наблюдал за паном Тирановским, как он "работает со мной". Начал он с того, что меня больше всего интересовало. С новинок психологии и педагогики, т.е. типологии и темпераментологии, характерологии. Я должен был признать, что он хорошо знал эти дисциплины. Но спустя некоторое время он перешел к чисто религиозным темам, можно сказать, к теологии. Все это стало мне не нравиться, эти встречи у пана Яна и эти беседы. Надоедливость этого человека, доходящая до нахальства, наводила на мысль: чего он от меня хочет? Кроме того, все, о чем он говорил, отдавало чем-то затхлым. И его рассказы, и книги, которые он давал мне читать и велел делать выписки.

- Этот Теккерей скучен, как сто несчастий, пожаловался я Каролю.

Кароль выслушивал мои жалобы так, как он один умел это делать, а затем посоветовал:

Я согласен с тобой, но не принимай все близко к сердцу. Это неважно. Главное - он сам. Запомни: главное - он сам, то, что скрывается за его словами. Главное - истина, о которой он говорит такими простыми словами. Это человек, который близок к Богу, или вернее, - он живет в Боге.

Это был ключ к пониманию Тирановского, который дал мне Кароль.

Я стал внимательно слушать. Понял, что у него все сосредоточено на одной истине о Боге, который живет в нас. И все его усилия, устремления, вся его педагогическая система ведут к этой цели: научить нас - меня - быть с Богом в молитве и в буднях.

Как я позже понял, мои первые впечатления были весьма поверхностными. Не Теккерей или другие писатели были его учителями, а св. Иоанн и св. Тереза Великая. Их труды он сначала нам не давал — возможно, не был уверен во мне, но затем познакомил с ними. У него была, как я понял позже, своя система общения. Вначале он не говорил того, что, по его мнению, следовало сказать в конце. Спокойно, систематично, словно бухгалтер, он высчитывал, продумывал, готовил этапы, чтобы подойти к истине и остаться с ней. Основная цель — полноценная внутренняя жизнь. Или пребывание с Богом.

Всему этому он учил нас долго и терпеливо.

Может быть, я не точно выражаюсь, но он хотел, чтобы Бог был в нас, чтобы мы ощутили его всем своим человеческим “я”. Чтобы мы воспитывали в себе теологические качества: веру, надежду и любовь, чтобы мы были готовы к принятию даров Святого Духа.

Я стал чаще бывать в костеле. Иногда встречал там и Кароля. Он молился, опустив голову на голый пол или подперев ее ладонями на скамье у центрального алтаря.

II. Вторник, 17 октября 1978 года, ВСТУПЛЕНИЕ ИОАННА-ПАВЛА II

Когда зазвонил будильник, я ощутил себя свежим, как будто проспал целых восемь часов, а не два. Сегодня вторник, 17 октября. Утреннее богослужение назначено в монастырской часовне в связи с посвящением папы Иоанна-Павла II. Эта новость все еще не доходит до меня. Понимаю, что должен помолиться за Кароля как за Папу. Пытаюсь это соединить. Безуспешно, хотя и радостно.

На завтрак за столом собрались все. Тут и Вилли, директор этой палаты, мой приятель немец. К счастью, все так спешат высказаться об избрании нового Папы, что я могу помолчать. Наконец кто-то обращается ко мне:

А что ты об этом думаешь?

Не успел я раскрыть рот, как меня опередили мои коллеги. Такого долгого завтрака не припомню. Встаем. Потом продолжаем говорить в коридоре.

Я просмотрел прессу. Все газеты на первых страницах помещают подробную информацию о вчерашних событиях. Все удивлены. Некоторые газеты называют происшедшее шоком. Кое-кто пытается это объяснить. Другие уже нашли не очень точное определение "Папа компромисса". Иные считают, что это нормальный поступок кардинальской коллегии, хотя имя Кароля Войтылы им мало о чем говорит. Есть такие характеристики: консервативен, набожен - словом, поляк. Появились уже первые прогнозы: новый понтификат ознаменует собой поворот вправо. Ничего интересного. Резюме: набожен искренне, но не интеллигентен. Он правильно выбрал себе имя Иоанна-Павла II, так как будет подобен своему предшественнику, только с польским оттенком. Даже смеется, как тот.

Звонок от Гердера:

Ну как, решились?

Согласен. Что с вами поделаешь! Меня влекут давние воспоминания, но тревожит то, что о нем пишут.

Кстати, читали ли вы сплетни о новом Папе?

Нет, пока ничего.

- Пишут, что Папа был помолвлен и даже женат, что немцы

в Вадовицах расстреляли его жену, после чего он решил стать священником. Правда ли это?

Я удивился. Но вспомнил историю, которая приключилась со старым приятелем Кароля, и все понял. Ответил:

- Был такой случай, но не с Войтылой. Могу вам назвать фамилию, если хотите.

- Это не обязательно. Но надо бы выступить в печати, чтобы положить конец этой лавине сплетен, подозрений и недоразумений. Чем больше правдивой информации, тем лучше. Напишите обо всем, что вы знаете, что вместе с ним пережили.

- Хорошо.

Спустя час опять звонок:

Я беседовал с директором. Он считает, что вместе с фотоснимками должно быть 200 страниц. Причем мы хотели бы получить их в течение четырех недель.

- Увы, я название и то пишу дольше четырех недель.

Постарайтесь вспомнить все, что было.

- О боже, если бы это было так просто!

В утренних сообщениях по радио передали, что сегодня Папа после утренней мессы в присутствии конклава выступил с заявлением об основных целях своего понтификата. Точно так же в свое время поступил Папа Иоанн-Павел I, но его документ, как считает радиокomentатор, был явно сочинен в ватиканской курии, а на сей раз несомненным автором является сам Папа.

Я жду, когда передадут содержание самого документа. Припоминаю, что в коллегии говорили о соответствующем выступлении Иоанна-Павла I. Кстати, нынешний Папа считал, что текст был написан самим Иоанном-Павлом I, а я утверждал обратное. И вот текст. Я сосредоточенно слушаю.

С самого же начала Папа заявляет, что будет верен II Ватиканскому Собору и первой своей задачей считает осуществление его идей. Обращает особое внимание на Конституцию Собора "Lumen gentium", которую называет краеугольным камнем.

Он подчеркивает, что хотел бы углубить истину о епископской коллегии и что цель епископского Синода - гарантировать единство духа в церкви. Обращается и ко всем верующим, призывая быть верными церкви. Верность он называет приобщением к учению Петра. Это учение должно быть глубоко понято и убережено от какой-либо опасности, откуда бы она ни исходила. Обязательна и верность литургии, скрепленной авторитетом церкви. Эта верность означает культ дисциплины церкви, а цель дисциплины охранять церковь. Для широких

масс верность означает послушание церковной власти: тем, кто ответственен за церковь.

Обращаясь к христианским некаатоликам, Папа говорит, что он помнит и о других церквях и христианских вероисповеданиях и что дело экуменизма для него очень важно.

В связи с этим он обращается к людям во всем мире и говорит, что жаждет служить им, что хочет способствовать укреплению мира, самоусовершенствования и справедливости, подчеркивая, что нет у него иных целей, кроме религиозных, что он не хочет вмешиваться в политику. Церковь не ориентируется на низменные категории, подчеркивает Папа, а приближается к человеку, и только исключительно с религиозными целями. Папа говорит, что, по его мнению, католическая церковь должна много работать, чтобы укрепить духовный баланс, чтобы ликвидировать неравенство, непонимание, которые грозят миру. Поэтому он хочет помочь всем, кто страдает от несправедливости, дискриминации, кто лишен свободы мысли и совести, ибо жаждет, чтобы исчезла несправедливость, чтобы в мире жилось так, как требует этого человеческое достоинство.

В заключение он говорит: "Наше "я" должно раствориться в том, что мы делаем". Просит молиться, чтобы обрести поддержку в предстоящих делах.

Радиокомментатор - правда, весьма тактично - пытается дать оценку этому документу. Он подчеркивает, что Иоанн-Павел II опирается на II Ватиканский Собор. Изумлен тем, что Папа придерживается коллегиальности папской власти. Весьма положительно расценивает определение места церкви в мире, подчеркивая ее роль не только в делах религии, но и в духовных делах, необходимых каждому государству, создающему новое мироустройство. Я поражен тем, что рядовой комментатор так много усматривает в этом документе и так его возносит.

Вечером Ватиканское радио преподносит сенсацию. Первый день понтификации. В 17 часов Папа отправляется в клинику Гемелли, чтобы навестить больного епископа Андрея-Марио Дескура.

Боже мой! Вот этого я не ожидал. О болезни Андрея я узнал из печати. В последнюю пятницу у него произошло кровоизлияние в мозг, его парализовало, и в таком состоянии он был доставлен в больницу. О том, что Папу многое связывало с Андреем, мне хорошо известно. Вспоминаю, как Андрей в 1946 году поступил в семинарию. Он к этому времени уже закончил изучение права. Мы подружились, возможно, благодаря тому, что Кароль, Андрей, Сташек Старовецкий и я были членами одной студенческой

организации. Это было началом. Затем Андрей, будучи семинаристом, был послан для продолжения учебы в Рим и там остался. С Каролом он особенно сблизился во время Собора помогал ему своими познаниями о традициях Ватикана, - а также во время очередных посещений Рима и епископских Синодов.

В больницу Папа ехал в открытом автомобиле, приветствуя толпившихся на улицах верующих, пораженных первой поездкой Папы так же, как и работники Ватикана и весь мир.

Святой Отец выступил перед больными и персоналом с краткой речью, которая как обычно - была впечатляющей и запоминающейся. Он прежде всего поблагодарил тех, кто его сюда доставил, за то, что они спасли его от энтузиазма горожан, ибо, как выразился Папа, "этот великий энтузиазм мог породить причины, из-за которых я и сам оказался бы в лечебнице". Затем сказал, что прибыл сюда навестить своего давнего друга, а заодно и всех других больных. Закончил речь словами: "Вы обладаете поистине великой силой мученика Христа. Я благодарю Бога за состоявшуюся встречу".

Перед тем, как уехать, он поблагодарил врачей и весь персонал за заботу о епископе Дескуре и о всех больных. Уже перед самым отъездом архиепископ Каприо напомнил ему, что он должен благословить всех собравшихся, на что Папа ответил: "Архиепископ Каприо напомнил мне, как должен поступить Папа: я должен вас благословить".

Учитывая, что он чужестранец, нужно отметить, что Папа ведет себя в Риме как дома, - удивляясь, сказал Гюнтер, позвонив вечером мне по телефону.

И вправду, такого, наверное, еще не было, чтобы уже на второй день конклава Папа разъезжал по Риму и навещал больных.

Радиокomentаторы расценили эту поездку Папы как событие, не имеющее прецедента. Возможно, мир - именно мир прессы был поражен не столько самим фактом визита, сколько тем, как он проходил свободно, естественно, просто, доброжелательным общением Папы с народом и всем миром, не без доброй шутки над собой и ситуацией. Из того, что я читаю в газетах, из того, что показывает телевидение, я вижу, что сегодня, несмотря на то, что прошел всего один день после конклава, информационные средства всего мира рассказывают не только словом но и многочисленными фотоиллюстрациями о новом Папе. Большинство газет отводит этому событию первые полосы. Итальянское радио с самого утра уделяет много внимания Папе Иоанну-Павлу II.

Транслирует интервью, не только с известными людьми, но и с прохожими, итальянцами и иностранцами. В основе известий, передаваемых итальянским телевидением, тоже сообщения о новом Папе. Всюду подчеркивается, какой интерес вызвали выборы. Не меньшее удивление вызывает тот факт, что итальянцы весьма доброжелательно приняли именно этот выбор, несмотря на то, что Папа, как правило, избирался из числа итальянцев.

Пресса пишет, что новый Папа довольно известен, что еще тридцать лет назад он учился в Риме, что активно участвовал во II Собрании Ватикана, что всегда отличался в епископском Синоде, что два года назад прошел реколлекцию, за-свидетельствовавшую его теологическую и душевную подготовку. Все единодушно утверждают, что эти выборы исторический перелом в католической церкви. Итальянское телевидение передало довольно пространную беседу с епископом Рубином, секретарем епископского Синода, который состоит в дружеских отношениях с нынешним Папой. Епископ рассказывает, что кардинал Кароль Войтыла в бытность свою митрополитом Кракова был настоятелем польского костела св. Станислава и Польского дома в Риме. Вспоминает о контактах с кардиналом Войтылой во время Собора и очередных синодов и утверждает, что он весьма просвещенный человек, умный и наиболее подходящий для этой работы.

Близок к этому и тон сообщения немецкого телевидения. Запад полагал, что Папа из Польши будет таким же, какой представляется Польша, т.е. богобоязненным, очень уж богобоязненным, и эта богобоязненность что-то очень уж неземное, храмовое. Но видят они человека в полном смысле западноевропейского типа с особенными западноевропейскими чертами: открытостью, свободой движений, справедливостью на челе, что подчеркнуто указывает на превосходство Запада над Востоком. Но вместе с тем все прекрасно знают, что этот человек не с Запада. Знают, что этот человек с Востока. Такова визитная карточка Папы.

2. 1941 ГОД

В те страшные времена, когда я рано утром уходил из дома в школу, а мои сестры и брат на работу, мы никогда не были уверены, что встретимся вечером за обеденным столом. На завтрак у нас был тоненький ломтик черного хлеба, в котором часто можно было обнаружить древесные опилки, смазанный мармеладом из красной свеклы, и чашечка так называемого кофе закрашенной воды с сахарином.

Каждый день мог оказаться последним. Облавы, высылки в лагеря или на работы в Германию или еще куда-нибудь, расстрелы на улицах, проверки все это было нашими буднями. Стены дома тоже не спасали от страха. Ночью приходили из гестапо и полиции, выламывали двери, вывозили прямо в Освенцим. Ночью с улицы были слышны выстрелы. После наступления комендантского часа пуля настигала тех, кто без разрешения шел по улице, стреляли в бегущих, в тех, кто не останавливался по команде "хальт!" В городе царили страх, предчувствие опасности.

Но вместе с тем в людях росло желание бороться, мстить, верх брала ненависть. Этим особенно отличалась молодежь. Не те, кому за восемнадцать, а в основном совсем юные. Подростки жаждали борьбой отомстить за все обиды, за унижения, за смерть родителей и близких. Ночью приходили партизаны и смертью карали предателей.

В тот страшный год умер отец Кароля. Эту весть принес один из наших ребят. В тот вечер я не пошел к нему. Я знал, что встречу его утром следующего дня на панихиде.

- Как?

Сердце.

Ты был дома?

Нет, выбежал на минутку в магазин. Ничем особенно он не болел. Хотя, конечно, был уже немолодой, болезненный. Я вернулся и нашел его уже мертвым.

Потом были скромные похороны на кладбище в Раковицах. Я сожалел, что не был знаком с этим спокойным, скромным человеком, посвятившим свою жизнь воспитанию сына.

Среди ребят нашего района возрастал интерес к группе Четок, к нам часто обращались парни, желавшие вступить в нашу группу.

О том, как поступить, думали и Тирановский, и я. В группе Четок может быть только пятнадцать человек. Другого выхода не было, нужно было создавать новые группы, новые Живые Четки. Мы, принадлежавшие к группе Тирановского, члены его Живых Четок, возглавили новые группы. Встречались раз в неделю. Во время этих встреч говорили о воспитании личности, за пример принимая Иисуса Христа, о темпераменте, о самопознании. Учили ребят воспитывать в себе чувство ответственности за свои мысли, поступки, слова. Объясняли, что обязателен ежедневный самоконтроль. Мы старались им передать все то, что сами знали о молитвах, об обеднях, религиозной практике, о том, что может им помочь в постижении Христа. Тирановский всю эту деятельность оценивал очень высоко.

Приходили к нам ребята и из леса, бывшие наши товарищи по школе, и звали нас сотрудничать с подпольными организациями.

Долг каждого поляка с оружием в руках бороться за Родину.

Долг каждого поляка отдать хоть каплю своей крови. Нужны жертвы.

Они не признавали наших аргументов, того, что мы хотим готовить молодежь к служению Родине в мирное время. Не подействовал на них и главный наш аргумент: эти ребята еще слишком молоды для борьбы. Они осуждали нас за это. Но мы не смогли уберечь всех наших ребят. Они куда-то пропадали, потом вновь объявлялись, затем исчезали совсем.

Я говорил об этом с Каролем. Мы понимали, что в любую минуту гестапо может нас выследить и выслать всех в Освенцим. Никто нам не поверит, что все, что мы делали, было из чисто религиозных побуждений. Мы решили, что должны все рассказать ребятам. нужно их предупредить о грозящей опасности. Ведь это не игра.

- Поговори со своими, а я со своими: не лучше ли на время прекратить наши встречи, положение усложняется, опасность возрастает?

Так и сделали. Но никто не пожелал отказываться от встреч. То ли не поняли степени опасности, то ли просто были по молодости полны оптимизма. Но мы все же решили: будем рисковать и дальше, потому что наши встречи имеют еще и другой смысл: мы постараемся не допустить, чтобы ребята заразились ненавистью.

Однажды Кароль мне сказал:

- Знаешь, немцы выгнали из дома семью Шкоцких. Ищу для

них квартиру. Предлагал свою.

Они поселятся у тебя?

- Посмотрели, но тесновато, не разместимся все.

Кажется, еще осенью 1940 года я познакомился с пани Шкоцкой и ее дочерью Зофией, вышедшей замуж за музыковеда Владимира Позняка.

Тогда Кароль мне предложил:

- Я бы хотел, чтобы ты познакомился с этими милыми мне людьми. Там есть удивительная бабушка.

Мы пошли. Это была вилла "Под липами" на ул. Понятовского, 55 а, как и многие другие виллы, с большой террасой с видом на Вислу и окруженную зелеными деревьями салезианскую духовную семинарию на другом берегу.

В действительности главным здесь была не вилла, а удивительная старая пани Ирена Шкоцка, которую и я стал тут же называть бабушкой.

Как Кароль попал в ваш дом? - спросил я ее.

Старая история. Однажды мой ученик я учительница, пояснила бабушка, Юлий Кудрянский привел к нам Лелку и сказал: "Это мой новый друг".

- Давно это было?

Еще перед войной, в 1938 году. Так получилось, что он стал у нас желанным гостем. И мы бывали у него в гостях. Когда он со своими товарищами поставил во дворе коллегии "Храброго князя", пригласил нас на представление. Но, увы, все сорвала война. Если и можно за что-то войну возблагодарить, так это за то, что она свела меня с Остревой, которого Кароль в прошлом году привел к нам. Впрочем, нет. Кароль с Остревой стали заходить к нам еще до войны. Только вы не подумайте, что война положила конец всему. Мы вместе много читаем, учимся.

А что вы читаете?

Поэзию. Большую поэзию.

И что же именно?

- Норвида, конечно. Обычно говорят, что у нас, поляков, есть три поэта: Мицкевич, Словацкий и Красинский. Но у меня один - Норвид. Кароль тоже так считает.

Бабушка накрывает на стол, расставляет фарфоровые чашки, угощает чаем из трав, печеньем. Это была замечательная встреча, под фортепианный концерт дочери хозяйки пани Позняковой. Забывалось, что идет война, что свирепствует оккупация. Перед нами несущая свои воды Висла, зеленый сад, полуденная тишина, в которой звучит музыка Шопена.

То, что мне тогда казалось нереальным, и было нереальным. В то время, как их выселяли из дома, пани Шкоцкой было уже за шестьдесят, но она не обращала на это внимания: она была бабушкой и в то же время самой молодой в доме. Никогда не поддающаяся унынию и никогда не теряющая оптимизма, она благодаря своей жизненной энергии нашла квартиру недалеко от Кароля, на первом этаже. Прекрасную, большую квартиру. Конечно, ее нельзя было сравнить с виллой "Под липами", но за окном шелестели деревья, стояла совсем невоенная тишина, и невдалеке текла ее любимая Висла.

Квартира Кароля недолго оставалась пустой. В один из дней он сказал мне:

Знаешь, кто у нас поселился? Профессор Мечислав Котлярчик.

Профессору негде было жить, и кров ему был необходим.

- Разумеется, это не самое лучшее жилье, но когда нет выбора...

Все было просто идеально. Под одной крышей с Каролем жил маэстро Котлярчик. Почти что за стеной, через два-три дома, пани Шкоцка. И работа кипела. Собирались энергичные люди, такие, как начинающий литератор Тадеуш Квятковский, полонистка и актриса из Вадовиц Галина Круликевич, чета Осташефс - она актриса, он скульптор, с ними приходили будущая звезда Данута Михаловска, а также Юлий Кудринский, старый товарищ, который, хотя сам и не играл, но неизменно во всем помогал. Несомненно, лучше всего они чувствовали себя у бабушки Шкоцкой, двери дома которой всегда были открыты для всех. Она выделяла им самую лучшую, самую большую комнату, в которой проходили репетиции. Бабушка не только охотно участвовала в репетициях, но всегда после них приглашала к скромному столу. И если оставалось время, эти встречи сопровождались небольшим фортепианным концертом Зофии Позняковой.

Да, все было так, только звучит как-то странно: какие-то репетиции, какие-то спектакли самодельных актеров. Нет, все было иначе. Это было предназначение свыше, призвание, это было царство искусства. Актеры как священники, перевоплощающие высший метафизический смысл искусства. Священники, обладающие неограниченной силой обновления мира и людей, - морального обновления через красоту. Такую идеологию проповедовал архиепископ Котлярчик.

Я слушал, что говорили Кароль и режиссер о целях режиссуры, и видел, как Кароль растерян. В этот дом он приводил и

Тирановского, и тогда там совершались чтения св. Иоанна Крестителя и св. Тересы Авильской.

В то время Кароль принялся интенсивно изучать их труды. Соприкосновение с этими мистиками было большим откровением, поворотом на новую стезю. С тех пор Кароль стал связывать с ними всю свою жизнь. Он молился всегда, но теперь стал молиться особенно сосредоточенно. Я видел, какое значение он придавал контемплативной молитве, которой его учили эти корифеи духа. Он все больше углублялся в эту духовность. Иногда мне приходило на ум, уж не поступил ли он в монастырь кармелитов. Я не хотел этого, ибо опасался, что монашеская жизнь ограничит его отношения с людьми, оторвет от увлечения и дела, которое было его призванием. Иногда мне казалось, что он станет актером и режиссером, что создаст большой религиозный театр, в котором будут воплощаться труды великих корифеев человеческого духа.

За то время, что мы не виделись, значительно расширились рамки нашей "апостольской" работы. Приходили все новые ребята. Мы уже не успевали. Из наших групп Живых Четок нужно было готовить способных, активных, набожных и назначать их руководителями: отдавать под их начало новые группы. Возрастала наша ответственность, нужно было больше времени уделять ребятам.

Однажды Кароль предложил:

- Иду в Вавель. Если хочешь, пошли вместе.

Я согласился. По дороге он сказал, что идет к знакомому ксендзу на исповедь.

- Откуда ты его знаешь?

Еще со школьных времен в Вадовицах. В гимназические годы он был моим наставником. Так получилось, что законоучитель нашей гимназии был очень занят, вот и попросили помогать ему нового ксендза, прибывшего в Вадовицы.

- Давно его перевели из Вадовиц в Краков?

- Давно. Когда мы в 1938 году переехали в Краков, он был первым человеком, которого я здесь навестил. Представляешь, я был у него в Вавеле в тот час, когда началась война.

- Это интересно.

- 1 сентября выпало на первую пятницу месяца. Я рано утром пришел в Вавель исповедаться. Вот тогда и начались бомбардировки.

- Да, бомбили Варшавскую улицу.

Я помогал ему служить обедню под грохот бомб и противовоздушной артиллерии.

Мы вошли в Вавель, охраняемый немецкой полицией, потому

что там находился штаб генерального губернатора. Ксендз Фиглевич жил в доме напротив центрального входа в собор. Широкая деревянная лестница на первый этаж. Дверь нам открыл улыбающийся, приятный, интеллигентного вида ксендз, пригласил в небольшую гостиную, угостил чаем; затем они с Каролем вышли, а я остался в гостиной.

Кароль не возвращался долго. Слишком долго для исповеди. И для беседы тоже. Я не понимал, что это могло значить. Наконец он появился. Несколько слов на прощание, и мы вышли.

- Почему так долго?

Кароль как будто не слышал вопроса. Только сказал:

- Знаешь, я решил стать ксендзом.

Я молчал. Для меня это было неожиданностью.

Как я потом узнал, при посредничестве ксендза Фиглевича Кароль обратился к архиепископу Адаму Сапеге и был принят в Духовную семинарию. Обо всем этом он мне ничего не рассказывал. Он знал, да и я тоже, что не стоит об этом рассказывать даже близким, так как это небезопасно. Архиепископ направил его к тогдашнему ректору семинарии ксендзу Пивоварчику, а тот перепоручил его ксендзу Казимеру Клусаку, который и наставлял его по части философии. Так Кароль стал студентом подпольной краковской Духовной семинарии. Подпольной потому, что немцы запрещали принимать кандидатов в Духовную семинарию.

Цели немцев были ясны: закрывая семинарию, они рассчитывали уничтожить католическую церковь в Польше. Господи, ведь есть и другие способы: три тысячи польских ксендзов были убиты потому, что немцы осознавали, какое влияние польская католическая церковь оказывает на развитие польской культуры. Уничтожая церковь, они стремились уничтожить нацию.

III. СРЕДА, 18 ОКТЯБРЯ 1978. ГОДА. АУДИЕНЦИЯ КОЛЛЕГИИ КАРДИНАЛОВ

Раннее утро 18 октября. Просматриваю прессу. Всюду на первом месте сообщения из Ватикана. Весь мир все еще пребывает в шоке и потрясении. Хотя на первый план уже выдвигаются события вчерашнего дня. Широко комментируется выступление Папы перед роспуском конклава. Оценки положительные.

Некоторые его пункты обсуждаются подробно. Газеты особое внимание обращают на то, что Папа подчеркнул значение и важность Собора власти, гуманизма. Приводится высказывание кардинала Пеллегрини, бывшего Туринского архиепископа, заявившего после конклава: "Содержащаяся в документе верность Собору придает ему огромную ценность".

Нахожу в печати такой фрагмент заключительной части документа, на который я вчера не обратил внимания и который сегодня меня приятно поразил. Папа сказал: "Братья и Сестры, позвольте мне как истинно любящему сыну своей родной земли, передать особое поздравление всем полякам, краковским священнослужителям и всем верующим поздравления, в которых воедино слиты воспоминания и чувства, ностальгия и надежды".

В немецких газетах я почувствовал нотки удовлетворения и радости по поводу недавнего, за месяц до избрания, пребывания Папы на немецкой земле и его месс, которые Папа отправлял на немецком и польском языках. Газеты с сожалением признают, что тогда этому событию не придавалось особого значения. Папа оставался на втором, а то и третьем плане. Писалось тогда только о Примасе Польши кардинале Вышинском, и на всех фотографиях запечатлен тоже только он. Безусловно, для немцев кардинал Вышинский это ходячая легенда, это пророк, личность, испытанный первоклассный политик. Все это так. А кардинал Войтила остался тогда незамеченным, хотя кардинал Вышинский на каждом шагу старался его выдвинуть на первый план и представлял его как своего близкого соратника и последователя.

Зазвонил телефон. Со мной хотят говорить радиожурналисты.

Не могли бы вы уделить нам несколько минут?

Пожалуйста.

Из Франкфурта нам сообщили, что вы можете рассказать много интересного из жизни Папы.

- Я близко знаком с Папой с тридцать восьмого года, а в годы оккупации мы были особенно близки.

Правда ли, что Папа был в концентрационном лагере?

Нет, неправда.

И он не был в Дахау?

Нет, не был.

К нам обратился один ксендз, который был вместе с ним в концентрационном лагере.

- Это недоразумение. В Дахау тот ксендз должен был быть в блоке для священнослужителей, а Папа в то время еще не был ксендзом.

Возможно, ему так показалось потому, что во время последнего визита Папы в Германию он служил мессу за души мучеников Дахау?

Тоже нет. Там мессу служил кардинал Вышинский.

Не могли бы вы приехать к нам в студию к 14 часам.

Я согласен.

Подготовьте, пожалуйста, свои сообщения письменно.

У меня уже все подготовлено.

Правда ли, что папа увлекался поэзией?

Да, и публиковался под псевдонимом Анджея Явена.

Я выхожу на улицу, размышляя над тем, что если бы Кароль не стал Папой, то никто никогда, кроме немногих близких, так бы и не узнал, кто такой Анджей Явен. Все, что было в его жизни частным, интимным, оказывается теперь на страницах газет, которые бесцеремонно все вытаскивают на поверхность, и, что самое обидное пишут даже о том, чего не было, сочиняют небывлицы.

До полудня я слушал радионовости. Узнал, что в 10 часов утра Святой Отец в зале консистории принимал коллегия кардиналов. Помимо кардиналов-электоров, в коллегии есть еще десять кардиналов, которым уже за восемьдесят и которые не принимали участия в конклаве.

Я слушаю передачу об этой важнейшей встрече.

“Дорогие Братья, вы сделали весьма смелый шаг, избрав епископом Рима не итальянца”. Затем Папа подчеркивает, что на последних выборах проявилась широта стремлений церкви. Выражает благодарность Папе Павлу VI за то, что он расширил международную платформу кардинальской коллегии, упомянув,

что в составе последних консисторий были и кардиналы-не италявцы.

Вот и все. Казалось бы, ничего особенного не сказал, обычная речь. Но, не желая впасть в благодушие, все же утверждаю, что эта речь была необыкновенной. И произнесена она была не в дипломатическом, ватиканском стиле, а просто, так, как говорят с близкими людьми, а главное - касалась самых актуальных тем.

В ответном слове кардинал Карло Конфалонери передает Папе приветствие римлян, подчеркивая, что верующие Рима осознают значение этого выбора и, опережая традиции, объединяются с вновь избранным Папой. Говорит, что Рим родина всех верующих и христиан, которые могут чувствовать себя в нем как у себя дома.

Комментатор отмечает, что прежде Папы в своих речах всегда говорили о себе во множественном числе, и новый Папа в своем первом слове последовал этой традиции, но во время аудиенции коллегии кардиналов говорил уже о себе только в единственном числе. Это необычно.

В заключении аудиенции Папа беседовал с каждым кардиналом в отдельности. Дал им апостольское благословение, а затем вместе с ними благославил всю католическую церковь.

В 14 часов отправляюсь на радиостудию. Беседа с редактором.

Вы что-нибудь подготовили?

Да.

Сколько страниц?

- Семь.

Ах, это слишком много. А может, вы сразу ответите на некоторые вопросы?

Пожалуйста.

Что наиболее характерное вы можете отметить, говоря о Папе?

Вы застали меня врасплох, говорю первое, что приходит на ум, и в то же время чувствую, что не знаю, с чего начать, но попробую ответить, не ругаясь за последовательность. - Пытаюсь выиграть время, чтобы найти те главные нужные слова.

Первое, о чем я скажу, еще не значит; что это самое главное.

Хорошо. Слушаем вас.

- Нет, все же то, что скажу первым, пожалуй, и будет самым главным. Первое. Это человек, который отдает всего себя молитве. Желая определить в этой личности самое характерное, выражаемое одним коротким словом, должен сказать: это человек, преклоняющийся перед святыней.

Поясните, пожалуйста, свою мысль.

- Он ежедневно часами предается молитве. В часовню приходит задолго до своей мессы, чтобы подготовиться к ней. Мессы отправляет неторопливо и вдохновенно, не важно, сколько народу - много или всего несколько человек. После святой мессы долго творит благодарную молитву. В часовне проводит и по-слеобеденные часы.

- Что он там делает?

Немного об этом известно, ибо существует негласное правило не нарушать уединение кардинала. Иногда он запирался там. Мы знали только, что каждый день он совершает Крестный путь. По пятницам он отправлялся в костел отцов-францисканцев, в часовню богомученика, чтобы там пройти Крестный путь. Как-то Примас сказал, что нынешний Папа, бывая в Варшаве на конференции епископов каждый раз, помимо прочих культовых обязанностей, повторял Крестный путь. Примас еще советовал: ищите его в часовне.

Что он еще делал в часовне?

Писал. Слева от алтаря, за скамейкой для коленапреклонения, стоял

небольшой письменный столик...

Меня снова перебивают:

Простите, не понимаю. Он что - писал в часовне?

Именно писал.

Мог бы писать в комнате. Там удобнее.

Да, но мы здесь не для того, чтобы обсуждать. Вам это, наверно, кажется странным. Вполне возможно, хотя и этому можно найти объяснение: там тишина и никто не мешает. Но истинная причина все же в другом. Он мог на дверях своего кабинета повесить табличку " Не входите", и никто бы не стал ему мешать. Но он писал в часовне. Хочу об этом сообщить, но не комментировать. Главное же в том, что там он мог в любую минуту предаться молитве. Во время молитвы, и это характерно для него, он наклонялся вперед, подперев голову одной рукой, а иногда и обими. В такой позе он пребывал долгие часы. Иногда ложился на пол крестом. Мне об этом рассказывал его водитель, однажды заглянувший случайно в часовню.

Вы упомянули о наиболее частых формах моления.

Да это так.

Не могли бы назвать поконкретнее?

Четки. Я не раз видел его с четками в руках. И всегда обязательно с четками, если мы куда-то выезжали. Мы много ездили, даже будучи в Риме. Это чаще всего были многочасовые поездки в разные места в Лоретто, Неаполь. Мы всегда вместе

молились, перебирая четки. И еще молитвенник, он никогда не забывал о нем.

Может, мы перейдем к другим характерным чертам Папы?

- Второе. Это человек, который умеет много и интенсивно работать. Умеет собраться, сосредоточиться. Использует любую возможность для работы. Он или читает, или пишет, или молится...

Почему, как вам кажется, он так много работает?

- Он всегда старается принимать участие во всех симпозиумах, собраниях. Так было тогда, когда он был в Кракове, Люблине, в Варшаве. Хотя мог направить кого-нибудь из своих епископов. Если другие пишут рефераты, беседуют, дискутируют, спорят, то он всегда пишет. В основном письма. Или читает, просматривая корреспонденцию, подписывает документы.

- Как относятся к этому присутствующие?

- Признаться, и я поначалу, видя такое его поведение, возмущался: люди стремятся что-то решить, высказать, а он читает. Но скоро мы все к этому привыкли, особенно когда поняли, что он одновременно следит за всем, что происходит, иной раз лучше других присутствующих может быстро включиться в дискуссию, даже творчески направлять ее, а в конце все обобщить и определить основные цели. Однажды его предшественник, ныне покойный Иоанн-Павел I, после заседания Синода сказал ему: "Я помню, как вы, кардинал, все записывали". Только кардинал Альбино Луциани не знал тогда, что кардинал Кароль Войтыла не конспектировал речей выступавших, а писал свою новую книгу. Но все это не значит, что он не участвовал в работе.

Вы хотите сказать, что Папа не знает отдыха?

Совсем нет. Он отдыхает, но отдыхает активно. Зимой, недели две по меньшей мере, ходит на лыжах на самых сложных татрских трассах. Летом две недели плавает на байдарках и две недели проводит в горах. Такой вид отдыха связан с перенесенным когда-то заболеванием.

Каким?

- Мононуклеозом. Его лечил наш общий друг, отличный врач Станилав Каунацкий, и именно он посоветовал Каролю такой вид отдыха.

Когда это было?

Когда Кароль был епископом у архиепископа Базиака, приблизительно в 1960 году. Кстати, о его работоспособности и умении отдыхать. Во время Соборных собраний в конце недели или в перерывах между заседаниями он всегда охотно уезжал из

Рима. Однажды отправился на Сицилию вместе с епископом Петрашко. По возвращении последний рассказывал: “Мы проезжали по живописнейшим местам, а он все читал. Мы поражались, зачем ехать, если не любоваться природой? А он читает. Да еще такие сложные вещи: книги или статьи на философские и теологические темы. Те, кто хорошо его знал, не удивлялся, понимая, что он успевает и увидеть природу из окна автомобиля.

Может, вспомните другие характерные черты?

Можно и другие.

Только, пожалуйста, покороче.

Хорошо. Он совершенно равнодушен к материальному. Практически у него ничего нет. Я уже не говорю о том, что он не собирает ни картин, ни мебели, ни золота, не копит денег. В прямом смысле у него ничего нет. Немного книг. Он не библиофил, книги ему нужны только для работы. Вот что сказал его водитель как-то в августе, перед отъездом Кароля на конклав после смерти Папы Павла VI: “Мне стыдно, что у кардинала прохудившиеся ботинки, поношенная сутана, старая шляпа, подержанный плащ. У него нет даже новых сорочек, все чинены-перечинены. Скажите сестрам, пусть присмотрят за ним получше. Выезжаем за границу, люди могут подумать, что мы не заботимся о своем кардинале”. От себя прибавлю, что живет он не там, где жил его предшественник, а в маленькой скромной комнатке. Простите, жил, простите, ибо теперь он живет не на улице Францисканцев, а в Ватикане.

Чудак, вы хотите сказать?

Нет, не чудак. Его скромность вытекает не из чудачества, а, как и его труды, из его божественности, из его стремления следовать сыну божьему Иисусу Христу, из той цели, которую он начертал себе еще будучи простым ксендзом, а может, даже раньше, когда он избрал путь служения Богу и людям, когда решил, что ничто не окажется непреодолимым на этом пути, что никогда не свернет с него.

Папа это человек, посвятивший себя великому труду спасению душ человеческих.

В чем это выражается?

Когда он стал профессором университета и позднее, будучи помощником епископа или ординарием, или даже кардиналом, он всегда заботился о душе. И своей, и епископов, настоятелей, викариев, и своих прихожан, простых людей, с которыми всегда старался быть вместе в самые важные минуты их жизни: освящал браки, крестил детей, хоронил, посещал дома во время семейных

праздников, именин, особенно на Рождество, или просто без видимых поводов приглашал к себе. Он большой знаток христианской философии, ибо целые годы посвятил ее изучению. Ведь философия - это основа теологии, кроме того, это ключ к пониманию современности. Нужно добавить, что он изучал труды не только св. Фомы, но и работы по феноменологии.

Особенно его привлекала этика, помогающая разрешению самых важных для современного человека вопросов. В этике его занимала любовь вообще, супружеская любовь в особенности. Но я, наверно, слишком отклонился от темы?

Пожалуйста, продолжайте. Если что-то окажется лишним, мы сотрем.

И я продолжал:

Прежде всего, нужно знать, что он участвовал во всех сессиях, на которых обсуждались важнейшие проблемы церкви и мира. И не только участвовал, но активно работал. Особенно во время последней сессии, когда он был в Комиссии по теологии, играющей важную роль. В одной из конституций Собора, в 13 - о роли церкви в современном мире - нет его работ. Это общий труд, но без сомнения, он приложил немало усилий, чтобы этот труд появился. Он был готов к этому, ибо принимал участие во всех Синодах епископов, которые созываются каждые несколько лет и где обсуждаются все текущие дела церкви. Примечательно, что во время этих встреч он познакомился со всеми кардиналами и многими епископами, а с некоторыми сблизился и подружился.

- Откуда вам все это известно?

Я не сказал, что во время Соборного собрания я в Риме писал докторскую диссертацию и жил тогда в польской коллегии, где и он, когда бывал в Риме, всегда останавливался. Кроме того, во время третьей сессии я участвовал в Соборном собрании и ежедневно виделся с кардиналом. Все то, о чем я говорил, помогло ему узнать Ватикан. Там он проводил по меньшей мере два месяца в году. И, наконец, он знает много языков: итальянский, английский, французский, испанский, немецкий, русский.

Это человек, умеющий быстро завязывать контакты. При первой же встрече с ним чувствуешь, что для него в данный момент нет ничего более важного, чем собеседник. Так он умеет слушать. Умест долго слушать! Сам же говорит немного. Однажды в Варшаве его обступила группа мирских католиков, они рассказали ему, что они видят плохого в современной церкви, и конкретно в польской, в кардиналах, епископах, ксендзах. В теологии и литургии. Когда они кончили, он сказал: "Очень хорошо, что верующие говорят откровенно с епископом". В другой

раз после очередной проповеди знакомый ему человек сказал: “Ну вы, кардинал, и выдали сегодня”. Кардинал попросил его присесть и сказал: “Вы поляк, и я поляк. Объясните мне, что значит это ваше ”выдали”. И долго говорил с ним на эту тему. Кроме того, у него есть прекрасное чувство юмора, сближающее его с людьми. И еще одно - умеет он от шутки перейти к важному делу.

Больше мне нечего сказать.

Благодарю вас. Над материалом нам придется еще поработать...

- Я согласен.

Я заметно устал. Ноги - деревянные, голова трещит, скорее бы на свежий воздух. Прощаюсь с редактором, со звукооператором и не торопясь отправляюсь домой.

3. 1942 ГОД СТУДЕНТ СЕМИНАРИИ

Студенты семинарии под руководством преподавателей и их ассистентов обучались заочно. Философию и теологию изучали по рукописям или записям, консультировались с преподавателями, а по окончании учебного года держали экзамен. Архиепископ Сапега соглашался с такой практикой, но понимал: если немцы узнают про это, ему несдобровать. Сначала “подпольных” студентов было всего семь, они в основном жили на селе, работали в сельских приходах секретарями или мирскими помощниками ксендзов. Кароль в этом отношении составлял исключение, так как жил в Кракове и был рабочим.

Философия поначалу давалась ему нелегко. Первая книга, которую он получил, была “Теодицея” ксендза Вайса. Я видел ее у Кароля, когда мы шли к “Сольваю”. Кароль был одет в обычную темно-синюю рабочую спецовку, в сапогах, а под мышкой держал какую-то книгу. Я спросил:

- Что это у тебя?

Он показал. На книге значилось: “Теодицея” кс. Вайса. Ни автор, ни название мне ни о чем не говорили.

- Читаешь?

- Да, хотя понимаю с трудом. Сажу у котла и пытаюсь понять, мне кажется, что это очень важно.

Вскоре после этого мы встретились снова и я спросил:

- Как продвигается чтение?

Он ответил:

- Не могу одолеть эту книгу.

Но позднее был от нее в восторге. Говорил, что она открыла ему новый мир. Я понимал, откуда эта книга и что значит его учеба, но мы этой теме не касались.

Однажды, только я успел войти в дом, ко мне прибежал один из наших ребят и сообщил:

- Кароля сбил автомобиль.

Я испугался:

Что с ним?

- Скорая увезла в больницу.

- В каком состоянии?

Потерял сознание, но живой.

Что за автомобиль?

Грузовик. Немецкий, военный. Даже не остановился.

Я помчался в больницу. Кароль лежал с забинтованной головой.

Как себя чувствуешь?

Не очень хорошо.

Как все это произошло?

Не знаю. Я шел на работу по обочине улицы - тротуаров ведь нет. И все. Очнулся через восемь часов, был уже здесь, с забинтованной головой.

Кто доставил тебя в больницу?

Не знаю. Меня сбил автомобиль, я упал. Какая-то женщина видела все это, вызвала скорую, а сама скрылась.

Что говорят врачи?

Кажется, ничего страшного. Через несколько дней выпишусь отсюда.

Но выписался он не через несколько дней, а через несколько недель, да и то только потому, что больница была переполнена. Врачи выдали бюллетень и рекомендовали дальнейшее лечение. Главным образом - соблюдать постельный режим и покой. С последним в доме было сложно, и поэтому бабушка заявила:

- Лелек переселится к нам.

Так и случилось. В комнате рядом поставили кровать для Кароля. Рассчитывали всего на несколько дней, но выздоровление проходило медленно и затянулось на несколько недель.

В то время и передо мной встал вопрос: что делать? Нелегко было отказаться от того, что уже запланировано. Я начал изучать машинное производство, так как хотел стать мастером-механиком по автомобилям, как брат и отец. Учеба близилась к завершению, меня ждали практика и защита диплома. Но уже довольно продолжительное время мне не давала покоя мысль: кем я буду? Инженером машинного производства или священнослужителем, помогающим людям постигать Бога. Выбор склонялся ко второму. Кароль, который к тому времени уже почти выздоровел, наблюдал за мной и видел мои сомнения. Еще не приняв окончательного решения, я попытался через своих подпольных товарищей связаться с гуманитарными школами, представил бумаги с заявлением, что хочу окончить школу с гуманитарным уклоном. Мне нужно было гуманитарное образование, ибо я понимал и видел, что техническое не откроет мне доступа в семинарию. Так появились у меня новые заботы - освоение гуманитарных наук. Я сказал об этом Каролю.

- Я могу тебе помочь. С польским языком, латынью, историей.

Что тебе труднее всего дается?

- Латынь.

- Хорошо, пусть будет латынь. Я буду постоянно заниматься с тобой.

Как и где?

- У меня, пожалуй, неудобно тесно. Я буду приходить к тебе.

- Договорились.

Он стал приходить ко мне два раза в неделю. Мы закрывались в комнате и зубрили латынь. Никто о наших занятиях ничего не знал, а мои сестры сгорали от любопытства. По вечерам они приносили чай, хлеб с салом и луком и старались заглянуть в наши книги и тетради.

Война продолжалась. Мы находились в окружении фронтов: бои в России, бои в Италии, да еще налеты на Англию, но уже начинались ответные налеты англичан на Германию, уже давно в войну вступила Япония и было неспокойно на Дальнем Востоке. Казалось, и нам не сдобровать. Но все мы верили, что выживем, что жить нужно.

Для этого надо было добывать пропитание, а это значит, что нужно было отправляться в деревни и обменивать домашнюю утварь, одежду, ценные вещи на продукты. Того, что мы получали по карточкам было недостаточно. Если удавалось обменять - то настоящим искусством было все это привезти. На поездках контроль, на станциях полиция с собаками, оккупанты делали все, чтобы город уморить голодом. Зимой появились новые заботы: как раздобыть топливо дрова и уголь. В нашей памяти об оккупационном времени остались лишь страх, голод и холод. Голодать приходилось все пять лет, а зимой еще и холодать, кроме того, и летом, и зимой, и весной, и осенью мы боялись арестов, облав, угона на работы, смерти в Освенциме.

В таких условиях нужно было учиться. Моя школа находилась далеко от дома в разваливающемся здании, до которого еще нужно было добраться. И мы должны были учиться, читать, в том числе и техническую

литературу, чертить до поздней ночи, а иногда и до утра, не смыкая уставших глаз.

Я сдал выпускные экзамены в школе машинного производства и стал работать на фабрике железнодорожного оборудования практикантом. Но уже твердо знал, что хочу стать священником. Сказал об этом Каролу. Он обрадовался:

Я чувствовал, что именно так и будет.

Представь меня архиепископу.

Мы отправились на улицу Францисканцев. Огромные тяжелые черные ворота, коридоры со сводчатыми потолками, широкая каменная лестница, в комнатах портреты бывших столичных вельмож. Нас встретил архиепископ Сапега. Так близко я видел его впервые, хотя хрупкая его фигура была известна всей Польше. Сухое лицо, орлиный нос, темная кожа, словно загорелая, короткие седые волосы. О его смелости, о его борьбе за права человека, помощи гонимым и страдающим людям ходили легенды. Люди его называли главой польского народа.

- Как я узнал от Кароля Войтылы, вы хотите стать ксендзом, - сказал он в нос.

- Да.

- Но вам не хватает образования?

- Техническое образование я получил, но этого недостаточно. Нужно гуманитарное.

- Сколько лет для этого потребуется?

Неполный год.

- Это хорошо. Когда закончите учебу, сразу обращайтесь.

Мы еще недолго побеседовали и расстались.

Тем временем война достигала своего апогея. Было ясно, что поражение фашистов неизбежно, но немецкие власти во всей Польше, как и в Кракове, усиливали террор, вызывая все большее сопротивление поляков. На стенах домов все чаще появлялись списки заложников; которые будут тут же расстреляны, если партизаны совершат какую-либо акцию в отношении немцев. В некоторых частях города возводились железобетонные заграждения-баррикады.

Приближался фронт и с Востока. Мы уже представляли, что Краков станет той крепостью, за которую немцы будут драться до последнего. На улицах полно патрулей, расхаживавших по трое: двое с автоматами, а третий проверял документы. Уже не было "Аусвайс, битте", а сразу же "Хенде хох", и документы из кармана задержанного вытаскивал сам патруль, так как зачастую партизаны вместо документов выхватывали пистолеты. Так что смерть ходила рядом. Я вспоминаю состояние первого шока, когда в отместку за убитого патрулировавшего солдата на улицу Тополей привезли заложников и расстреляли. Я вместе с другими пассажирами трамвая был высажен, поставлен лицом к кладбищенской стене с вытянутыми вперед руками и обыскан солдатами. Число жертв все увеличивалось. Но мы старались не поддаваться злобе и ненависти.

Первого сентября вспыхнуло восстание в Варшаве. Всех потрясла весть, что варшавяне взяли за оружие. В глазах

жителей Кракова варшавское восстание казалось верхом героизма, но вместе с тем и верхом наивности. Издаваемые немецкими властями польские газеты называли сопротивление столицы незначительной вылазкой бандитов. Между тем, из того, что передавалось шепотом, из уст в уста, о чем говорили тайно прибывшие из Варшавы, слушавшие по ночам радио и читавшие подпольные газеты, мы знали, что повстанцы и партизаны постоянно занимают важные объекты, улицы. Всюду распространялись слухи о количестве взятых в плен немецких солдат и захваченном оружии. Казалось, день-два, и Варшава будет свободной, немцы отступят. Тем более, что на другом берегу Вислы уже стояли русские солдаты. Но в самом Кракове было тихо, удивляло, что другие города не подхватили вооруженной борьбы варшавян.

IV. ЧЕТВЕРГ, 19 ОКТЯБРЯ 1978 г.

Четверг, 19 октября. Просматриваю газеты. Корреспонденты передают в первую очередь сообщения итальянской печати последних двух дней.

После кончины Иоанна-Павла I в итальянских газетах преобладало мнение, что новый Папа будет избран непременно из числа итальянцев. Это основывалось главным образом на результатах предыдущих конклавов и на аргументах, что Папа это, во-первых, епископ Рима, во-вторых, этого требует политическая ситуация в Италии, так как в противном случае укрепились бы позиция левых, в основном коммунистов. Преобладало также предположение, что конклав будет длительным. За три дня до конклава в итальянской печати все чаще упоминались имена кардиналов Генуи и Сири.

Нахожу в газетах и разнообразное суждения, попросту говоря, сплетни о ходе конклава. Некоторые газеты утверждали, будто на предыдущем конклаве кардинал Войтыла имел только около 10 голосов, утверждалось также, что эти голоса кардинал Войтыла имел уже с самого начала конклава. Почти все сходятся во мнении, что в первый день происходила борьба между двумя итальянцами: Сири и Бенелли. На втором плане оставались Урси и Папалардо.

Сегодняшний номер "Л'ЭСПРЕССО" широко освещает последний конклав, предваряя, разумеется, свои предположения ссылкой на некоторую их условность, ибо "кто теперь может знать наверняка". В противовес спокойному течению августовского конклава нынешний отличался бурным, если не сказать трагическим, характером. Приводятся основные его моменты.

Первый день был посвящен поискам большинства, необходимого итальянскому кардиналу. Образовался блок из почти двадцати кардиналов-куриалов, возглавляемый кардиналом Сири. Кардиналы Бенелли, Папалардо, Урси старались этот блок нейтрализовать, чтобы обеспечить голоса Периклу Фелици. Другая группа примерно около двадцати человек, в большинстве своем не итальянцы, не видя преимуществ и возможностей Фелици, голосовала за Полетти главного противника Бенелли. В такой расстановке сил большинство голосов собрали Сири и Бенелли.

На втором голосовании должна была решиться судьба этих двух кардиналов, поскольку у Сири было около 25 голосов, у Бенелли - около 40. На третьем голосовании неожиданно голоса Сири были отданы Бенелли, однако и это не помогло ему собрать необходимые 2/3. Хотя не хватало немного. На четвертом круге голосования появился новый поворот. Его участники искали новый выход. Сократилось количество голосов у Бенелли, появились голоса за Пеллегрини. Но и это не дало ожидаемого результата. Ночью с 15-го на 16-е блок новаторов, бывших вначале за кардинала Полетти, выдвинул новые фамилии: Войтылу, Пирони, Виллибрандта, Кенига, Пеллегрини, Хуме. Сначала голоса разделились, затем постепенно сконцентрировались на фамилии Войтылы. Он и вступил в соперничество с Бенелли. Послеобеденное голосование определило Войтылу.

Итальянская "Панорама" сообщала, что в первый день на четвертом голосовании чуть было не прошел Бенелли. И добавляла, что именно этот момент и встряхнул третий мир (в результате при последнем голосовании Войтыла собрал 103 голоса), Кениг призывал голосовать за Войтылу всех немецкоязычных кардиналов.

Некоторые газеты пытались восстановить чуть ли не весь ход конклава. Утверждается, что на этом конклаве, как и на предыдущем, основным стратегом был кардинал Бенелли. На предыдущем он выдвинул своего человека Альбина Лучиани. Однако на следующем кандидатура Лучиани не прошла, поэтому он выдвинул свою, хотя понимал, что многие его не поддержат, ибо знают его "сильную руку". Он прекрасно сознавал, что борьба будет нелегкой. Потому и сделал ставку на ультраправого и консервативного Сири, о котором отзывались пренебрежительно. Бенелли постарался, чтобы стало известно, будто Сири собрал большинство, что привело многих кардиналов в замешательство. Тогда Бенелли выдвинул себя как единственного спасителя церкви от кардинала Сири. И совсем немного оставалось до момента выдвижения Войтылы.

Печать преподносила и другие сплетни. Говорят, будто нынешний Папа после конклава, избравшего его большинством голосов, отказался от оказанной ему чести. Газеты не сходились во мнениях о том, что же все-таки побудило Войтылу дать согласие. Приводятся четыре версии-предположения.

Первая: Войтыла сначала отказался, но после очередного голосования, которое выявило окончательную его победу, согласился.

Вторая: кардинал Войтыла отказался, но под влиянием

кардинала Вышинского изменил свое решение.

Третья: Войтыла якобы потребовал повторного голосования, чтобы убедиться, что его избрание не является следствием случайности или закулисной борьбы некоторых группировок. Иными словами, он хотел убедиться, действительно ли кардиналы уверены, что Папой должен стать именно он. После третьего голосования у него было около семидесяти голосов, а после четвертого, проведенного по его просьбе, - уже 104.

Четвертая: Войтыла после избрания его Папой попросил предоставить ему несколько часов для размышления и лишь после этого принял оказанную ему честь.

Судов и пересудов о выборе Папы, об игре отдельных кардиналов и их группировок было много. Я привел здесь лишь несколько, чтобы передать ту обстановку, которая царила в тогдашней печати.

Из Бонна позвонила корреспондент "Таймс". Потом последовало еще несколько звонков из католических и евангелистских ежедневных и еженедельных изданий. Вопросы задавались в основном те же, на которые я отвечал по радио, но были и новые. Некоторые журналисты ссылались на данные печати последних дней и даже часов. Многие выражали удивление в связи с решением кардинальской коллегии, рассуждали о том, как трудно было умудренным опытом людям, привычным к устоявшимся схемам мышления, преодолеть столько психологических барьеров, основные из которых: избрание не итальянца, человека с Востока, и, наконец, довольно молодого по возрасту.

Что вы, ваше преподобие, обо всем этом думаете?

А как вы, мадам, предполагаете, какую телеграмму я отправил Святому Отцу?

Было бы интересно узнать.

"Я ли не говорил? Метек".

Что значит "Метек"?

Это мое имя.

А, понятно.

Подобная оценка кардиналов, о которой вы, мадам, упомянули, свидетельствует лишь о том, насколько слаба в этом отношении ориентированность журналистов. На мой взгляд, только один барьер в своем мышлении должны были преодолеть кардиналы - это молодость Войтылы. Хотя для меня и это не кажется серьезным препятствием. А для кардиналов, хорошо знающих Войтылу, и молодость его не была барьером, который нужно преодолевать. Лучшее всего данную ситуацию характеризует

высказывание одного кардинала: я бы голосовал за Войтылу, хотя он и не итальянец. Иначе говоря, журналисты, и не только журналисты, просто не знают, кто такой Войтыла. Потому так и удивлены. А вот кардиналы знают.

Как вы относитесь к тому, что нынешний Папа - поляк по национальности?

Я считаю, что произошел важный перелом. Важный для самой Италии, для внутренней ее политики. Папа, будучи не из числа итальянцев, остается независимым от итальянской внутренней политики. До сих пор Папа считался своеобразным тылом партии христианских демократов, поддерживающим и укрепляющим ее своим авторитетом. И наоборот партия христианских демократов считала Папу своим покровителем и защитником, потому они и требовали для себя особых привилегий и прерогатив. Об этом вслух не говорилось, но ясно было всем.

И вдруг все неожиданно изменилось. Папа не итальянец и не оказывает влияния на внутренние дела. Не то чтобы они его не касались или не интересовали, просто он теперь выше всего этого и держится отдельно. В печати кто-то выразился так: Тибр разлился.

- Как вы считаете, какие теперь задачи стоят перед Папой?

Признаться, об этом я и думаю с самого его избрания. Их много, даже очень много. Взять хотя бы то же упорядочение аппарата управления. Другими словами, определение места епископской власти в церковном управлении.

Вы, наверняка, помните слово, произнесенное Папой в обращении к кардиналам: "Коллегиальность".

- Разумеется. Можно только благодарить Павла IV, создавшего такую инстанцию, как епископский Синод. Синод, который должен помогать Папе, т.е. представлять предложения, которые Папа утверждает и поручает Курии для исполнения. Но следует отметить, что Синод не исполнял этих возложенных на него обязанностей. Курия - только исполнительная власть в Ватикане, между тем в течение нескольких лет с последнего Соборного собрания можно заметить, что Курия старалась быть не только исполнительным органом, но и законодательным. Так что остается открытым вопрос, как новый Папа будет реализовывать положения II Ватиканского собора, а теперь уже и свои.

Как вы полагаете: Папа учредит новую инстанцию или оставит уже имеющуюся - епископский Синод?

Предполагаю второе. Тем более, что секретарем Синода является его хороший друг епископ Станислав Рубин, которого он много лет знает и ценит.

Что вы думаете о высказанном мнении, будто нынешний Папа - феномен, т.е. Папа из него лучше, чем епископ?

Признаться, подобного я не слышал, но согласен, что тут есть доля правды, хотя не понимаю, на чем основывается это мнение.

- На тех нескольких днях понтификации, во время которой он был таким простым, непринужденным, а главное, держался смело и естественно по сравнению с поведением в предыдущие годы, ну, например, во время посещения Западной Германии, где его никто не заметил, он был каким-то скованным.

- Если продолжить эту мысль, то я должен сказать, что он лучше всего чувствовал себя, когда был ксендзом. Тогда он был свободным. Потому новые обязанности, будь то епископа-суффрагана, архиепископа-митрополита или позднее - кардинала, накладывали печать необходимости "считаться с кем-то" и ограничивали его инициативу, свободу мысли, деятельности, слова. Обязанности Папы освобождают его от всего этого и приближают к первым обязанностям. Он как бы становится обыкновенным ксендзом.

- А правда ли, что он был не лучшим управляющим децезии? Тут я вспыхнул от негодования:

-Настолько хорошо управляемой децезии, как Краковская, нет во всей Польше. Сколько примеров хорошей работы он показал. Разница лишь в том, что он не управлял, а руководил. И это было достойное дело. Он не только сам трудился, но и других подключал к работе.

- И все работали?

Да, все работали под его неусыпным наблюдением, руководством и следуя его консультациям. Даже те, от кого работы, кажется, и ждать не приходилось. Главное, что он старался не делать все сам, а умел обязать другого человека, способного к этому или инициативного. И этого было достаточно. У него были такой авторитет и способности, что даже после краткого разъяснения становилось ясно, чего именно он хочет добиться в церковной культурной жизни Кракова или всей Польши.

Можете ли проиллюстрировать это примерами?

Пожалуйста. Такие явления, как периодические съезды польских теологов, симпозиумы по конкретным вопросам, на которые приглашались высокопоставленные мирские и духовные лица со всей Польши, между прочим, приглашались лично им самим. А его большая заинтересованность в инициативе ксендза Блахницкого о сотрудничестве с мирянами, несмотря на

сопротивление ближайших его сподвижников, отлично подготовленный Синод децезии при участии мирян все это синодальным группам других децезий даже не снилось. Кроме этого, создание научных учреждений, таких как институт катехизиса или институт семьи. Это всего лишь несколько примеров в подтверждение моих слов.

Вечером состоялась еще одна беседа.

- Каким вам видится Папа в будущем?

- Это такой объемный вопрос, что трудно на него ответить.

- Я имею в виду, что по кардинальской деятельности можно как-то судить о том, каким он будет Папой?

- Понятно. Так сложилось, что я знаком с ним с юношеских лет. Я помню, когда он поступил в семинарию, когда стал ксендзом, профессором, когда посвящался в епископский сан, когда был помощником епископа, когда, наконец, стал архиепископом и был удостоен чести быть кардиналом. На основании всего этого могу судить, что Папа - это такой человек, который вживается в роль, предназначенную ему Провидением.

- И быстро вживается?

- Не всегда. И не каждая роль ему сразу дается. Однако вы любопытны.

- Такова профессия.

- Хорошо. Только прошу учесть, что мы оба говорим наспех, без подготовки, поэтому то, что я теперь сказал, является моим личным мнением, но я могу и ошибаться.

Разумеется.

- Так вот, мне кажется, что труднее всего ему давалась роль кардинала.

- Потому что это очень высокий титул?

Вот видите, как быстро возникают недоразумения. Как хорошо, что вы об этом спросили. Нет, не поэтому. Из-за специфической ситуации в Польше. Когда он стал кардиналом, нашлись люди, которые пытались расценивать его как будущего кандидата, противопоставленного кардиналу Вышинскому.

- Откуда вам это известно? - снова слышу тот же вопрос. - Известно, так как в то время, когда он приезжал за кардинальской шапочкой, я находился в Риме. И сложилось так, что у него не было своей машины, так что я был в качестве шофера, и мы много обо всем говорили.

Еще один вопрос. Не кажется ли вам, что внимание к личности Папы скоро иссякнет?

Внимание всегда бывает кратковременным. Но в данном случае полагаю, что быстро не иссякнет.

- Не боитесь разочароваться?

Нет. Говорю это потому, что хорошо его знаю. Не могу утверждать, каким он будет Папой, но одно твердо гарантирую. Он будет работать так, как работал в Кракове, и останется таким же человеком, каким его все знают. Безусловно, осознаю, что предстоят ему трудные моменты, когда нужно будет принимать ответственные решения, но это такой человек, который хорошо представляет себе, к чему он стремится. Он будет вести в гору. И я верю, что многие пойдут за ним.

4. 1944 ГОД. ПОДПОЛЬНАЯ СЕМИНАРИЯ

Это произошло 7 августа 1944 года. В одно солнечное воскресенье.

Я со своей группой ребят отправился на гору Твардовского. Звучит впечатляюще, ибо в действительности это не была гора, и даже не Твардовского, просто холм за Краковом на берегу Вислы со стороны Пыховиц и Тинцы. Должен был прийти и Кароль, но его почему-то не было. Пришло несколько его ребят. Мы довольно долго играли в футбол. Во время игры мы забывали об оккупации. Вечером возвращались домой. Еще разгоряченные игрой, вспотевшие, уставшие, но счастливые, набегавшиеся и накричавшиеся вдоволь, как в былые спокойные времена. Меня беспокоило то, что не пришел Кароль. Бывало, опаздывал, но обещание всегда сдерживал. Вдруг на спуске с холма кто-то крикнул:

- Немцы едут!

Мы остановились как вкопанные. С горы сквозь кустарник хорошо было видно, как в пятистах метрах, там, где кончаются улица Твардовского, последние дома и огороды, на пыльной дороге показались крытые автомобили с прицепами. Из них выскакивали солдаты в зеленой, казавшейся на фоне солнца черной, форме.

Облава.

Мы бросились врассыпную, время от времени поглядывая, что творится там, внизу. Солдаты не кинулись за нами, а только перекрыли дорогу, и мы видели, как они шли к домам. На наше счастье на горе Твардовского никто никого не искал. Мы боялись, что они будут искать партизан или оружие именно здесь. Мы думали, что предпринять дальше. Кто-то предложил:

- Спуститься с горы в направлении улицы Твардовского и разбрестись по домам.

Но мы были слишком напуганы, чтобы идти в город. Увидели приближающихся людей, в основном мужчин, которые сообщили, что всюду облавы, но им удалось как-то выбраться. Со стороны города доносились выстрелы, очевидно, расстрелы: казалось, что идет бой, но скоро все стихло.

Что случилось с Каролем? Может, ему удалось спрятаться?

Беспокоила мысль, что он мог оказаться в полиции.

Мы понимали, что облавы таких масштабов еще не было. По сообщениям добравшихся до нас мы поняли, что ловят и прямо на улице, и в домах без расспросов и разъяснений.

Документы проверяют?

Нет. Хотя, когда забирают из дома, приказывают захватить и документы.

И все?

В моих и в документах Кароля был немецкий штамп. В случае облавы это нас отчасти охраняло, давало надежду, что, может быть, нас сразу не заберут или скоро отпустят домой наша работа казалась чем-то важным. Хотя, как выяснилось из рассказов пришедших людей, никто на это не обращал внимания. Мы спрашивали друг друга:

Что будем делать?

Ничего, ждать, советовали одни. Посмотрим, не станут ли окружать немцы гору Твардовского, и, если увидим, что дело идет к этому, бежать в направлении Пыховиц и дальше.

- Куда?

Этого никто не знал. Смеркалось. Мы были легко одеты, почти ни у кого не было пиджака или свитера. Становилось холодно. Ребята помоложе уже замерзли. Нужно было искать какой-то выход. Я решил рискнуть.

Оставайтесь здесь. А я сбегаю на улицу Твардовского. В самом ее начале живут знакомые Людвик Журка с семьей. Узнаю, что творится в городе и попрошу у них ночлега для нас.

Становилось уже совсем темно. Я не решался идти улицей, боялся наткнуться на немцев, поэтому бежал огородами. Я всегда думал, что в этих огородах я хорошо ориентируюсь, что они разделены только невысокими деревянными заборами, но все оказалось далеко не так. Я шел медленно, чтобы не было слышно моих шагов, и все казалось, что за углом дома или деревом стоит немец. Меня пугали любой шум, эхо моих шагов. Мне приходилось преодолевать высокие заборы, я уже потерял ориентацию, не соображал, куда иду. К счастью на небе зажглись звезды, и стали видны контуры домов. Лай собак пугал меня, я воображал, что они сейчас накинутся на меня, а может, это не простые собаки, а гестаповские овчарки. Наконец я оказался на месте. Решил постучаться в темный, будто вымерший дом с плотно закрытыми ставнями. Долго никто не отворял. Я постучал в окно. Тоже ни звука. Мысль, что ребята там мерзнут и волнуются за себя и меня, заставляла стучать так сильно, что, казалось, вылетят стекла. Наконец послышался голос:

Кто там?

Малинский.

- Малинский? - раздался удивленный и недоверчивый голос.
Какой Малинский?

Метек, брат Юзефа с Мадалинской.

Но Юзеф в тюрьме.

- Откройте, пожалуйста.

Послышался звук отпираемого замка, звон откинутой цепочки. Наконец дверь открылась. Сам хозяин Людвик осматривал меня с недоверием, затем провел в освещенную комнату.

Что творится в городе? - спросил я.

Ничего не знаем.

Как вы спаслись?

- В последнюю минуту спрятался в буфете. Пока тихо, но не известно, что будет дальше. А ты, Метек, что здесь делаешь?

Я рассказал. И спросил, не может ли он принять нас с ребятами на ночлег.

- Они не могут вернуться домой, уже комендантский час, и их всех выловят. А на горе Твардовского тоже небезопасно, так как немцы могут догадаться, что многие там спрятались, к тому же очень холодно.

Я видел, что Людвик не выказывает большого энтузиазма пустить нас на ночь. Бойтся. Ничего удивительного у него семья.

Но и у меня не было другого выхода. Я настаивал. Наконец он согласился:

Только если что случится, не беру на себя никакой ответственности.

- Естественно. Спасибо.

Я возвращался тем же путем, через огороды и кусты. Долго искал свою группу. Наконец нашел. Радость была неописуема. Ребята опасались, что со мной что-то случилось. Ждали, голодные и замерзшие. Я повел их в город. Только просил идти как можно тише. Хотя все старались как могли, но меня все время пугал любой звук. Вот мы и на месте.

- Так много? хозяин явно был в испуге.

В сенях мы набрали сена, чтобы не лежать на голом полу. Укрылись чем могли и спать. Пан Людвик принес какое-то покрывало. Я выпросил у него немного хлеба для проголодавшихся ребят. И спать. Некоторые ребята, уставшие и издерганные, заснули крепким сном, а я не мог. Было холодно, неудобно, пугали звуки, доносившиеся с улицы, и лай собак. Ночь казалась длинной, я никак не мог дождаться рассвета. Задремал под самое

утро. Меня разбудил хозяин. Я увидел над собой его озабоченное лицо.

Что случилось?

Ничего. Но вам пора уходить.

Который час?

Пять.

Не слишком ли рано?

Нет. Уже люди ходят. Неизвестно, что еще день принесет. Я всю ночь из-за вас не сомкнул глаз. Боялся, чтобы не случилось беды. Кругом так много недобрых людей.

Я разбудил ребят. Они встали замерзшие и заспанные.

Мы должны идти по двое, в крайнем случае по трое. Не торопясь, но и не слишком медленно. Не бегите, если увидите патруль, а то будут стрелять, и старайтесь громко разговаривать, чтобы предупредить других.

Мы прощались друг с другом так, будто никогда больше не увидимся. Вышли на пустынную улицу. Я рассчитывал, что встретим людей, спешащих на работу, и пойдем за ними. Но ничего подобного, улицы были пусты. Мы шли по вымершему городу, но, к счастью, все добрались домой благополучно.

Дома я застал сестер и мачеху. Брат был в тюрьме. Позже мы старались добиться его перевода из политического отдела в обычную тюрьму, но нам не удалось. Сестры очень волновались за меня, всю ночь не спали и теперь решали, идти на работу или нет. Решили идти. Мачеха отправилась в город за продуктами, а я не мог решить, идти ли мне на фабрику. Могло случиться так, что оттуда всех рабочих вывезут в лагерь. Но с другой стороны, я понимал, что невыход на работу мог вызвать разные подозрения. И все же я остался дома. Пытался читать, но не мог. Вдруг кто-то постучал в дверь. Я не открывал. Стук повторился во второй, третий раз, но не настойчиво, а просто тихим постукиванием.

Кто это может быть? Если полиция, то уже ломали бы дверь. Может, кто-нибудь из моих ребят?

Кто там? - решил я подать голос.

Ксендз.

- Ксендз? - удивился я. Голос был знакомый. - Какой ксендз?

- Ксендз Кушковский, от архиепископа.

Я открыл. За дверью стоял улыбающийся незнакомый ксендз.

Входите, пожалуйста.

Я пришел сообщить, что архиепископ просит вас зайти сегодня после обеда в семинарию. Начинаются занятия.

Но я еще не окончил учебу.

Будете учиться здесь и там.

Кто еще, кроме меня, придет?

Увидите, - ответил он уклончиво, мой вопрос был лишним.

После обеда к вам зайдут, чтобы проводить в семинарию.

Вернулись сестры и сообщили известия об этой большой облаве. Рассказывали, что всех мужчин закрыли в тюрьме под Краковом и неизвестно, когда выпустят. В это время кто-то опять постучался. Оказалось, что пани Зофия Старовецка-Морстынова.

- Я должна проводить вас в семинарию.

Сестры не понимали, о чем речь.

Я поступаю в духовную семинарию.

- Куда? Нет, Метек, не делай этого!

Сестры заплакали. Мы вышли и зашагали по пустынным улицам. Она впереди я сзади. Дойдя до угла, она давала мне знак, что можно идти. Труднее всего было перейти Денбницкий мост, так как около него стоял патруль. Затем по улице Звезинец, которая мне теперь казалась такой длинной. Напротив архиепископского дворца стоял контрольный пост, поскольку там был жилой дом, где жили полицейские. Еще один дом, соединяющийся со зданием семинарии, и снова полицейский пост. Только бы удалось пройти.

Удалось. Я оказался в объятиях какого-то юноши.

Я спросил его:

Кароль Войтыла тут?

- Тут.

Вышел сам Кароль. Мы обнялись так, как будто уже не чаяли свидеться.

Где ты был во время облавы?

- Представь себе, дома. Но, к счастью, никто не пришел.

Тут снова к нам подошел тот юноша, с которым я встретился в дверях. Улыбаясь, представился:

Сташек Старовецкий. Это моя тетя тебя привела. Пошли наверх - покажу, где будешь жить.

Нашей общей комнатой стал один из приемных покоев архиепископа со специальным входом в холл со стороны часовни. Здесь стояли несколько простых металлических кроватей, большой стол, несколько стульев. К своему удивлению я увидел, что студентов, выброшенных СС из зданий семинарии на Замковой улице, всего восемь. Немецкие власти запретили принимать кандидатов для изучения теологии, и поэтому был только последний - пятый курс. Их было всего трое, но и это было для нас шансом "смешаться" с ними.

Я спросил Кароля:

Кто тебя сюда привел?
Конечно, бабушка Шкоцка.
И без осложнений?

Без.

Давно ты здесь?

Всего несколько часов.

Все равно должен больше знать, что случилось, почему архиепископ созвал нас сюда?

Наступают русские. Если они будут двигаться такими темпами, то появятся здесь, в Кракове, или окружают его в самые ближайшие дни. Архиепископ волнуется за нас. Он решил, что в любом случае у него мы будем в безопасности. И, кроме того, хочет, чтобы мы начали болсе или менее нормальную учебу.

Почему только “более или менее”?

- Нет всех профессоров.

Как бы там ни было, все равно начинается нормальная учеба. На следующий день появилось еще несколько ребят, прибывших по приглашению архиепископа из деревни. Все мы были веселы и полны энергии. Беспокоили нас только события, происходящие за стенами семинарии. Как позже выяснилось, немцы предприняли эту облаву, опасаясь, что может вспыхнуть восстание, как в Варшаве. Они хотели выловить всех подозрительных, доказать городу, что, несмотря на сообщения вермахта об “оставлении немецкими войсками своих позиций”, они еще достаточно сильны.

Город постепенно возвращался к нормальному ритму. Немцы отпускали тех, кого нельзя было в чем-либо заподозрить. Тех же, кто, по их мнению, был ненадежным или вызывал подозрения, вывозили в концентрационные лагеря или вглубь Германии. Учреждения, фабрики, бюро, которые были закрыты по причине нехватки работников, теперь снова открывались. Меня навестили сестры и опять плакали, умоляя, чтобы я не учился на ксендза, они сообщили также, что меня искала полиция.

Что вы им сказали?

- Что как ушел в воскресенье, так и не вернулся.

Через несколько дней полицейские вновь заявили и сказали, что меня искали среди арестованных и не нашли, поэтому еще раз спрашивали, где я. Пригрозили, что если я не объявлюсь, то одну из сестер возьмут в качестве заложницы и отправят то ли в тюрьму, то ли в Освенцим. Но сестры твердили свое. Ясно, что все проблемы разрешил бы приход русских, но они где-то застряли. И архиепископ оказался в затруднительной ситуации. В его доме жили несколько ребят. Любая неожиданная ревизия, контроль или простейший осмотр выявил бы нас, а архиепископа

могли обвинить в сокрытии партизан. Мы совещались с Каролем, как быть. Решили, что если кого-нибудь из-за нас арестуют, то мы должны объявиться сами. Но как объяснить, где мы столько времени были? Правда, в последнее время полиция обо мне стала забывать, а вот о Кароле нет.

Помнишь нашего знакомого директора фабрики Кулаковского? Может он что-нибудь посоветует?

- Лучше всего каким-либо образом уничтожить карточки работающих. Но как это сделать? У нас нет поддельных документов, и если нас кто-нибудь узнает, а узнать могут, несмотря на наши сутаны, то отправят в Освенцим, а оттуда выход только через печь.

- Пойду к архиепископу.

Я ждал его.

Ну что?

Архиепископ спросил, кого можно послать к директору Кулаковскому. Я предложил ксендза Фиглевича.

Однажды мы стояли с архиепископом у окна, и он, глядя на немецкий патруль, сказал:

А что будет, если они в один прекрасный день вздумают зайти к нам? Лучше об этом не думать.

Наступило временное затишье. Даже дела Кароля немного улеглись, хотя ксендз Фиглевич ничего хорошего не сообщил. Рассказывал, что Кулаковский обещал сделать все возможное ради архиепископа Сапеги, но вряд ли это в его силах, так как он уже больше не директор фабрики.

Архиепископ искал выход. Нас облачили в сутаны на тот случай, если придут немцы подумают, что мы ксендзы, а не студенты. Словом, сутана безопаснее, чем гражданская одежда. Без каких-либо литургических обрядов каждый из нас получил в подарок сутану от подпольных ксендзов. Я получил ее в подарок от ксендза Пивоварчика. Сутана была мне велика, длинные и широкие рукава путались, давило шею, все было неудобным. Так же чувствовал себя в сутане и Кароль. Его колоратка, пристегнутая на спине металлической пуговицей, все время высывалась. Помимо сутаны, спасти нас могли бы еще поддельные документы. Не так-то просто было их достать, как мы думали. Делали их долго, заставляя нас нервничать и волноваться. Наконец мы их получили. Они были такие же, как наши старые, только выглядели лучше.

Но не это теперь было главным. Главным были занятия и духовные упражнения. Многие лекции мы слушали все вместе. Спустя несколько дней после нашего появления в семинарии

архиепископ представил нам духовного отца семинарии ксендза Станислава Смоленского. Это был спокойный, добрый человек, говорил он мягко, проводил конференции, ежедневно предлагал нам темы для утренних медитаций, а по пятницам возглавлял крестный ход.

Трудовой ритм становился почти нормальным. Подъем ранний, до шести. Умывание в примитивных условиях, затем получасовая медитация в часовне, после чего самим архиепископом проводилась месса. Прислуживали ему по двое из числа студентов. Затем следовал завтрак в смежном здании, а потом свободные прогулки и беседы во дворе. К беседам часто присоединялся и архиепископ.

Ректором семинарии был архиепископ. Он взял на себя эту ответственную должность. Об этом он сказал сразу на первой организационной конференции, которая проходила в часовне.

- Я являюсь вашим ректором, и за все, что здесь происходит, отвечаю сам.

Нашим префектом был ксендз Казимеж Клусак. Спокойный, неразговорчивый, глядящий поверх очков, он целыми часами, до поздней ночи, корпел над своими философскими трудами, но никаких лекций не читал.

В полдень обед. Затем снова прогулки во дворе. Преклонение перед Святым причастием. Индивидуальные занятия. Я должен был еще продолжать свою учебу, которая заканчивалась в декабре.

Кароль много читал, я видел его на наших послеобеденных занятиях сидящим над книгами с характерно склоненной головой.

В нашем "салоне" жили и учились несколько ребят, все мы соблюдали распорядок. Старались не нарушать дисциплину и не мешать друг другу. Мы сознавали, что делаем, что творится за стенами нашего дома, на краковских улицах, а главное - там, в Варшаве.

Восстание угасало. Все понимали, что победить невозможно. Если не удалось взять Варшаву в первые дни, то теперь тем более. Повстанцы отступали, сдавая все новые и новые районы города. Известия о казнях, о том, как немцы расправлялись с горожанами, о расстрелах повстанцев и неповстанцев, о пожарах и разрушениях, об уничтожении Варшавы приводили нас в ужас.

После поражения восстания в Краков валом повалили беженцы из столицы. Группы помощи и содействия не успевали помогать всем. К архиепископу все время приходили какие-то люди, организовывавшие разностороннюю помощь оказавшимся в беде.

Мы не могли выйти за стены нашего здания, чтобы присоединиться к акции милосердия. Все наши силы были отданы

учебе.

Архиепископ, несмотря на свою занятость и заботу о польском народе, польской и краковской церкви, старался создать нам такие условия, чтобы наша учеба не только не прерывалась, но и была более или менее налаженной. Он заботился не только о том, чтобы хорошо преподавались философские и теологические дисциплины, но и о нашей практической подготовке. Уроки дикции нам давал один из известнейших польских актеров Юлиуш Острева. Архиепископ знал его со времен пани Шкоцкой. На первой лекции он всех нас сердечно приветствовал, особенно Кароля. Уселись за столы. Преподаватель сел рядом со мной. После короткого вступления велел прочитать мне какой-то отрывок. Я прочитал. Затем прочитал он. Мы не могли не заметить разницы в чтении. Он попросил этот же текст прочитать и Кароля. А потом пояснил, что значит уметь читать проповедь.

Надвигалась очередная трудная военная зима. Я выдержал экзамен по гуманитарным дисциплинам. Ночью нас часто будили артналеты. Бомбили фабрики под Краковом. По ночам были слышны артиллерийские залпы. Русский фронт приближался. Мы надеялись, что Рождество будем отмечать свободными. Но не тут-то было. Мы все понимали, что Краков станет крепостью. Вермахт готовил город к этому. Но вместе с тем было заметно, что немцы все-таки собираются его оставить. Минировали все мосты, здания, памятники, рассчитывая оставить после себя только развалины. Началась эвакуация. Вывозились музейные ценности, библиотеки. Нам почему-то этого не было жалко, "только бы успели вывезти". Но не верилось, что это удастся. Начались налеты русских самолетов на Краков. Маленькие самолеты бросали бомбы на намеченные объекты и улетали. Почти никто не отстреливался, а немецких самолетов не было видно. Окна нашей комнаты выходили на улицу. Мы не могли задерживаться у окна, но достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что там происходит: немцы спешили оставить Краков. Грузовики беспрерывно вывозили украденные ценности.

Это произошло неожиданно. В ночь на 16 января. Всю ночь не смолкал шум машин: срочно эвакуировалась полиция. Начинался день, а кругом было пусто и тихо. В городе остались только части вермахта.

День стоял красивый, но холодный. Временами проезжал один-другой автомобиль с немцами. Стрельба приближалась. Город пустел. Неужели немцы изменили планы и отдали Краков без борьбы? Вдруг послышался звук самолета.

Немногочисленные прохожие скрылись во дворах. Обстреляли

ворота нашего здания. К счастью, никого не задело. Затем повторилось то же самое — самолет пролетел над нами. Но не бомбил. Стояла тишина. Вдруг — страшный взрыв. В нашем доме из некоторых окон вылетели стекла. Это взорвали железнодорожный мост. Спустя некоторое время последовал второй взрыв — еще один мост. Во время вечерней молитвы в часовне раздался еще один взрыв, гораздо сильнее прежних. Все стекла из окон вылетели, с крыш снесло черепицу. Это взорвали Денбницкий мост. Архиепископ велел прервать молитву и спуститься в убежище. Да мы и так не могли оставаться в своей комнате. Без стекол было холодно, гулял ветер. Мы могли закрыть только ставни. Электричества тоже не было — станция не работала. Спрятались в подвале. Шла стрельба, но здесь она была не так слышна. Мы молились и пели псалмы. Наверху остались только архиепископ и его капеллан. Ночью, когда было особенно опасно, архиепископ прислал капеллана к нам, а сам остался там один.

V. ПЯТНИЦА, 20 ОКТЯБРЯ 1978 г. ПРИЕМ ДИПЛОМАТОВ

Я встал рано. От центра Мюнхена до аэропорта примерно 20 километров.

Отвез меня Гюнтер. Тумана нет, но стоит какая-то мгла. Холодно. К сожалению, в намеченный час во Франкфурт мы не вылетаем. Там туман. Видимо, настала пора туманов. Ждем, когда прояснится. Мне, собственно, все равно. Я сижу в зале ожидания и пишу то, что не успел написать вчера из-за сборов в дорогу. Зал маленький, маленький и аэропорт, да и самолеты тоже маленькие. Обстановка уютная, пассажиры быстро знакомятся друг с другом и непринужденно вступают в беседу.

Время между тем бежит, полеты откладываются один за другим. Я сижу, погрузившись в воспоминания. Только изредка передо мной возникает фигура аэропортовского полицейского в темно-зеленой форме, с португеей через плечо. Наконец я остаюсь почти один. Следующий рейс только в 10.25. Может быть, я еще успею на римский самолет в 12.20. Если, конечно, мы вовремя поднимемся в воздух. Увы. Оказывается, туман уже рассеялся, но принимаются только самолеты с других континентов.

Наконец вылетаем. Сначала мы летим в облаках, но вскоре, вынырнув из них, видим огромное солнце. В самолете продолжаю писать воспоминания о годах оккупации. Когда устаю, смотрю в иллюминатор. Там видны Франкфурт, современные архитектурные ансамбли, а прямо под самолетом леса, поля, маленькие местечки и усадьбы, все это сливается в прекрасно спланированную картину.

Спускаемся через час, после нескольких кругов над городом. Туман рассеялся, но солнце еще не выглянуло.

Самолет в Риме приходится ждать долго. Я ишу в аэропорту в этом комплексе залов ожидания, коридоров, лестниц, магазинов, ресторанов, баров, более или менее спокойное и тихое место, чтобы можно было писать. В огромном ресторане нахожу дальний столик, который обслуживают турки, а может, греки. Сгущаются сумерки. В окно видны взлетающие и садящиеся самолеты, готовящиеся к отлету и подъезжающие к "рукавам",

чтобы посадить пассажиров. Смотрю на все это, как на спектакль, глазами паренька далекого военного времени.

Наконец подают "Боинг-747". Мы вылетаем вовремя.

Аэропорт в Риме. Уже совсем темно. Идет дождь. Весь багаж у меня с собой: чемоданов ждать не нужно. Поэтому я легко впрыгиваю в автобус, который тут же отправляется полупустым в сторону города. Немного беспокоюсь, найдется ли в "моей коллегии" для меня место. "Моя коллегия" звучит несколько странно, но именно в том доме я прожил почти два года, а затем, когда продолжал учебу в Мюнхене, получал здесь свою стипендию, и поэтому он для меня был моим причалом. Здесь у меня была своя комната. Будет ли теперь, я не уверен, так как в Риме на церемонию посвящения Папы, назначенную на воскресенье, прибывает множество ксендзов и по меньшей мере пятьдесят епископов. Так что наше здание будет отдано им. Телеграмму же я выслал только позавчера.

Подъезжаем к вокзалу Термини. Выхожу из автобуса и иду в огромный красивый зал. И вновь нахлынули воспоминания. Как бежит время! Вот снова я здесь.

Сколько раз я тут бывал! Улетал и прилетал. Днем прилетал - ночью улетал. И как мы любили с Каролом посидеть в том баре. Прохожу в метро, проезжаю три остановки, затем по ступенькам поднимаюсь на улицу Авентино, а здесь мне уже знакомы каждый дом, дерево, даже стоящие автомобили. Нет, не "мне знакомы", а "нам знакомы". Сколько раз мы здесь ходили вместе. Ворота с надписью: "Польская коллегия". Звоню, дверь открывает ксендз Юзеф Михалик, новый ректор коллегии. Спрашиваю, найдется ли для меня комната.

- Найдется, - отвечает он.

Идем по узкой аллее, у поворота - освещенная белая статуя святой Марии. За ней начинается наш маленький садик. Юзеф рассказывает мне о тех, кто уже приехал и кого еще ждут. Как сквозь туман мне видятся металлические скамейки, на которых еще месяц назад мы сидели с Каролом. Проходим через апартаменты в партере, в которых я не раз останавливался. Поднимаемся наверх. По пути встречаются мои коллеги, и, едва я успеваю поставить свои вещи в отведенной для меня комнате, как они уже приглашают к себе и рассказывают, рассказывают. Никто толком ничего не знает, но их восторгам нет предела. Оказывается, мои коллеги были на площади. Слышали сообщение кардинала Фелици: "Anuntio vobis gaudium magnum, habemus parat".

Делятся со мной своими впечатлениями:

Ты только представь, что мы пережили!

Понимаешь ли ты, какая это радость для Рима!

Вначале нам просто не верилось.

Не верилось, что это возможно, думали, что мы не так что-то расслышали.

- Ты не представляешь, что творилось на площади, когда он появился на балконе.

Какая это была радость: люди кричали, аплодировали, плакали, размахивали платками.

Когда стоящие рядом с нами узнали, что мы поляки, нас стали поздравлять, обнимать.

Можно долго слушать рассказы о том, что происходило в те дни.

Уже поздно, возвращаюсь к себе. Сегодня больше ничего не пишу. Достаточно того, что писал в дороге. Ведь нельзя же здесь, в таком месте и в такое время, вспоминать о войне.

Включаю радио как раз в тот момент, когда передается запись сегодняшней аудиенции для дипломатов, состоявшейся в 11 часов в зале консистории Апостольского дворца. Собрался весь дипломатический корпус, аккредитованный в Святой столице.

К Папе обращается декан дипломатического корпуса Луис Валлахарес и передает Святому Отцу поздравления.

Затем передается речь Папы. Он начинает ее с упоминания о хороших отношениях, сложившихся между Папой Павлом VI и дипломатическим корпусом, аккредитованным в Апостольской столице.

Благоприятный климат сложился благодаря глубокому пониманию, которое проявлял великий Папа, ощущавший огромную ответственность перед всеми народами за высокие идеалы, за укрепление мира. Если есть на свете такое место, где все народы должны жить в мире и вместе добиваться счастья, то это место, вне сомнений, находится в сердце Церкви в Апостольской столице.

Затем он говорит о том, что на этой встрече есть представители не только властей, но и народов. Обращает внимание на то, что среди них есть древние и молодые народы, но церковь всегда признавала культуру, историю и язык каждого народа. Обещает, что он, призванный следовать св. Петру, постарается уделять каждому столько внимания, сколько в его силах. Папа обращается к своему народу:

- Традиции родного края и мое происхождение уже не могут быть решающими: как христианин, а тем более как Папа я должен проявлять пример универсальной любви, проявлять

внимание ко всем, а особенно к тем, кто переживает большие трудности и невзгоды.

Говоря о дипломатических отношениях, Папа особенно подчеркивает:

- Мы не можем одобрять или не одобрять тот или иной строй, это не в нашей компетенции. Но Апостольская столица обращается через дипломатов ко всем странам с призывом бороться за права человека. Апостольская столица просит этого не для себя. Она просит вместе с епископатами всех стран за всех христиан и верующих, живущих в этих странах, чтобы у них была возможность углублять свою веру, религиозную практику и быть полноправными гражданами.

Снова акцентируется главная мысль:

Апостольская столица стремится к этому ради всех без исключения людей на земле, понимая, что свобода, ценность человеческой жизни, духовные ценности необходимы человеку для гармоничного развития личности и цивилизации в целом.

Папа подчеркивает:

Многое еще в мире существует физических и моральных страданий из-за эгоизма, равнодушия, из-за безответственности людей. Церковь стремится к укреплению мира, сохранению морали с помощью христиан и всех людей доброй воли.

В заключение он говорит, что будет поддерживать сердечные и плодотворные отношения со всеми странами, которые представлены здесь дипломатами.

После этого Святой Отец беседует с каждым дипломатом отдельно, чем немало удивляет присутствующих. Комментатор сообщает, что все были этим просто потрясены. Это уже новый стиль папских аудиенций. Что-то подобное уже происходило на встрече с кардинальской коллегией. Обращается внимание на знание Папой многих языков, ибо изъяснялся он на английском, французском, немецком, испанском; но прежде всего на то, в какой атмосфере проходили эти переговоры: в обстановке теплоты, сердечности и даже шутиливости.

Передача окончилась. Глубоко и облегченно вздыхаю: сделал еще один важный шаг на этом пути. А теперь спать.

5. 1946 ГОД. СВЯЩЕННИК

В полночь в наш подвал пришли русские солдаты. Мы угощали их тем, что у нас было, - чаем с хлебом. Уходили одни, приходили другие. И только сейчас, когда увидели русских солдат, мы поверили, что кошмар оккупации кончился.

Утром срочно приводили в порядок комнаты, выносили разбитые стекла, осыпавшуюся штукатурку. Мы с Каролем решили хоть на минутку сбегать домой, чтобы узнать, все ли там живы. Но нужно было быстро вернуться, чтобы помочь застеклить окна; холод стоял жуткий.

Впервые за последние полгода мы шли в свои Денбники. Улицы полны народа, вышедшего очищать город. Много солдат, автомобилей, лошадей. Солдаты в ушанках и валенках.

Мы свернули в направлении Денбницкого моста, точнее, бывшего моста. Шли по временному передвижному мосту: над водой и только теперь увидели, какой это был мощный мост. На берегу все еще лежали трупы погибших солдат, различные предметы.

К счастью, дома мы всех застали живыми.

Возвращались назад той же дорогой. Уже на подходе к зданию семинарии увидели несколько военных автомобилей. Остановились. Из автомобилей не спеша вышли какие-то, очевидно, высокопоставленные военные чины.

- Наверное, генералы.

Мы вошли всед за ними. Они поднялись наверх, к архиепископу. Это был маршал Конев, главнокомандующий Украинским фронтом, с сопровождающими его генералами. Они прибыли с визитом к архиепископу, чтобы засвидетельствовать ему свое уважение за стойкость во время гитлеровской оккупации.

Через два дня приехали три военных джипа. Из первого и третьего выскочила охрана, а из второго маршал Жимерский в довоенной генеральской форме. Он направился к архиепископу, чтобы выразить ему свое почтение.

В здании полным ходом шли работы по ремонту окон и крыши. К архиепископу все шли и шли люди, делегации. Сколько в эти дни было дел, проблем, хлопот и радости!

Мы, студенты, тоже были очень заняты. Всюду требовалась наша помощь. И на теологическом факультете университета Йогайлы, и в семинарии. Сначала мы отправились в университет. Раньше здесь располагалось СС, а теперь временно находились французские пленные. Состояние университета было ужасающим. Не было черепицы и окон, сорванных взрывом Денбницкого моста, - но это не самое страшное. Не действовали ни система отопления, ни водопровод. Чтобы не замерзнуть, жившие там прямо в комнатах разводили костры. Все это нужно было привести в порядок. Мы с Каролем и несколькими студентами принялись за работу. Работа продвигалась медленно. Затем мы носили черепицу на крышу, где уже трудились кровельщики.

Мы все еще жили в подвале. К нам присоединились новые ребята. Появилось несколько новых людей, среди них был врач - доктор Станислав Каунецкий, удивительно исполнявший на фортепиано произведения Шопена, юрист доктор Станислав Стомма. Они, несмотря на то, что появились здесь позднее, прекрасно уживались со "старичками".

Особенно подружились они с Каролем, хотя он был намного их моложе.

Появился и новый ректор. Это был ксендз доктор Козловский, который изо всех сил старался, чтобы в семинарии наладилась нормальная жизнь. Нас постоянно отрывали для новых "акций": просили помочь навести порядок в библиотеке университета Йогайлы. Там был просто книжный балаган. Малоценные на их взгляд книги немцы просто сваливали в кучи. Работа предстояла трудная: разобрать эти книжные завалы.

Наша помощь нужна была и на факультете теологии. Там были только голые стены и груды обломков на полу.

Новый ректор университета, декан теологического факультета, профессора, ректоры семинарии просто выбивались из сил, чтобы как можно скорее приступить к учебе. Уже начали действовать некоторые отделения, кафедры, библиотеки. Одним из первых стало действовать теологическое отделение. Начались лекции и в семинарии. Снова здесь преподавали профессора высокого класса, например, фундаментальную теологию преподавал ксендз Константин Михальский, историю церкви - епископ Годлевский. Учеба началась, но до нормального положения было еще очень далеко.

Многие лекции были общими для всех. Кароль был уже на третьем курсе, а я только на первом. Мы встречались в небольших аудиториях. Часто сидели рядом. Свои записи он всегда начинал с инициалов в верхнем углу листа: J+M OAMDG (Omnia ad maiorem Dei gloriam).

С восстановлением университета ожила и студенческая жизнь. Возобновилась деятельность студенческих организаций. Удивительное "Братство". К нему принадлежали представители всех факультетов. Были приглашены и представители семинарии. Ректор назначил несколько студентов, среди них были Кароль, Стасик Старовецкий и я. Вскоре присоединился еще Анджей Дескур; он окончил юридический факультет. Кароль был избран вице-председателем "Братства". Стасик и я представляли ревизионную комиссию. Так мы влились в студенческую молодежь университета. Своими глазами увидели ее проблемы, бедность и нужду. Многие из студентов не имели никакой поддержки: их семьи погибли во время оккупации, либо в лагерях. Некоторым было просто не на что и негде жить, не во что одеться. Голодали, жили в подвалах. Но учились. Многие тяжело болели, многим нужно было отдохнуть после принудительных работ в Германии или лагерях. К счастью, мы могли им кое-чем помочь. Большой частью поддержка приходила из-за границы. Порошковое молоко, жиры, консервы, постельные принадлежности, одежды. Наша цель все это справедливо поделить, направить больных в санатории например, в Закопане. После всех этих работ мы возвращались в семинарию поздно вечером. Ректор всякий раз предупреждал: "Чтобы это было в последний раз".

В нашем доме на Денбниках новость: из Львова приехала тетка с двоюродным братом. После утверждения новых границ между Польшей и Советским Союзом они ршили покинуть родной город и переехать в Краков. Двоюродный брат мечтал поступить в политехнический институт. Приехала еще одна тетка из Львова и третья, двоюродная сестра. Они хотели поселиться в нашем городе. Но в Кракове негде было остановиться. Город был не в силах принять всех беженцев, потому что здесь жили многие из Варшавы и Познани. Лавина львовян покатилась на запад. И мои львовские родственники пересехали в Шленск.

Хоть и жалко было, но мы пересехали из дома архиепископа в семинарию. Жизнь налаживалась. Вместе со всеми поляками с энтузиазмом восприняли радостную весть назначение нашего архиепископа кардиналом.

Вернувшись как-то после войны из Рима, он мне сказал:

У меня ничего не осталось. Все мои друзья умерли. Нужно студентов куда-то отправлять на учебу, но куда? Наша коллегия и институт переполнены.

В семинарии мы подготовили в его честь торжественный вечер. Кароль организовал маленький рапсодический театр. Я принимал участие в спектакле должен был прочитать отрывок из

Сенкевича, именно то место, где Петр решает покинуть Рим, чтобы избежать смерти, и в дороге встречает Иисуса Христа. Я зубрил текст целыми вечерами под неусыпным наблюдением Кароля. Ксендз Бронислав Мазура спроектировал отличную сцену. Из серебристой бумаги мы вырезали различные символы, которые он наклеивал на картон. Станным все это кажется, как подумаешь, что вокруг семинарии все было в развалинах.

Иногда нас навещал Тирановский. Всегда веселый и улыбающийся. Извинился за то, что редко навещается, так как у него масса дел.

Что это за дела?

Учеба.

Какая?

- Разумеется, теологическая. В семинарию поступить не можем, так мы, миряне, организовали теологические курсы.

Кто же вас будет обучать?

- Те же профессора, что и вас. Мы серьезно. В конце года - экзамены, отметки, дипломы, - он, как всегда, был полон энергии.

И много желающих?

- Мест не хватает. Приходится отбирать.

Вскоре после этого, осенью 1946 года, Кароль мне сказал:

Ружицкий предложил мне писать докторскую диссертацию.

- Этот догматик? наш курс еще не слушал его лекций.

Да.

Докторскую, я задумался. Хочешь писать докторскую? Я почему-то никогда не думал, что ты хочешь стать ученым.

Так сразу и ученым.

Почему ты так решил?

Нас на курсе всего несколько человек, поэтому мы чаще общаемся с профессорами. Ружицкий несколько раз принимал у меня экзамены. Однажды он меня спросил, что я читаю, чем интересуюсь.

Но я упомянул только св. Иоанна-Крестителя, св. Терезу Великую и св. Терезу Малую. Он был поражен. Сказал, что это писатели, которых редко встретишь на страницах научных трудов. И сразу предложил мне тему: теологическая нравственность учения св. Иоанна-Крестителя.

Если уж нравственность, то это скорее по части ксендза Вихра по теологии морали.

- Это скорее грань между догматикой и моралью.

Мне это показалось первым сигналом того, что нам грозит разлука. Ученым я себя представить не мог. Я хотел быть ксендзом, ибо жаждал помогать людям и делать это

непосредственно, а не через книги. Меня охватили грустные предчувствия.

А тут еще одно событие, вернее известие: кардинал направляет Кароля и Стасика Старовецкого для продолжения учебы в Рим. Я этого не ожидал. Решено было Войтылу посвятить в сан раньше, чтобы он отправился туда уже ксендзом, а Стасика посвятить после возвращения. Для всех это было полной неожиданностью.

Реколлекции перед посвящением ему проводил наш духовный наставник ксендз доктор Станислав Смоленский.

Посвящение происходило в часовне кардинала. День был пасмурный и грустный. Как всегда бывает в Польше 1 ноября в День всех святых.

На следующий день - в День поминовения усопших - Кароль служил мессу в Вавеле, я ему прислуживал. Одну мессу, в часовне св. Леонарда, две другие - в св. Станислава. Участвовало в них всего несколько человек. Первые шаги ксендзовства Кароля направлял ксендз Фиглевич. Было холодно, темно, и я понимал, что это - наше расставание. В ближайшее воскресенье он служил мессу в костеле св. Станислава Костки в Денбниках, где присутствовали некоторые вернувшиеся из разных уголков Польши наши ребята из Живых Четок. Проповедь читал ксендз Фиглевич. После службы состоялся праздничный обед у пани Шкоцкой. Хотя Кароль по польскому обычаю приглашал на скромный прием у своей крестной - пани Вядровской. Но у нее было тесно. "И такой беспорядок во дворе", - оправдывалась она. Обед состоялся у пани Шкоцкой.

- А в какой комнате?

В той, где Кароль лежал когда-то больной, так как "рапсодическая" занята.

В числе пришедших были Тирановский, наш старший товарищ ксендз Кушковский земляк Кароля по Вадовицам, Стасик Трушковский приятель по группе Тирановского из Живых Четок.

Все было прекрасно, так, как и должно быть в подобных случаях: речи, улыбки, сердечные поздравления и пожелания успехов на новом жизненном пути. Но на всем этом лежала печать грусти. Кароль надолго покидает нас. Конечно, мы утешали себя, что это всего на два года, что будут письма и открытки, что будут летние каникулы, и, может быть, рождественские, поскольку бывает перерыв в учебе, а где праздновать Рождество, как не в Польше! Мы говорили об этом, веря и не веря в такое будущее.

Он уехал. Без него стало как-то пусто. Присылал нам письма

и открытки, делился новостями. Им со Стасиком не нашлось места в польской коллегии, и они поселились у бельгийцев. С одной стороны, это было неплохо, так как сразу начали практиковаться во французском языке. Он писал, что началась учеба: слушает лекции на латыни, продолжает работу над докторской на выбранную тему, между лекциями изучает испанский язык, чтобы лучше понимать своего любимого автора: о том, что, хотя и мало времени остается от учебы (время в Риме бежит быстро), все же он не ограничивается только учебой.

Однажды я навестил пани Шкоцку, и она с радостью показала мне письмо от Лолека: " Пребывание в Риме нельзя описать несколькими предложениями. Человек здесь чувствует себя совершенно другим, обогащенным. Трудно мне еще понять и принять все, что дает Рим".

Заболел Тирановский. О его болезни до меня доходили странные слухи. Я навестил его. Он лежал с забинтованной рукой, но, как всегда, улыбающийся. Моему приходу очень обрадовался.

- Меня напугали, что ты сильно болен, но вижу, что ничего страшного.

- Воспаление кожи. Врач запретил мне выходить из дому и велел лежать в постели. Из дома не выхожу, но лежать в постели трудно. Столько людей приходит.

Мне показалось, что он перебарщивает. Ведь ничего особенного. Какая-то сыпь. Мы поговорили, и я ушел успокоенный. Спустя некоторое время узнал, что Тирановский в больнице. Я посетил его:

Что снова случилось?

- То же. Врачи говорят, что, может, пенициллин помог бы, но его в Польше не производят. Нужно доставать из-за границы.

- Так нужно доставать.

Кто-то из посетителей сказал:

- Должно быть очень больно. Так врач сказал.

- Дают обезболивающие?

- Дают.

- Принимаешь? - спросил я, предчувствуя недоброе.

- Нет, - ответил неохотно.

Почему?

- Лежу и ничего не делаю.

Мне нечего было сказать в ответ.

Вскоре я навестил его снова. У кровати застал пани Шкоцку нашу бабушку, всегда быструю, веселую, энергичную. Она рассказывала Яну, что из Рима написал Кароль.

В конверте два письма. Одно мне, другое - вам.

И подала ему письмо. Он взял его здоровой рукой, а пани Шкоцка продолжала:

- Я должна прочитать вам выдержку из письма мне, так как оно касается и вас. Прочитать?

Я видел, как он жаждал услышать.

Так слушайте: "Бабушка", - это обращение ко мне, а то еще усомнится кто-нибудь, "спасибо вам за драгоценные" слышите, "драгоценные" - "вести о Яне". - Она немного помолчала и читала дальше: "Прилагаю письмо им обоим", слышите, вам обоим. Ага, дальше - дальше не столь важно, а вот еще: "Помолитесь за меня, чтобы я стал настоящим последователем Христа и тех, кто его в совершенстве воплощает". Это, несомненно, о вас, - добавила она.

Я спросил:

- Пенициллин помогает?

- Нет.

- Принимаешь обезболивающие?

- Пока могу терпеть - не хочу.

Теперь я понял, что дела плохи.

Через несколько дней я узнал, что ему ампутировали руку до плеча. Помчался в больницу.

Тирановский, как всегда, улыбался и был совершенно спокоен. Так казалось на первый взгляд. Присмотревшись повнимательнее, я увидел, что долгая болезнь и операция его истощили. И еще этот пустой рукав! Спокойствие его казалось невероятным.

Операция, должно быть, запоздала. Спустя два дня он уже ничего не слышал, а еще через три дня, 15 февраля 1947 года, умер. На похоронах присутствовали все, кого он учил верить, надеяться и любить, перед кем раскрывал секреты контемпляционной молитвы и духовной жизни, и прежде всего на собственном примере.

Кароль, как и все мы, тяжело переживал эту утрату. На каникулы не приехал. Дело в том, что кардинал ему и Стасику выделил какую-то сумму денег, чтобы они могли "объехать Европу". Поэтому очередная открытка пришла из Парижа: "Интереса ради пишу из Парижа. Благодаря кардиналу эти каникулы могу провести во Франции, Бельгии и, может быть, еще в Голландии. Насколько это меня обогатит, не знаю. Это зависит от милости божьей и от того, насколько удачно изберу маршрут. Наблюдаю за жизнью духовенства, посещаю музей. Франция, а точнее Фландрия - удивительна своей готикой". Так он писал в июле 1947 года. В том же письме он упоминает о намерениях парижского епископа провести акцию по

христианизации Парижа, назначая для этого во все крупные приходы самых способных священников. Затем шли описания Бельгии, встреч с польскими рабочими.

Вернулся он через два года. Как будто из другого мира какой-то обновленный, какой-то другой. Кардинал назначил его викарием в Неговицы. Знакомые, коллеги удивлялись: Как, такой способный ксендз, после стольких лет учебы, защиты докторской в такую дыру?!

А он только посмеивался над их рассуждениями.

Я бывал в Неговицах не раз. Это небольшой приход на краю света, точнее - на окраине провинции. Окруженный огромными липами маленький костел, настоятельская без электричества, колодец, сад, огородик. Но что самое главное, Кароль считался самым лучшим ксендзом в децезии. Я понял расчеты кардинала. Дать ксендзу, на которого возлагаются большие надежды, возможность проявить себя в спасении душ.

Кароль меня расспрашивал о многом, но больше всего - о Яне Тирановском. Я рассказал о его страшной болезни, и мы оба вспоминали о том, какой это был прекрасный и многострадальный человек.

Он был святым. А его болезнь еще более убедила нас в этом. Нельзя допустить, чтобы он был забыт, - говорил Кароль.

- А как тебе здесь живется?

- Отлично.

Мы прогуливались вокруг костела. Шелестели деревья, щебетали птицы. Редко, но все же прихожане шли в костел. Заметив нас, здоровались издали, не решаясь помешать нашей беседе. Только какой-то парнишка подбежал, чтобы прикоснуться губами к руке ксендза. Кароль погладил его по стриженной головке, поцеловал ее, и мы зашагали дальше.

- Чем занимаешься? я приставал со студенческим любопытством, потому что знал, что и мне скоро предстоит такая работа.

Тем же, чем и любой викарий. Утром месса, затем исповедование, завтрак, религиозное обучение. После обеда немного свободнее. Но все равно надо быть на месте, потому что могут вызвать к больному.

- Не так уж и плохо. Есть у тебя время для чтения и записей?

Да, хотя люди идут и идут, особенно дети и молодежь: одолжить какую-то книгу, посоветоваться. После Рождества колядование. Вспоминается Вадовице, когда я ассистировал настоятелю во время колядования.

Так приятно идти от дома к дому и встречаться с теми, кого

по воскресеньям видишь в костеле, встречаться с ребятами, которых наставляешь в божьей вере, ибо встречаешь их не в классе, а в домашней обстановке.

- Но ведь не легко же - целый день от дома к дому?

Конечно, к тому же идешь в сутане, в пальто, по едва протоптанной тропке. Снег липнет к подолу, потом в комнате тает, а на улице подол опять замерзает и становится твердым, образуя кольцо вокруг ног и мешая при ходьбе. К вечеру еле ноги волочишь. Но идти нужно, ибо знаешь, что люди ждут этой встречи с тобой целый год.

- А что делаешь, когдаходишь в дом? - выпытывал я его.

Войдешь, восславишь Господа Бога, поздороваешься с хозяевами, помолитесь с ними, окропишь святой водой комнату и другие помещения, скотину и всю живность, потом должен присесть, обязательно нужно присесть и поговорить с каждым, хотя органист и напоминает, что нужно идти дальше. Но люди этой встречи ждали целый год, и нельзя их разочаровывать. Ну, а весной говения.

Много проводишь реколлекций?

- Здесь нужно говорить не о реколлекциях, а об исповедовании. Это очень трудное и важное дело. Представь, что исповедовать нужно целый день, с небольшим перерывом на обед. С раннего утра до позднего вечера.

- Но если это только раз в году и один день...

Не один день. В том-то и дело, что не один день. Чтобы за один день исповедовать всех прихожан, нужно призвать на помощь еще двадцать ксендзов, но потом нужно за это отработать, то есть ехать к ним исповедовать так, как они приезжали к тебе.

Так ведь этих дней очень много.

- Мы здесь говорим о том, что нужно сидеть в исповедальне в неотопливаемом костеле, но суть не в этом. Суть - в связи с человеком, преклонившим колени у окошка исповедальни. Это большей частью люди, которые не так часто приходят на исповедь. Как правило, такие исповеди начинаются словами: последний раз исповедовался год назад, а иногда и больше пятнадцать лет назад. В таких случаях нужно объяснить важность исповеди. Выслушадь исповедь это одна из важнейших обязанностей ксендза. Человек раскрывает перед ним свою душу. Вопрос состоит в том, как стать настоящим спасителем душ.

Что ты имеешь в виду?

- Препятствия, мешающие стать хорошим спасителем душ. От скупости внешнего мира становишься только исполнителем в своем

приходе и ведешь приходские дела как служащий.

Ты понял это, побывав на Западе?

Да, хотя и у нас бывает подобное. Особенно в городах. Если в деревне стать ксендзом-служащим труднее, во всяком случае какое-то время, то в городе это происходит гораздо быстрее из-за совсем иных отношений ксендза с верующими. Франция в этом смысле - грустный пример. Там и в деревне, и в городе одинаково. Даже не знаю, где хуже.

Я расспрашивал о впечатлениях от пребывания за границей. Он с удовольствием рассказывал то, о чем писал в письмах. О Франции, о великой миссии французской акции.

- Когда ты о ней узнал? В Париже?

Нет. До этого в руки попало воззвание инициатора этой акции - священника - миссионера из Франции.

- Кто это?

Ксендз Х. Годин. Он первый раскрыл глаза французам на то, насколько Франция удалилась от христианства. Он распределил всех парижан прежде всего на верующих-практикующих, которых, как оказалось, совсем немного, и тех, кто не практикует, но причисляет себя к верующим, а таких оказалось много. Третья группа это те, кто не имеет ничего общего с христианством. Для наглядности приведу пример. Группа детей рассматривает распятие Христа. Над головой распятого Христа дети читают табличку с надписью "ИНРИ". Один из ребят спрашивает: "Значит, он называется Инри?"

- С чего ты начал изучение психологии души?

- Погоди, я еще не кончил. Хочу добавить, что в портовых районах работал другой миссионер, который расценивал создавшееся положение так же, как и отец Годин. Он начал разрабатывать новые методы постижения души. По существу эти методы стары как мир, только теперь по-новому воспринимаются. Заключаются они прежде всего в том, что священники должны жить вместе, каждый день встречаться, чтобы делиться своими мыслями, наблюдениями, вместе предаваться молитве. Создается группа, в которой отношения демократические, без соблюдения иерархии, когда главный настоятель, а викарий - его помощник. Распределение внутри группы производится с учетом того, с кем приходится работать, - со студентами, детьми, подростками, либо по обычаям мест, где они работают.

- Своего рода иерархия.

- Именно. Второе - постижение и изучение души заключается в проповедовании жизни Христа. А здесь уже на первом месте должны быть аскетизм и неприхотливость, это значит, что нужно

жить так, как живут люди твоего прихода, и даже скромнее. Третье это литургия. Нужно вернуть ей первоначальное назначение: обращение в веру Христову.

- Правду ли говорят, что тамошние священники работают даже на фабриках?

- Это самый слабый пункт в этой акции. Главные те, о которых я говорил. Конечно, существуют там разные фракции, но они - лишь часть этого обширного движения.

Что ты сам об этом думаешь? Здесь говорят об этом, как о какой-то революции.

Мне кажется, что работа вместе с прихожанами не должна быть главной целью, ибо это не нужно и даже вредно. Хотя, быть может, и есть такие области, где нужно начинать с этого. Сама жизнь освободит священника от такого метода, поскольку совсем не останется на это времени.

Я видел, что дело французского миссионера его очень интересует.

Однажды я спросил его: А как дела с твоей докторской?

- Докторская диссертация утверждена в Ватикане. Там я сдал все экзамены, и там же принята моя работа. Но формально она числится за отделом профессора Владислава Вихра в отделении теологии университета.

Не у Ружицкого?

- Все-таки нет.

В июле 1949 года я окончил семинарию. Посвящение в сан ксендза мы приняли вдвоем со Стасиком Старовецким, затем были мессы в Денбницком костеле, во время которых Кароль читал проповедь. Он говорил о Священном причастии и подчеркивал, какую важную роль играют в становлении человека и оказывают влияние на его выбор окружающий мир, священники и простые люди. Он говорил о Денбниках, о Яне Тирановском, о наших группах "Живых Четок"

После посвящения первым моим приходом была Рабка. Кароль через год был переведен из Неговиц викарием в Краков, в костел св. Флориана. Это не было случайностью. Костел св. Флориана - один из лучших в Кракове, с глубокими традициями. Назначение туда было проявлением заботы кардинала о молодом и подающем надежды ксендзе.

Когда мне доводилось бывать в Кракове, я всегда навещался к нему. Настоятельская хотя и находилась в центре города, была какой-то печальной, а главное - очень тихой.

Как тебе здесь?

Хорошо.

Как настоятель?

- Знакомый. Ксендз Тадеуш Куровский.

А викарии?

- Прекрасные коллеги - ксендз Чеслав Обтулович, ксендз Юзеф Розвадовский, ксендз Марьян Яворский.

Я знал их. Ксендз Розвадовский это “ходячее солнце оптимизма”. Я знал его еще со студенческих лет он замещал иногда ксендза-капеллана Юлиана Гроблицкого, а также по университету - он был ассистентом ксендза Константина Михальского. Специализировался в психологии. Ксендз Обтулович - всегда серьезный человек, и Кароль его очень уважал и ценил, а ксендз Яворский - сосредоточенный и всем сердцем преданный Каролю.

VI. СУББОТА, 21 ОКТЯБРЯ 1978 г. АУДИЕНЦИЯ ДЛЯ ЖУРНАЛИСТОВ

Суббота, 21 октября. Встаю рано, в шесть часов утра, как всегда, когда бываю здесь, в коллегии. Еще не рассвело.

Два месяца назад, когда я был здесь в последний раз, в такой час уже было совсем светло. Тогда здесь было почти пусто, только мы, четыре-пять человек.

В 6.45 - св. месса. При участии епископов, гостей ксендзов и коллегалистов ее ведет архиепископ Строба, новый познаньский ординарий.

В прошлый раз вел Кароль.

Во время завтрака мы переговариваемся с теми, кто только что прилетел в Рим из Польши. Стоит многоголосый шум, все энергично рассказывают о происшедшем.

Я подхожу к комнате, в которой в прошлый раз останавливался Кароль. Теперь там живет кто-то другой. Я ухожу, чтобы кто-нибудь не заподозрил в том, что я стал слишком сентиментальным. Выхожу в наш садик. Так же, как и тогда, здесь стоит столик на металлических ножках, выкрашенный в белый цвет, те же стулья. Как будто никто здесь ни к чему не прикасался. Тогда я сидел здесь в сутане и писал. Возвращаюсь к себе наверх. Боюсь пропустить трансляцию по радио встречи с журналистами. Это одна из важнейших для Папы встреч.

В субботу, 21 октября, утром состоялась встреча св. Отца с журналистами. В зале присутствовало около 1500 журналистов радио, телевидения, прессы.

В 11 часов появился Папа. Он проходит через зал в течение пятнадцати минут, приветствуя всех, останавливаясь с отдельными журналистами. Когда он проходит мимо редактора Ежи Туровича, который целует ему руку, наклоняется и говорит:

- Сегодня для меня урок.

Вступив на трон, произносит речь на французском языке. Уже с первого предложения завязывается тесный контакт с залом.

- Сердечно вас всех приветствую! И благодарю за то, что вы сделали, и за то, что сделаете, чтобы осветить по радио, телевидению и в газетах для широкой аудитории происходящие в католической церкви события, в который раз за последние

два месяца призывающие вас в Рим.

Произносит слова благодарности за хорошие отзывы о Павле VI и Иоанне-Павле I.

Благодарю вас за освещение в прессе последнего конклава, моего избрания и первых дней, первых шагов, которые я сделал с тяжелой ношей понтификации.

Затем он вспоминает о трудностях, с которыми сталкиваются журналисты, чтобы в точности передать своим читателям и слушателям события, происходящие в католической церкви:

- Трудно дать оценку событиям и передать их другим. Прежде всего потому, что у каждого события много разных сторон, и стоит по ошибке забыть об одной из них, или намеренно ее опустить, или перепутать — искажаются действительность, планы на будущее.

Продолжает говорить об объективных трудностях, с которыми сталкиваются в своей работе журналисты:

- Вы должны заинтересовать публику, потому что вы первые подхватываете сенсацию. Правда, некоторые при этом впадают в анекдотические ситуации. Может, это и хорошо, однако при условии — эти анекдоты не должны искажать факты. Иные смело берутся анализировать проблемы поведения членов церкви и их мотивы, однако рискуют при этом впасть в ошибку, ибо в большинстве случаев касаются не политических, а духовных дел.

Я понимаю, что так говорить может только человек, который сам внимательно читает газеты с подобного типа “религиозными” статьями. Вспоминаю статьи его самого в “Неделе” и то, как он читал “Неделю”. Когда я прибыл на конклав в Рим после смерти Павла VI, первый его вопрос был:

- Привез ли последний номер “Недели”?

И еще вспоминаются дискуссии и споры, завязывавшиеся при его участии на встречах нашей “Недели”.

Папа продолжает:

Огромное значение имеет свобода информации и высказываний в этом я с вами согласен. Это большое счастье пользоваться этой свободой. Пользуйтесь ею, чтобы говорить правду.

- Я осмеливаюсь, — говорит он в заключение речи, — призвать вас осознать глубину явлений: когда готовите репортаж о жизни и деятельности церкви, старайтесь получать сведения из первоисточника. А церковь, в свою очередь, ждет от журналистов объективных суждений о том, чего жаждет современный мир.

И в заключение:

- Я счастлив встречаться с вами. Надеюсь, что мы прекрасно

будем сотрудничать.

И еще одно предложение на английском языке:

Я поздравляю вас и в вашем лице всех ваших коллег во всем мире.

К св. Отцу подходят несколько журналистов. В их числе и Ежи Турович. Святой Отец наклоняется к стоящему рядом директору пресс-центра Ватикана и говорит:

- Мы знакомы уже много лет.

Святой Отец начинает прощаться. Прощание занимает почти час.

Папа выходит из зала, беседуя на ходу с некоторыми журналистами, давая интервью, отвечая на не всегда умные вопросы, задаваемые журналистами. Иногда св. Отец сам берет микрофон и говорит.

Это поражает многих присутствующих, так как подобного никогда ранее не происходило.

Вопрос:

- Скажите, Святой Отец, не чувствуете ли вы себя узником Ватикана?

- Так ведь еще только пять дней прошло.

- Как вы расцениваете обстановку в Ватикане?

- Если ничего не изменится, терпеть можно.

- Будете ли вы, Святой Отец, проводить такие пресс-конференции как сегодня?

Если мне позволят. И это зависит от того, что вы будете обо мне писать.

Будете ли вы, Святой Отец, ходить на лыжах?

Мне кажется, этого мне не разрешат.

Поедете ли вы в Ливан?

- Хорошо бы поехать, но для этого нужно найти предлог.

Поедете ли в Польшу?

- Если появится возможность.

Святой Отец отвечает на вопросы на том языке, на каком они задаются: на итальянском, английском, французском, немецком, русском и, разумеется, на польском. Спустя час после пресс-конференции "на ходу" он вспомнил:

- Простите, забыл вас благословить.

Можно безоговорочно утверждать, что подобной встречи Папы с журналистами еще не было. Все очарованы. Кто-то из журналистов заявил:

- Мы утверждены Папой.

Обед проходил в бурной и поспешной обстановке. Ректор раздает входные билеты на завтрашние торжества.

После обеда я выхожу на террасу на крыше, чтобы подумать и прогуляться, как делал это часто вместе со мной или с другими Кароль.

Появляется Алоиз Кадерис, очевидно, тоже мечтающий о прогулке.

Мы пускаемся в воспоминания.

- Помнишь, как мы впервые ехали в Термини? Посмотри, это же горы, где мы прогуливались.

Он напоминает мне, словно я забыл их. Я хорошо помню те поездки. Мы часто выезжали после обеда в горы, а затем спускались вниз к озеру. Кароль, как правило, шел, читая на ходу или глубоко задумавшись, почти не включаясь в наши беседы. Возвращаясь назад, мы заглядывали в небольшой ресторанчик, чтобы съесть спагетти.

Помнишь, в каких ресторанах мы бывали?

Ужины с Лубовецким...

- Признаться, не помню, с какой целью Лубовецкий устраивал эти ужины.

Во-первых, чтобы поддержать традиции Сапег. Помнишь ведь, как он почитал этого человека. А Сапега, бывая в Риме, всегда устраивал для ксендзов ужин. Я всегда говорил Лубовецкому: этого достаточно. Но мы выбирали самые лучшие закуски, желания каждого удовлетворялись. А он похлопывал меня по плечу и говорил, что ему все это нравится. Как и кардинал, он любил поговорить.

Мы вернулись в мою комнату, чтобы вновь обратиться к воспоминаниям.

Во второй половине дня я отправляюсь в Базилику. На площади ставят тысячи стульев. У входа в Базилику рабочие монтируют трон. У лестницы устанавливается алтарь. Вхожу внутрь. Передо мной открывается величие "Пиеты" Микеланджело. Направо, выше - ризница, откуда идет ход в папский склеп. Я прохожу мимо ризницы, затем спускаюсь вниз, иду мимо литовской часовни с Острабрамской Богородицей, польской Богородицы Ченстоховской - здесь молился папа в первый день понтификации. Останавливаюсь у гробниц Иоанна XXII, Павла VI, Иоанна-Павла I. Уже уходя, замечаю еще один порожний неф. Это место должно быть приготовлено для Иоанна-Павла II.

6. 1949 ГОД. ВИКАРИЙ В КРАКОВЕ

Однажды, когда я навестил Кароля в костеле св. Флориана, он проговорился:

- Редко видимся. Не с кем поговорить, вместе помолиться. Может, отправимся как-нибудь в горы?

Мысль мне понривилась.

Договорились.

- Так когда же?

Условились о дате.

Мы отправились в Бескиды. Первый пункт был Прегибя. Выдался прескрасный осенний день. Леса в удивительных красках. Сначала нам предстояло преодолеть крутой подъем в горы, поэтому пришлось попотеть. Потом было легче. Мы беседовали, молчали, молились. Один раз опустились на колени в высокой траве и погрузились в горячую молитву. Нас ждал еще один подъем. Кругом стояла тишина, солнце было еще высоко. Мы двигались дальше. Темнеть стало как-то вдруг и очень быстро, пришлось позаботиться о ночлеге. На перекрестке дорог увидели указатель, но так и не поняли, что он обозначал: направление к вершине горы или деревню. Все-таки решили идти, куда он указывал. Спустя час, когда тропинка стала вновь подниматься вверх, мы поняли, что идем не в деревню, а обратно в горы. Был только один выход вернуться по этой же дороге назад. Когда оказались у того указателя, стало совсем темно. Нужно было спешить вниз, но это оказалось не так-то просто. Мы не узнавали окрестностей. А в лесу стояла темень. Фонариков у нас не было, и только теперь мы поняли, что необходимо в подобном походе. Мы боялись сбиться с дороги, ночевать же в лесу не были готовы, так как осенние ночи далеко не теплые. Так мы шли от дерева к дереву, как вдруг послышались вдали какие-то голоса. И спустя несколько минут мы встретили людей. Обрадовались несказанно, хотя не меньше и удивились. Это были первые люди, встреченные в тот день. Да еще в такое позднее время. Оказалось, что это женщины возвращались из леса, они собирали грибы, одна из них заблудилась, пришлось ее долго искать, но зато теперь, хотя и поздно, возвращались радостные.

Они и нас выручили. Собрав последние силы, потраченные на тщетные поиски деревни, мы добрались до жилья. Ночевать решили в настоятельской. К счастью, там горел свет.

Подожди. Я пойду пока один.

- Хорошо.

Я вошел. Хозяйка прибирала на кухне.

- Дома ли настоятель?

Она подозрительно меня оглядела.

Дома, а что вам нужно?

Хотел бы с ним поговорить.

Не знаю, выйдет ли. Уже поздно.

- Попробуйте пригласить.

Она ушла. Вскоре вернулась.

- Настоятель сейчас выйдет.

Действительно, скоро появился сам настоятель.

Я слушаю вас.

Я ксендз.

Я увидел в его глазах удивление и недовольство.

Мы с товарищем оказались без ночлега. Нельзя ли у вас переночевать?

Он все еще не верил.

Есть ли у вас документы?

К счастью они у меня были. Он проверил. И по-отечески отчитал:

- Стыдно, что ксендз из Кракова бродит по ночам без сутаны. Я выводов из этого делать не буду.

Затем обратился к хозяйке:

Постели им в прихожей.

Мы заснули как убитые. Утром служили службу, так как сутаны имели с собой в рюкзаках. Отслужив службу, уехали домой, не позавтракав.

Позже не раз приходилось нам совершать походы, но уже с группой. Я хорошо знал его группу. Это были юноши и девушки студенты разных факультетов.

Как ты их собрал?

Сами собрались.

Но с чего все началось?

- Как-то само собой. Сначала сестры-назаретянки с Варшавской улицы пригласили меня, узнав, что есть такой... такой... Словом, я пришел... Как-то зимой вся группа собралась в лыжный поход. Я тогда еще плохо ходил на лыжах. Так все и началось.

Кароль для них был "дядей" Иначе они не могли его называть, так как в группе царил дружеская атмосфера. Сегодня даже

смешно вспоминать те времена. Словами не передать того, что тогда происходило.

Все относились с уважением к “дяде”, даже тогда, когда подшучивали над ним или когда учили его ездить на велосипеде. Кто-нибудь обязательно должен был ехать впереди, так как он порой “отключался”, что неминуемо вело к столкновению с деревом, а это уже грозило несчастьем. Даже если скажу, что они вместе и ежедневно молились, я не раскрою всего перед читателем. Они вместе исполняли песнопения, каждый день он служил мессу, сначала в костелах, которые встречались по пути, а позднее, когда походы стали продолжительными, мессы служились прямо в поле, в деревенской хате.

Разные были походы - пешие, лыжные, на байдарках, и составы групп были разные - студенты-гуманитарии, математики, физики. Но всегда походы сопровождалась реколлекциями, горячими молитвами, жаркими дискуссиями и поисками смысла человеческой жизни.

Спустя какое-то время я отказался от этих походов, потому что чувствовал себя как-то неловко.

- Достаточно и одного ксендза. Два - это много, - объяснил я Каролю, когда он в очередной раз пригласил меня в поход в горы. Я искал свою группу. Но с группой Кароля не порывал.

Иногда я заходил в костел св. Флориана, и всякий раз слышал почти одно и то же: “Он, наверное, в исповедальне”. Хотя никто исповедоваться не шел. Он обычно там читал или предавался размышлениям. У исповедальни всегда было много народу, каждый хотел с ним встретиться, поговорить, побыть рядом. А он жаждал тишины, чтобы спокойно помолиться.

А тут возникла новая проблема.

- Знаешь, я должен решить один вопрос, - сказал он как-то.

- А в чем дело?

- Ксендз профессор Ружицкий предложил мне писать научную работу.

И что ты решил?

- Я понимаю, что это уже совсем не то, что докторская. Это уже шаг в науку. Я ученым себя не представляю. Я мог бы отказаться от занятий по психологии души, но не от работы со студентами.

Но кардинал Сапега был непреклонен. Кароль освобождался от должности викария в приходе св. Флориана и должен был заняться научной работой.

Это было одним из последних решений кардинала. Он умер 23 июля на 85-м году жизни - на 58-м году ксендзовства и 40-м

году епископства.

Мы все понимали, что он стар, но никто не думал о его смерти, никто не мог представить Краков, Польшу и себя без нашего кардинала. Я присутствовал на похоронах. Такого Кракова, каким он был в те дни, я не видел. Трудно передать царившее в городе настроение. Одним словом его можно охарактеризовать так: стояла тишина. Я отправился к костелу св. Флориана, но Кароля там не было, и я повернул ко дворцу. Улица Францисканцев была полна народу. У костела св. Франциска стояла толпа. Гроб с телом кардинала из дворца в костел был перенесен еще вечером. Мне не хотелось заходить туда, видеть его мертвого - пусть останется в моей памяти таким, каким я запомнил его в разговорах, встречах. Я навестил своих сестер. Они рыдали. Но дома мне не сиделось, и я отправился на ул. Францисканцев. Остановился напротив дворца. Время от времени со мной кто-нибудь здоровался. Около 18 час. я увидел процессию с крестом, цветами и венками. Я мог к ней присоединиться, но не было сил. Только когда вынесли гроб, я последовал за процессией. Под траурные песнопения процессия направилась в Вавель. Уже у ворот Вавеля я обернулся и увидел нескончаемый поток людей. Должно быть, весь Краков пришел проводить кардинала в последний путь. В собор я решил не идти. Стоял и смотрел, как несли гроб с телом любимого всеми архиепископа. Примас с ксендзом отслужил вечерню. Сами похороны, т.е. заупокойная месса и помещение гроба в склеп, должны были состояться на следующий день в 10 часов. Толпа отхлынула от собора. Вернулся и я. Вскоре почувствовал, что меня кто-то догоняет. Обернувшись, увидел, что это Кароль. Мы ни слова не сказали друг другу, так же молча простились - слова были ненужными и ничего не значащими. Оба хорошо понимали, как многого мы лишились.

Управляющим децизии и викарием по решению Краковского капитула был выбран архиепископ Эугений Базяк.

С Каролем мы продолжали встречаться. Позже он мне рассказывал:

Архиепископ, как он всегда делал, заявил категорически: или-или. Он сказал: Святой Отец, вы можете заниматься психологией души только с моего разрешения.

Тема работы звучала: " Макс Шеллер и его христианская этика".

- Посмотри, что я нашел, - он показал мне книгу, которую читал. Трудно понять все, о чем здесь говорится. Просто не хватает слов, я и без того слаб в немецком, а здесь еще и

термины. И знаешь, чем занимаюсь? Перевожу, он показал мне тетрадь. Уже начал.

Думаешь перевести всю книгу?

- Другого выхода у меня нет.

Так в 1951 году Кароль оставил свой любимый костел св. Флориана и настоятельскую. Вначале служил в костеле св. Катарины, затем св. Марии, а жить принял его к себе ксендз профессор Ружицкий. Я навестил Кароля там. Он поселился в большой полутемной комнате с окнами, отделанными витражами Бронислава Мазура. Кароль много читал. Научная работа все больше захватывала его.

Передо мной открывается новый мир человека я рассматриваю в новом аспекте, говорил он.

Конечно, времени у него было в обрез, но отдыхать было нужно, а лучший отдых - это походы. Он путешествовал со своими группами всюду. Это были постоянные группы, хотя к ним подключались все новые и новые люди. Некоторые отсеивались, а те, что оставались, сохраняли в ней свой распорядок. Во время походов они молились, пели, шутили, пекли на костре картошку, рассказывали о прошлом, мечтали о будущем, строили планы, размышляли о мире и о Польше.

В 1953 году, т.е. спустя два года, работу Кароль закончил и начал преподавать в Краковской духовной семинарии. Он был также утвержден преподавателем в Люблинском Католическом университете, но переехать туда не согласился. обещал систематически приезжать туда на лекции. Для него началась новая жизнь, но вместе с тем он почувствовал себя более самостоятельным.

Я в то время преподавал закон божий в школе и попросил Кароля провести для моих учеников реколлекции. Он согласился, так как его очень занимали жизнь в Рабках и заботы тамошней молодежи. После утренних месс мы завтракали, как я уже привык, у соседа пана Теодора.

А затем спешил на уроки в школу, а Кароль оставался у меня, читал и писал. В полдень мы встречались и шли на обед, снова к пану Теодору. После обеда у меня было несколько уроков, а потом мы отправлялись в часовню. Он читал молитвы тихо, моим ученикам было трудно за ним поспевать, но, как я понял, они прекрасно его понимали. Окончив молитвы, он выходил через центральный вход, беседовал с молодежью об их каждодневных заботах и весело шутил.

Как установилось в первый день, так бывало и во все остальные дни. Он сразу же объявил, что если кто-либо желает исповедаться

или просто поговорить, он в их распоряжении в послеобеденные часы. Это были не совсем обычные реколлекции. Когда я возвращался из школы, он, как правило, уже беседовал с молодежью, с теми, кто к нему приходил, прогуливаясь по дорожкам между высоких сосен вокруг часовни. Иные дожидались его на скамейках. Шумели сосны, щебетали птицы, изредка с ветки на ветку, резвясь, прыгали белки.

Тогда-то он и рассказал мне, что он пишет стихи.

Так почему не печатаешься?

Печатаюсь.

Никогда не встречал, удивился я.

Потому что я писал под псевдонимом Анджея Явена.

Вот как! Припоминаю, что-то читал в "Неделе" два года назад.

Да, в 1950 году дважды помещал свои стихи.

- О чем теперь пишешь?

Он показал. В той же манере, что и те, которые я читал раньше. Трудны для восприятия. Немножко в духе Норвида, хотя, впрочем, не совсем.

- Это тоже будешь печатать?

- Наверное.

Подобный способ пастырства меня не очень интересовал. Я думал о другом. О непосредственном контакте со своей молодежью и людьми, служить которым было моим предназначением, о мессах и проповедях. Он знал, что я много внимания уделяю проповедям, что нашел форму коротких поучений. Однажды он меня спросил, правда ли это, ибо был в ходу такой анекдот, что во время пасхальной службы я прочитал самую короткую проповедь и даже процитировал ее: "Господь Христос воскрес, но вы в это не верите. Аминь".

Неправда, - ответил я, смеясь. - Это было не так: "Господь Христос воскрес. И вы воскреснете. Но в это вы не верите". И без "Аминь".

Мы ужинали в семьях, с которыми я общался. Выбирали те семьи, в которых было много молодежи.

Когда на следующий год я спросил своих учеников, кого пригласить на рождественские реколлекции, все ответили:

Отца Войтылу.

Так было и в другие годы. Порядок не менялся. Ужинали снова только в знакомых семьях. Как и в прошлый раз, он до полудня писал и читал. Говорил, что здесь ему лучше работается, чем в Кракове, потому что здесь спокойно. И правда, до полудня время можно было использовать по своему усмотрению.

Он рассказал мне о своей работе, о людях, с которыми ему приходилось общаться, о своих коллегах - профессорах, доцентах, ассистентах, выделял новое поколение философов, упоминал фамилии, которые мне ни о чем не говорили, - отец Кронпец, ксендз Курдзялек, ксендз Каминский. Было видно, что среди них он чувствует себя своим, что он нашел свое место.

- О чем теперь пишешь?

Трудно все рассказать. Пишу разные статьи. А главным в настоящее время считаю соединение двух великих философий Фомы Аквинского и Макса Шеллера, сын которого отец Гуссерль. Мне понятна его этика ценностей, а именно - человек. В феноменологии я вижу лишь философские черты, и только. Ей недостает общего мировидения, назовем это метафизикой, которую стоит создавать.

Когда на третий год я вновь спросил свою молодежь в Рабках, кого из наставников реколлекций они желали бы пригласить, снова услышал ту же фамилию: Отца Войтылу.

- Хорошо, с удовольствием приеду. Только не надоел ли я им?

Очевидно, нет. Конечно, тебя нелегко понять, но они привыкли к твоей манере, к твоим основным идеям и жаждут твоего духовного наставничества.

Так он приезжал шесть лет подряд. В Рабках это была не самая приятная пора года - ранняя весна, а это и снег, и мороз, и редкое солнце, темные облака, затягивающие небо.

Он радовался тому, что дружба с молодыми прихожанами была чем-то большим, чем реколлекции.

- Твои ребята навещают меня в Кракове. В основном те, кто приезжает учиться. Да и просто узнают, подходят, здороваются.

VII. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА

Св. месса в честь интронизации.

Воскресенье, 22 октября. Утро пасмурное. Только бы не было дождя.

Из коллегии я уйду рано. На площади уже полно народу, хотя только восемь часов. Идет проверка пригласительных. Вдруг слышу - меня кто-то окликает. Это ксендз Станислав Клуз, мой давний друг, мы работали вместе в "Неделе", теперь он духовный наставник студентов. Он взволнован. Только вчера специально приехал на эти торжества.

Мы занимаем далеко не самые лучшие места на площади, но все-таки оказываемся справа от алтаря и папского трона.

Наблюдаем, как невдалеке от алтаря, где резервированы места для представителей властей и дипломатов, появляются все новые и новые люди. Узнаю князя Монако Райнера с княгиней, Генрика Яблонского, Бжезинского, испанского короля Хуана Карлоса с супругой, президента Италии Пертини.

Прибывают негры, японцы в национальной одежде и в строгих черных костюмах: мужчины во фраках, женщины в черных длинных платьях. Справа вижу представителей не католической церкви: Константинопольского и Московского патриархов. Несколько удивлен появлением архиепископа Кентерберийского Дональда Когана и брата Рогера Шутца с Таити. Остальных не знаю. Но на помощь приходит Стасик, который знает многих "братьев-отшельников". Указывает мне на армянского католика, представителей лютеранства и других религий. На площади появилась большая группа поляков в национальной одежде. Над их головами развеваются бело-красные знамена.

Время близится к 10 часам.

Площадь св. Петра заполнена до краев. Оглядываюсь по сторонам - заполнена не только площадь св. Петра, но и Пия XII и дальше.

Людей не менее 300 тысяч. Что-то подобное происходило во время похорон Пия XII. Кругом в разных точках установлены телевизионные камеры. Вчера печать сообщала, что количество

радио и телетрансляций рекордное. Стасик шепчет мне о начинающейся новой эре понтификации, о том, что Папа - это цвет тысячелетней польской культуры, символ народа. Рассказывает мне о значении Папы не только как всеземного спасителя, но и о значении его встреч с разными людьми, дипломатами, с теми, кто играет огромную роль в современном мире, о том, что Папа умеет направить их деятельность в нужное русло. Стасик сравнивает наше время с эпохой св. Франциска, выдвинувшей эту святую личность. Говорит о том, что он у себя организует группы студентов, цель которых - познание личности нового Папы. Я спрашиваю, о чем он им рассказывает.

Стасик отвечает, что еще сам толком не знает, какие основные черты подчеркивать, чтобы раскрыть самые достойные стороны этой личности.

Но ведь что-то ты уже можешь сказать о Папе?

- Я бы назвал его прежде всего внимательным слушателем он умеет слушать других. А также прекрасно умеет ориентироваться в окружающем мире.

Что еще?

- Не успею тебе всего рассказать. Уже 10 часов. Перед отъездом читал Словацкого. Посмотри на этот трон, который пока еще пуст. Не удивительно ли, что Словацкий тогда писал: "...Вот трон, предназначенный для Папы-славянина...". Он очистит церковь, укажет нам Бога, создавшего мир...".

Я же вспоминаю бабушку Шкоцку, умершую в 1971 году в девяносто два года. Она мне как-то показала, что давным-давно добавила к стихам Словацкого строки: "Этим папой будет Кароль".

Часы бьют десять. Хор поет "Вени Креатор". Из базилики выходит литургическая процессия. За крестом идут кардиналы, с митрами по двое подходят к алтарю, прикладываются к нему устами и занимают места по обе его стороны. Наконец показывается Папа с золотой митрой на голове и с пасторалом Павла VI в руке. Взрыв оваций. Папа благословляет собравшихся и восседает на трон.

Начинается церемония возложения на плечи Папы полотница это знак того, что Папа отныне является епископом Рима. К Папе подходит кардинал Фелици и возлагает на его плечи белую ленту, следует очень древняя и простая церемония коленапреклонения перед Папой и целования перстня рыбака на руке Папы. Кардиналы выстраиваются в очередь. Первым идет кардинал Конфалонери. Преклоняет колени и целует перстень. Папа наклоняется к нему и прикладывается устами к его челу.

Вторым идет кардинал Вышинский. Когда он нагибается к руке Папы, Папа щекой прикладывается к челу кардинала Вышинского и неожиданно для всех целует ему руку. Наблюдавшие за этой сценой были поражены.

Церемония продолжается. Папа держит себя очень просто, некоторым кардиналам помогает встать после коленопреклонения, иным не позволяет опускаться на колени, с каждым обменивается несколькими словами.

Затем начинается месса. Кардиналы расходятся по своим местам, у алтаря остаются двое, среди них - кардинал Вышинский.

Хор возносит славу, потом следует молитва вместе с Папой. Стасик шепчет:

- Слышишь, какой у него красивый, мощный голос?

Папа просит у Господа сил для того, чтобы он мог хорошо исполнять обязанности сына Господня на земле.

Начинаются чтения. Через громкоговорители сообщают, что первое чтение будет на английском языке, второе - на польском, евангелие на латыни и греческом. По-английски читает какой-то русоволосый священник, по-польски - наш коллега ксендз Марьян. Читает медленно, внятно.

Минута молчания. Я не уверен, будет ли Папа читать проповедь. Я представляю, как он идет к пульпиту, где только что читалось евангелие. Между тем ничего особенного там не происходит. Заметно, как он волнуется. Наконец произносит первое слово со своего трона, держа в обеих руках текст, с митрой на голове. Говорит четко, медленно. (Позже в передаче по радио отметят, что он сделал только три ошибки в произношении). Проповедь он связывает с евангелием, говорит, что это исповедь Петра, что это акт веры, веры в Церковь - мы все участвуем в исповеди Петра. Переходит к тому, что Петр оказался в Риме, хотя мог остаться в Палестине, но оставил ее и, ведомый призванием, пришел в Рим.

Стасик снова шепчет:

Папа тоже с удовольствием остался бы в Польше, в своем Кракове...

Вдруг неожиданный поворот в его речи - громкое обращение ко всему миру. Другой стиль, другой тон - в нем звучат просьба, молитва и призыв:

Братья и Сестры, не бойтесь быть с Христом и не бойтесь его власти. Помогите Папе и всем тем, кто жаждет служить Христу, Человеку и человечеству. Не бойтесь, откройте пред Христом двери! Откройте государственные, экономические и политические стены, откройте двери культуры, цивилизации и

продвижения вперед. Не бойтесь! Христос хорошо знает, что у человека внутри. Только он один знает.

Снова смена настроения, тона и голоса: Папа благодарит всех, кто принимает участие в сегодняшней встрече, кто прислал сюда своих представителей или слушает и смотрит радио или телевизор.

Опять неожиданность: Папа обращается по-польски.

- Обращаюсь к вам, мои соотечественники, к тем, кто прибыл сюда из Польши, к братьям-епископам во главе с Примасом, к ксендзам, сестрам и братьям во Христе, к вам, полякам всего мира. Что сказать вам, прибывшим из моего родного Кракова, из столицы св. Станислава, наследником которого я был четырнадцать лет? Что сказать? Ничто не способно передать то, что чувствует мое сердце. Не надо слов. Да будет наше молчание общением с Богом, которое есть молитва.

Затем Папа переходит на итальянский, поясняет, что он только что обращался к своим соотечественникам с просьбой помолиться, и с такой же просьбой обращается ко всем. Возносит приветствие всему миру на французском, английском, немецком, испанском и литовском языках, вызвав этим на площади, где собрались люди многих национальностей, неопишное ликование и восхищение. Наконец Папа обращается на таких языках, которые мало кому известны, - на словацком, украинском. По-видимому, за время существования Ватикана здесь впервые слышали эти языки.

Я всматриваюсь в лица и вижу, что по ним текут слезы. Когда Папа обратился в своей речи к полякам, Стасик заметил: у Папы очень крепкие нервы, даже волнение не способно нарушить течение его мысли.

Месса продолжается в сопровождении превосходного ватиканского хора. Желавших причаститься прямо на площади принимает 200 священников. Месса завершается торжественным исполнением псалмов "Христус винцит" и "Те Деум". Папа подходит к алтарю, чтобы всех благословить, и возвращается на площадь. Подходит к сектору, где находится польская делегация. Папская охрана прикладывает усилия, чтобы толпа не прорвала заслоны. Папа здоровается с хозяйкой епископского дворца пани Марией, своим водителем паном Мухом и камердинером паном Францишком. К нему пробираются малыши с цветами. Он гладит их по головкам и целует, благословляя их и всех стоящих рядом. Папа не спешит уходить с площади, приветствуя и благославляя, чего не делал ни один из его предшественников. Это настолько необычно и поражает всех, что даже мне трудно поверить, что

он всего лишь шесть дней как избран Папой. Все, казалось, ждали, что он будет чувствовать себя неуверенно, скованно, делать то, что велят ему те, кто до тонкостей знает, какой должна быть церемония понтификации. Между тем папа свободно и легко владеет всеми секретами установленных правил.

Но на этом не завершается сегодняшняя встреча с Папой. Вскоре после того, как часы бьют четырнадцать раз, он появляется на балконе своей библиотеки, чтобы вместе с собравшимися прочитать молитву. Перед тем как приступить к молитве, Папа произносит короткую речь:

- Хочу поддержать традицию своих предшественников и вместе с вами, дорогие Братья и Сестры, помолиться во славу Христа. Особенное внимание хочу уделить нашей молодежи, которая является надеждой мира, церкви и моей.

Затем обращается к полякам на своем родном языке.

- Я взываю к вам, мои соотечественники, и ко всем прибывшим из Польши. Я хочу, чтобы вы, вернувшись домой, вспоминали об этом и каждый раз, молясь у себя дома, думали, что молитесь вместе с Папой, который есть ваш брат и сын нашей Отчизны.

Возгласы одобрения на площади:

Да здравствует Папа! Да здравствует Святой Отец!

В заключение Папа говорит, обращаясь на итальянском языке:

Мы должны закончить церемонию, уже наступает время обеда.

И еще раз повторяет это по-польски.

Затем благословляет всех собравшихся и прощается. Но не так-то легко это сделать - люди на площади не отпускают его. Он еще трижды появляется перед толпой, не желающей с ним расставаться, и благословляет ее сердечным жестом, воздевая руки к небу.

Но и на этом не заканчивается торжество понтификации.

В воскресенье Папа принимает делегации христианских некатолических церквей. Сначала он беседует с отдельными группами у себя в библиотеке, затем встречается со всеми и обращается к ним с речью:

Ваше пребывание здесь свидетельствует о доброй воле и стремлении укрепить наши двусторонние связи, отбросить все то, что нас прежде разделяло. Мы должны понять, что наше разделение не способствует укреплению духа, но вместе с тем я хочу подчеркнуть, что мы будем придерживаться начертанного 2 Ватиканским собором пути, идя по которому мы уже немало сделали, но мы не должны останавливаться до тех пор, пока не

достигнем цели, пока не достигнем единства церкви, за которое молился Христос.

В 16.30 состоялась месса. Ее служил кардинал Круль, проповедь читал Примас. Костел переполнен, не все желающие могли попасть в него. Во время причастия, которое затянулось надолго, многие выходили из храма, усаживались на ступеньки или прогуливались группками, беседуя. Я встречаю знакомых ксендзов из Кракова, Варшавы, Люблина.

Среди них находится и пан Франтишек, долголетний камердинер епископского дворца в Кракове, которого я знаю еще со времен кардинала Сапеги и который сегодня одет торжественно, как для приема во дворец.

Это был знак неба, говорю ему, когда перед смертью Папы Павла VI его портрет упал вам на голову.

Да, это большой знак: до сих пор чувствую его на своей лысине.

Подходит водитель нынешнего Папы пан Мух, я спрашиваю его:

Вы по-прежнему будете возить нашего Папу?

Куда уж мне. У него есть отличный водитель, который хорошо знает Рим.

Встречаю здесь и хозяйку папского дворца. Она рассказывает:

Вчера утром, часов в пять, открываю ворота. Было еще совсем темно - и вдруг вижу: на дорожке горят свечи, а перед ними стоит на коленях человек и молится.

Все гости прибыли по приглашению Папы. Я встречаю среди них и его группу, доцентов с кафедры, с которыми я подружился еще в те годы, когда мы слушали лекции нынешнего Папы. Мы встречались раньше не только в Люблине, но и тогда, когда они приезжали в Краков на семинары. Мы ничего не говорим друг другу. Я без слов понимал, что для них это большая потеря лишиться своего профессора, который в течение многих лет преподавал, учил, не только студентов, но и самих преподавателей. Потеря слишком велика, чтобы можно было выразить ее словами. Плачущая девушка подходит ко мне и молча целует. Встречаю здесь и других знакомых из Кракова, которые рассказывают, что творилось в тот вечер и в ту ночь в Польше. На улицы Кракова вышли толпы людей, студенты-семинаристы, ночью проходили богослужения, ночные адорации, все благодарили Господа Бога за этот дар и молились за здоровье нашего епископа. Двери дворца и курии были распахнуты настежь, ибо это его курия, его дворец, и люди шли туда, где он жил, работал, где живут и работают его ближайшие

сподвижники. Была открыта и его часовня, где он молился, где он служил мессы. Люди приходили, молились и возлагали цветы. Цветы были всюду - в его доме, у дома. Теперь он принадлежал не Польше - он принадлежал всему миру.

7. 1958 ГОД. ЕПИСКОП

Когда умер заслуженный епископ дециоза Станислав Роспонд, в дециозе стали энергично обсуждать возможные кандидатуры. Все чаще упоминалось имя Кароля. Мне это казалось невозможным: не для этого он встал на путь науки, чтобы быть епископом. Тем более, что он совсем как будто не обладал качествами, необходимыми для этой должности. Клуб “желающих стать епископами” не принял его в свои ряды. Но именно тогда пришла весть, что он назначен епископом. Это случилось 4 июля 1958 года.

Когда ты об этом узнал? спросил я его при встрече.

- Я был со своей группой в походе, когда пришла телеграмма с вызовом в Варшаву и в Краков. Но я не успел завернуть к своим. Архиепископ объяснил, что я должен в воскресенье отслужить обещанную службу. Когда я приехал, он спросил, не откажусь ли я от своего наставничества. Я ответил, что для этого нет оснований, хотя он должен подыскать себе другого ведущего реколлекций. В Рабки я уже не смог приехать.

Чуть позднее, 28 сентября, в Вавеле состоялось его посвящение в епископы. Епископский скипетр он принял из рук архиепископа Базиака, вроцлавского архиепископа Каминка и опольского епископа Йопа.

У собора стояла большая толпа, через которую я просто не мог пробраться внутрь, так как пришел слишком поздно, не ожидая, что соберется столько народу на торжество.

Подхожу к епископам, которые приветствуют меня улыбками и усаживаются рядом, спрашиваю, что происходит там, у алтаря. Один из них мне объясняет:

Председательствующий ксендз зачитывает папскую номинационную буллу. Перед этим один из епископов обратился к архиепископу с просьбой повысить нашего Кароля до епископского чина. На что архиепископ спросил: есть ли у нас апостольский мандат? Тогда и стали читать буллу.

- А что теперь?

Теперь проходит так называемый экзамен.

Экзамен? - удивился я.

- Здесь все описано, - он подал мне раскрытую брошюрку. Меня поразили способ печати и я взглянул на год издания: 1657, Париж.

- Откуда она у вас?

- Это собственность капитулы.

А там шел настоящий экзамен:

- С любовью вопрошаем тебя, дорогой брат, действительно ли хочешь ты всю мудрость и силы отдать учению Священного писания?

Кароль отвечает:

От всего сердца говорю: готов повиноваться воле Божьей.

- Жаждешь ли всего того, что узнал из Священного писания, жаждешь ли служить людям и вразумлять их словом и примером?

- Жажду.

Затем следовали вопросы о верности отцам церкви, Папе, о жизни в скромности. На этом консекрация завершается:

- Эти и другие милости Господь Бог дарует тебе, да укрепит он и сохранит тебя в доброту своей.

Ксендз и все остальные, кому был известен смысл всего происходящего, ответили:

- Аминь.

Диалог продолжался. Ксендз, нагнувшись ко мне, попросил:

- Дай мне ритуал, ангел мой.

Я охотно подал его, так как консекратор говорил ясно, и все было понятно без ритуала. Вопросы касались веры. Консекратор спрашивал Кароля, верит ли он в святое триединство, Церковь, Воскресение и откровение Ветхого и Нового Завета, и сказал:

- Да умножит Господь Бог, возлюбленный брат наш во Христе, в тебе эту веру для вечного блаженства.

И снова собравшиеся ответили:

- Аминь.

Экзамен закончился. Началась месса. Подобную мессу я видел впервые. Я знал, что все обряды здесь усложнены. И действительно: после богослужения, проведенного с консекратором, Кароль с шестью ассистентами подошел к алтарю св. Станислава. До чтения проповеди месса проходила как обычно, хотя, если быть точным, только до чтения "Аллилуя". Затем консекратор сел в ожидании электа, который, как выяснилось, готовился у алтаря св. Станислава к мессе. Теперь они вместе с ассистентами вернулись к центральному алтарю и распростерлись пред ним крестом. Консекратор и вся ассистирующая группа опустились на колени и начали молиться ко всем святым.

О боже, сколько воспоминаний теснится в моей памяти. Мне вспоминалось посвящение Кароля в пресвитеры, когда он, так же распростершись крестом, лежал пред алтарем в часовне Сапеги. Это было сразу после окончания семинарии, семидневных закрытых реколлекций, когда Кароль решил всего себя посвятить Богу. Как давно это было? Сколько лет назад? Десять? Да, десять. А сколько вместилось в эти годы событий в его жизни, в моей, в жизни Польши и всего мира!

Консекрации предшествовала та же молитва, что и перед посвящением в пресвитеры. Первая часть ее тогда заключалась в ожидании Голоса Божьего в ответ на вопрос: "Действительно ли Он желает, чтобы я был его слугой-ксендзом?" А сейчас вопрос был такой: "Желает ли Господь видеть меня своим слугой-священником?". Ответить на него гораздо труднее, так как Кароль уже знал, как трудно быть таковым.

Моления заканчиваются. Кароль встает и опускается на колени перед алтарем. Подходит консекратор, и мы видим, как он раскрывает Евангелие и опускает его на голову и плечи Кароля. Ассистент поддерживает Евангелие, а подошедшие епископы вместе с консекратором поднимают над ним руки и произносят:

- Прими Дух Святой.

И кажется, что время повернулось вспять, вернулись те дни, которые описаны в апостольских трудах, когда апостолы клали руки на головы тех, кто отныне становился их соратниками. Теперь консекратор, подняв голову, и воздев руки, произносил молитву, похожую на префацию. Ксендз-инфулат пояснил, что сейчас консекратор возложит руку на плечо Кароля. Произошло это в сопровождении следующих слов:

Надели слугу своего высочайшей волей, освяти небесной росой.

Свершилось. Консекратор затынул:

- Veni Creator...

Молитву подхватили собравшиеся. Все встали. Я оглядываюсь и замечаю, что среди собравшихся - ксендзы, миряне, монахи и, что самое главное, все они были рядом с ним в отдельные периоды его жизни: в бытность в Вадовицах, в годы учебы на факультете полонистики, работы в Сольвае, жизни в Денбниках, знакомые со времен Тирановского, учебы в семинарии, службы в приходе св. Флориана, его студенты, редакторы из "Недели" и издательства "Знак", куда он сдавал свои статьи. Трудно было только с фотографиями с их блицами, готовящимися к новой "атаке". Следующий обряд заключался в том, что один из ассистирующих обвязал полосой материи голову нового епископа,

чтобы масло, которым консекратор смазывал ему темя, не пролилось на лицо и шею. Между тем консекратор говорил:

Пусть это небесное благословение обратит твой разум на исполнение обязанностей архиепископа. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Затем продолжал:

- Пошли ему, Отче, свою благодать в слове и трудах. Умножь свое благословение и благодать, чтобы он, защищая Твое дело, мог всегда просить Твоей милости и Твоего милосердия.

Префация заканчивается смазыванием рук, во время которого консекратор говорит:

Да будут эти руки благословлены священным елеем и кризмой, которой Самуил благословлял королей и пророка Давида.

Ассистент подал для благословения пастораль. Консекратор подает епископу Каролю перстень, Евангелие, затем он, епископы и ассистент своим поцелуем поздравляют его. На этом обряд консекрации заканчивается.

Новоявленный епископ со все еще обвязанной головой возвращается к алтарю, чтобы вместе с консекратором продолжить мессу. Он шел в сопровождении ассистентов, несших жертвоприношения. Я сначала не заметил их, только потом увидел, что они несли хлеб, две небольшие посуды с вином и свечу как в старые добрые времена начала христианства.

Затем состоялась обычная месса. В соборе стояла тишина все были необычайно сосредоточены. Консекратор еще раз благословил епископскую митру и возложил ее на голову Кароля. Митра была невысокая и невзрачная. Ксендз-инфулат пробормотал:

Некрасивая.

Некрасивая, - сказал кто-то из каноников.

Некрасивая, поддержал их и прелат.

Да, красивой ее не назовешь, подумал я про себя. Между тем консекратор затынул:

Слава тебе, Господи.

Слова подхватили все находившиеся в соборе. Под звуки песнопения новоявленный епископ шел и благословлял всех. Гимн был длинным, а собор огромным, и в нем находилось так много знакомых и друзей Кароля, которых нужно было благословить! Когда он вернулся к алтарю, опять благословил всех собравшихся и произнес слова благодарности консекратору.

На этом обряд посвящения закончился.

Люди не спеша покидали собор. Я хотел зайти в ризницу, чтобы поздравить Кароля, но у дверей собралась большая толпа,

и я не стал дожидаться. Вышел из собора и, счастливый, отправился в свои Рабки. Счастливый оттого, что наконец свершилось посвящение Кароля в епископы и что я возвращаюсь домой.

Я спрашивал себя: что же будет с научной работой Кароля? Если архиепископ избрал его своим помощником, то не для того, чтобы иметь профессора. Спросил я как-то об этом и Кароля.

- Профессором Краковского университета я останусь уже хотя бы потому, что некем меня заменить. Кроме того, хочу завершить то, что начал.

А как относится к этому архиепископ?

Он согласен.

- Это, пожалуй, самое главное.

Он прибыл в Рабки для уделения таинства миропомазания "конфирмации". За несколько месяцев я подготовил свою молодежь к этому таинству. Оно должно было проходить в приходском костеле.

Епископа мы ждали у костельных ворот. Все было готово: ворота украшены венками и приветственной надписью: "Благослови нас, Спаситель"; хор под руководством органиста подготовил прекрасные песнопения; гуралы, наряженные в национальных одеждах, старшая пара которых приготовила поднос с хлебом и солью; дети в национальных костюмах держали в руках цветы; играл оркестр. Словом, все было сделано так, как подобает. Я знал, что епископ Войтыла всегда говорил, что не любит пышных торжественных приемов, но мы знали также, что подобного события у нас еще не было никогда, и, возможно, другого такого случая не представится, так что епископ должен быть встречен подобающим образом.

Я ждал его с нетерпением. Никогда мне не приходилось видеть Кароля при исполнении епископских обязанностей. Все были несколько взволнованы: и декан, и органист, и хор, и оркестр, и все прихожане. Все-таки спустя пять лет епископ приезжает. В этом качестве здесь он еще ни разу не был. Матери ребят, которые должны были вручить цветы и декламировать стихи, то и дело поправляли у них венки и "бабочки".

Наконец он приехал. Сначала он казался растерянным. Я несколько не удивился, так как все происходило очень быстро: оркестр грянул музыку, хор затянул песнь, дети читали стихи и вручали цветы, старшая пара гуралов предложила хлеб-соль, декан поднес крест для целования и священную воду. Но не это было самым главным. Главным была всеобщая радость оттого, что он приехал, что он с нами.

Я опасался, что Кароль поддастся ускоренному ритму,

царившему здесь, и не раскроются все элементы церемонии, так тщательно подготовленной ожидавшими его людьми. Но нет. Все проходило степенно и обстоятельно. Кароль находился в каком-то возбуждении, но все исполнял неторопливо, так что присутствующие здесь не могли посетовать, что чего-то не увидели. Он выслушал со вниманием декламацию детей, затем попробовал хлеб-соль, ответил на слова приветствия, поцеловал поднесенный крест и окропил священной водой всех присутствующих. И все это делал с улыбкой на устах. Даже пошутил по поводу ворот - триумфальной арки. Я не слышал, что именно он сказал, поскольку играл оркестр и люди пели.

Затем должна была состояться церемония уделения тайнства миропомазания, но предшествовать ей должна экзаменация кандидатов. Я совершенно упустил это из виду, а когда вспомнил, то волосы у меня сами собой встали дыбом. Что, если он станет экзаменовать моих ребят? Мои ребята не знают конкретных формул или определений, ничего, кроме важнейших истин. Над вопросами катехизиса, требующими дословных катехизисных ответов, они расстреляются. Да и с епископом они впервые встречаются.

Я подошел ближе к стоящей группе молодежи. Я видел только его глаза и лица моих ребят - слышал его и их. Вздохнул с облегчением: беседуют. Значит не экзаменует, а просто беседует, и в шутку и серьезно. Я не мог предположить, что он так свободно ведет себя даже во время литургии.

После обеда, во время которого была произнесена длинная и торжественная речь, мы вышли погулять вокруг костела.

Не сердись, - сказал он, - что так надолго затянулся обед. Это возможность побыть вместе. Я не должен был торопиться, чтобы не подумали, что я не уважаю их, что хочу побыстрее отделаться. - Думаешь, мне не жалко времени, которое я теряю во время канонических визитов, как ты их называешь, - считаю цыплят и поросят, осматриваю хозяйственные постройки и беседую о том, что нужно чинить крышу костела. Но ведь дело не в том, чтобы только проконтролировать. Речь идет о человеке, который ждет моего слова и мнения о его делах.

- Ты думаешь о тех моих беседах с настоятелями и викариями? Не так уж это плохо, как это кажется тем ксендзам из настоятельской. Конечно, не все проходит гладко, поскольку это встреча двух миров, по меньшей мере - двух поколений. В Рабках подобных проблем нет. Но если бы и были, то не нужно этому удивляться. Все идет хорошо до тех пор, пока настоятель не начинает утверждать: "Я здесь владыка". "Я здесь настоятель, и никто не имеет права диктовать мне". Потому я ценю смысл

каждой такой встречи с ними. Все это я называю делом спасения душ среди служителей церкви. Им также нужен духовный наставник, хотя они сами являются таковыми.

Удивляло меня все это. Я не ожидал, что он так быстро станет епископом.

Вскоре он заболел. Стасик Каунацкий, который лечил его вместе с другими врачами, сказал мне:

- Когда я говорил с архиепископом Базиак, он сказал мне: - Пан доктор, вы должны так же позаботиться о лечении епископа Войтылы, как заботились о моем, когда я болел.

Стасик был потрясен этой заботой архиепископа о здоровье Кароля и заверил меня:

Я стараюсь лечить каждого как можно лучше, независимо от того, кто мой пациент.

Основным лекарством для Кароля было как можно больше движений во все времена года. И следовал этому рецепту Кароль неукоснительно: летом на две недели уходил в горы, а зимой ходил на лыжах. Для него это не было чем-то особенным, он и раньше любил так отдыхать.

В 1960 году окончилось мое пастырство в Рабках. После одиннадцати лет работы в в приходе я был переведен викарием в костел св. Стефана со специальным заданием наставлять помимо учащихся средней школы еще и студентов. Кароль тоже был назначен ответственным за дело пастырства в Кракове, так что мы неожиданно снова оказались вместе. Архиепископ Базиак весьма высоко ценил дело наставничества среди студентов, поэтому назначил для этой роли епископа-помощника.

Время от времени встречались все студенческие духовные наставники в Кракове и обсуждали текущие проблемы. Работа со студентами проходила систематически в виде еженедельных встреч с группами, которые мы создали в пределах своих приходов. Эти встречи носили характер лекций, после которых завязывались дискуссии.

После года работы в костеле св. Стефана, когда мы встретились с краковскими академическими наставниками молодежи накануне нового учебного года, чтобы обсудить предстоящие планы и уточнить сроки, Кароль прервал мои соображения по этому поводу и сказал:

- Тебя это уже не касается - ты начинаешь учебу.

Я остолбенел. Ни о какой учебе я слыхом не слыхивал.

Ты не знаешь, о чем я говорю?

- Понятия не имею.

После встречи я подошел к Каролю и спросил, что все это

значит.

Иди к архиепископу, он тебе все объяснит. Одним словом, с нынешнего учебного года ты должен начать работать над докторской. Иди к нему, поговори, затем спустись ко мне. Архиепископ просил, чтобы ты сегодня заглянул к нему.

Я сказал Каролу, что у меня нет большого желания учиться. Если уж надо было учиться, то начинать следовало лет десять назад, сразу же после окончания университета. Я многое подзабыл за это время.

- Иди сначала наверх, а потом спустись ко мне - поговорим.

Я поднялся к архиепископу. Он рассказал мне о своих планах.

Выбирайте любое учебное заведение, любую тему, но докторскую вы должны подготовить, ибо такова традиция в нашем дециозе. Если ксендз занимается рефератами на встречах священников или сотрудничает в печати, он должен быть доктором.

Ответ я должен был дать через две недели.

Взволнованный, я спустился вниз и передал наш разговор Каролу.

Но он меня успокоил:

Знай, что десять лет для теолога это много. Много изменится за этот срок. Для тебя шанс, если хочешь заниматься тем, чем занимался до сих пор.

Я хотел поехать в Рим, но, увы, не получил разрешения. Оставался только Люблинский католический университет. Значит в Люблин. Город, находящийся на востоке Польши, где жизнь течет медленно, где у людей много времени для того, чтобы спокойно обсудить все события. Мы говорили о моей предстоящей учебе.

Чем конкретно будешь заниматься?

- Что-то среднее между философией и теологией, скорее всего - фундаменталистикой.

- Раз уж выбрал университет, то лучше всего остановиться на философии. Ты ведь знаешь, что я часто бывал в Люблине, так что могу утверждать, что там довольно высокий уровень. Ты должен повторить мой путь.

Он порекомендовал мне поезд, который отправляется из Кракова поздно вечером, а в Люблин прибывает в 5 часов утра. Последнее прощание с моими студентами на вокзале, и я уезжаю. "Посмотрим, как выглядит этот люблинский мир Кароля", размышлял я.

Поезд шел долго, меня разбудили в четыре часа утра. В пять я уже был на Люблинском вокзале и не знал, что предпринять:

искать ночлег, чтобы выспаться, или ехать в университет. Путь туда не близкий. Этим поездом прибыло много народу, у стоянки такси образовалась огромная очередь. Я решил ехать на троллейбусе.

... Встречаю прежде всего ксендзов из разных уголков Польши. Гостиница, построенная несколько лет назад, не вмещает всех прибывших кандидатов.

Из-за отсутствия свободных комнат приходится ютиться в одной комнате двоим.

Началась новая жизнь. Маленькие неудобные комнатки, в которых доводилось жить и Каролю. Одна умывальная комната на весь коридор, к тому же в ней темно и холодно.

Но сам университет... Большое прямоугольное здание с внутренним двориком такой же формы, с широкими коридорами, окна которых выходят в сад, а двери - в аудитории. Кафедра философии расположена в партере. Здесь же библиотека и читальня.

Я ждал профессоров, о которых мне рассказывал и хвалил в Рабках и в Кракове Кароль. Я старался интересоваться в Люблине тем, чем интересовался Кароль, только мне хотелось самому войти в этот новый мир, без чьей-либо помощи. Перед отъездом, уже в автомобиле, обсуждая предстоящую жизнь, поговорили и об этом. Кароль тогда сказал:

- Поговаривают, будто я тебе помогаю по нашей старой дружбе. Но я должен тебе сказать, что я ничем до сих пор не помог тебе.

Я понял его и попросил:

И прошу тебя, сколько бы мы ни жили на этой земле, продолжай в том же духе.

Постепенно и очень несмело я пытался привыкнуть к этому новому миру. Каждый раз передо мной открывалось что-то новое, удивляющее воображение и разум. Первое, что меня поразило, это то, что в университете учились разные студенты - и миряне, и ксендзы, и монахи. Коридоры были битком забиты мирянами, ксендзами и монахами в сутанах. Неожиданным для меня было то, что профессура была действительно высокого уровня. Еще в Кракове мы с Каролем решили, что я буду изучать теоретическую философию. Это очень обширная область, из которой я смогу по своему желанию выбрать любое направление. Главное, что здесь был отец Альберт Кронпец, преподаватель метафизики и добрый друг Кароля. Известный профессор и известный человек. Отличный знаток Аристотеля, в чем я убедился на его семинарах, когда мы читали труды древнего философа и обсуждали отдельные

его положения. Он доминиканец, всегда молод душой, удивительный человек, к лекциям специально не готовился, а говорил просто, от души, что было интересно.

Меня особо интересовало понятие веры с точки зрения экзистенции. Я хотел писать у него докторскую. После долгих размышлений и обсуждений я выбрал тему из современной философии экзистенции.

Работа продвигалась быстро. В конце 1963 года я на семинаре докладывал об основных направлениях работы.

Другая примечательная личность - это ксендз профессор Станислав Каминский. Он преподавал логику, если можно так сказать, - математическую логику и методологию. Он прекрасно знал свой предмет. Говорил глухим голосом, тысячи потов выжимал из студентов на экзаменах. Среди студентов ходил такой анекдот: однажды по телефону состоялся разговор:

- Это квартира ксендза профессора Каминского?

- Да.

- Я должен сдать экзамен, хотел бы поговорить с профессором.

- Его нет дома.

- Простите, а не с самим ли профессором я сейчас говорю?

- Нет, с его домохозяйкой.

Еще одна звезда этого университета профессор Стефан Свежавский. Историк средневековой философии. Он выделялся среди других своими научными воззрениями, вдохновенно читал студентам лекции, принося на них кучу карточек, которые тут же и прочитывал.

Наравне с ним стоял Мечислав Гогаш из мирян. Очень трудолюбивый человек. Не только пишущий научные труды, но и трезво мыслящий.

Еще один единомышленник профессора Свежавского - Антоний Степень, специализирующийся на современной философии. Знаток всех ее направлений.

Чтения проходили в переполненных аудиториях. Проводились семинары и специальные занятия, которые меня особенно интересовали.

И, наконец, Кароль. Говорю о нем в последнюю очередь еще и потому, что, хотя он и работал в избранной мною области, т.е. философии, но, поскольку я специализировался в теории, его лекции я мог и не посещать. И без этого я был довольно частым гостем.

Помню, я увидел его в качестве профессора, читавшего лекции. Держался он свободно, всегда улыбающийся, шутками начиналось каждое его занятие, но он умел сразу как-то незаметно перейти

к важным делам. Только теперь я увидел, как много он трудился над изучением Макса Шеллера. Это было что-то новое: новое мышление, новые исследования человеческой личности, его сущности. Не говорю: исследования человеческих переживаний, опасаясь, что это многосмысловое слово может быть не понято, ибо Кароля волновали не только чувства, но сам человек в совокупности и чувства, и воля, и разум. И чем больше я его слушал, тем лучше понимал, что это уже не Фома Аквинский или Шеллер, не Гуссерль, не Ингарден, а он, Кароль, и его философия. Философия, корни которой можно обнаружить в трудах этих великих личностей, но вместе с тем это уже система его личной философии.

Его всегда волновал человек, и это проявилось в научных трудах, выявилась самая главная его тема - тема любви. Любви "всеобщей", если можно так сказать, и любви "частной", в которой на первом месте - тема супружеской любви.

Слушая его, я понял, что материал он получал из общения с молодежью, которую внимательно выслушивал, дружил с ней. Он всегда бывал рядом, когда между ними зарождалась любовь. Он был рядом, когда они решали не расставаться и соединяли свои судьбы, начиная следующий этап в своей жизни. Он бывал рядом, когда брак приобретал новый смысл рождалось дитя. Кароль умел проанализировать, описать частности, а затем все объединить и создать свою концепцию или свое видение человека.

Может возникнуть подозрение, что эти его наблюдения, исследования проводились как бы по специальной установке в его общении с молодежью. Но я вспоминаю те времена, когда Кароль бывал с молодежью, и никакой фальши в поведении не замечалось. Не происходило ничего такого, что позволяло бы судить о его желании понравиться или показать себя. Все происходило естественно и просто, как в жизни. Так же просто проходили и его научные встречи. Это были встречи группы друзей, которые занимались важной для всех проблемой и были заинтересованы в деле и трудились ради него от всего сердца. Это была группа людей, составлявших единую семью, сплотившуюся не только для лекций или семинаров, но и для ежедневной обычной жизни, в которой дела одного становились делом другого, где господствовало чувство взаимопомощи в любых жизненных обстоятельствах - в поисках жилья, в денежных делах, или в минуты горя, когда умирал кто-либо из близких, или в минуты радости, когда рождался человек.

В 1962 году умер краковский ординарий Эугениуш Базиак. И только тогда выяснилось, как этот человек был всеми любим и

почитаем, хотя был он человеком с тяжелым характером, замкнутым и властным. Но все-таки это был человек, который не мог за своей строгостью скрыть доброго сердца. Я знал об этом давно, и не только из своих с ним встреч, которых было не так уж много, но и из того, что мне рассказывал о нем Кароль, который ежедневно бывал с архиепископом.

Архиепископа у нас называли беженцем, так как к нам, в Краковскую диоцезию (епархию), он прибыл уже будучи епископом Львова. И умер он как бы в изгнании - в гостинице "Рим" в Варшаве, куда он прибыл на епископскую конференцию. Он не успел призвать на помощь своего секретаря, умер скоропостижно - остановилось сердце.

После похорон, на которые прибыло много краковчан, проводивших архиепископа в последний путь, и верующих из Львовской диоцезии (епархии), из различных уголков Польши, все задавались вопросом, кто же унаследует вторую по назначению епископскую столицу.

Подумывали и о епископе Кароле, к которому склонялось большинство людских сердец, но реальных шансов у него практически не было. Во-первых, слишком молод. А то было время, когда архиепископом назначали епископов с большим стажем. Кроме того, Краков это кардинальская столица. Кардинал Сапега, поддержавший Краковскую диоцезию (епархию), тоже был молод, но в данном случае он не мог быть примером, так как прибыл в Краков прямо из Рима по назначению Папы Пия X, у которого был прелатом. Помимо этого, Кароль уже был епископом-суффраганом Краковской диоцезии (епархии), что тоже являлось определенным препятствием - ординарий назначался обычно со стороны.

Так диоцезия (епархия) осталась несколько месяцев в неведении. По Кракову и всей Польше ходили священники, называвшиеся епископами, о которых говорили, что они "кандидаты в Краков".

VIII. ПОНЕДЕЛЬНИК, 23 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА АУДИЕНЦИЯ ДЛЯ ПОЛЯКОВ

Утром, в понедельник, 23 октября римское радио передало, что Папа в первой половине дня принял польского руководителя Генрика Яблонского. Затем последовал прием делегации страны, которая принимала участие в воскресной мессе по случаю папской коронации.

По окончании общей аудиенции Папа еще раз беседовал с Генриком Яблонским и сопровождавшими его лицами. По тону передаваемого известия можно было судить, что это событие имело важное значение для польского руководителя и самой Польши.

В произнесенной речи Папа благодарил собравшихся за участие во вчерашней церемонии инаугурации. Затем, наряду с прочим, он подчеркнул:

- Не может быть мира без сотрудничества и единства народов. Церковь через свое Евангелие может внести большой вклад в дело объединения людей всего мира.

В полдень радио сообщило, что Папа пригласил польских епископов и всех прибывших из Польши ксендзов на обед в апартаменты монастыря св. Марты в Ватикане. В этом здании проживали работники Ватикана, а на первом этаже находился большой обеденный зал, где питались многие жившие в Ватикане. Бывал там и я. Многие годы там жил епископ Анджей Дескур, тогдашний прелат. Но Папа не только пригласил всех на обед, но и пообещал, что он сам будет присутствовать на обеде. Это обещание Папы уже само по себе нарушало традиции Ватикана. До сих пор считалось общепринятым, что Папа обедает в одиночестве, а если не один, то круг лиц был очень узким и хорошо близким Папе. Но на этот раз все было иначе. За последние четыре дня к новостям уже стали привыкать: все, что было проявлением нормы и обычаев, теперь стало необязательным для исполнения, то, что сформировалось в течение столетий, что считалось сугубо папским, отныне упрощалось. Уже все знали, что как только Папа узнавал, что в чем-то соблюдается

какая-то искусственность и натянутость, он тут же все менял. Спонтанность, естественность и простота на каждом шагу - вот что характеризовало нового последователя Петра.

В 16 часов пополудни в зале Нерви (названного так по имени ее основателя) состоялась папская аудиенция для поляков. После нее должна была последовать аудиенция отдельно для представителей Кракова, однако в последний момент было сообщено, что ввиду отсутствия подходящего зала Святой Отец обратится к краковчанам с отдельной речью.

Я прихожу раньше, задолго до 16 часов. По правой стороне колоннады нахожу своих соотечественников, ожидающих приглашения войти в зал. Затем мы входим друг за другом в огромное помещение на семь тысяч мест. Это недавно построенное здание, светлое, просторное, с продуманными входами из коридоров через отдельные нефы, что облегчало доступ в зал. Я встречаю многих знакомых, коллег, прибывших из Польши специальными рейсами, а также из Соединенных Штатов. Все возбуждены, делятся впечатлениями о вчерашнем дне. Близится назначенный час аудиенции. На возвышении размещаются епископы и прелаты.

Справа и слева от барьера располагаются журналисты с фотоаппаратами и кинокамерами. Кто-то говорит, что Папа опоздает на несколько минут, потому что день у него очень напряженный, тем более, что он уже принимал сегодня делегации, а теперь находится в зале св. Марты, где обедает с польскими епископами и прелатами. Кто-то затянул религиозную песнь, затем мы все прочитали молитву. Неожиданно справа загораются прожекторы и под бурные аплодисменты появляется Папа. Он входит с широкой улыбкой, движением рук приветствует и принимает поздравления собравшихся, усаживается в высокое обтянутое бархатом кресло. Все поют "Мы жаждем Бога" и заздравию "Многие лета". Выходит кардинал Вышинский и произносит вступительное слово. Папа слушает его не сидя, как это делали все Папы до него, а стоя. Вместе с ним поднялись со своих мест все в зале и, стоя, слушают Примаса Польши. Примас говорит:

Мы знаем, св. Отец, сколько сил потребовали от тебя эти встречи. Мы знаем, что тебе было нелегко еще и потому, что ты горячо любишь свою Родину, особенно свой Краков. Мы знаем, как ты любил Татры, их леса, равнины и холмы, которые придавали тебе столько сил и бодрости.

Все это ты принес в жертву.

Он благодарит его за работу в Краковской диоцезии, на

епископских конференциях, за научную и профессорскую работу в Краковском университете. Его речь прерывается аплодисментами. Примас заверяет, что вся Польша молится за него и просит его благословения для всех собравшихся здесь, всех соотечественников на родине и во всем мире. Он заканчивает речь и подходит к Папе, чтобы поздравить его. Опускается на колени, целует перстень, и тогда Папа также опускается на колени перед Примасом, обнимает его, и в течение нескольких секунд они пребывают в объятиях друг друга: два человека, великих человека польской церкви и нашего времени. Взрывается гром аплодисментов... Позже Примас сказал: "Я хотел вырваться из объятий, ибо как же это так получается, что Папа стоит передо мной на коленях. Но он это почувствовал и так крепко прижал меня к себе, что я не мог даже шевельнуться..."

На приветствие Примаса отвечает сам Святой Отец. Он извиняется за то, что будет читать с листа, потому что речь пойдет об очень важных делах и он не хочет что-либо упустить.

Но он никак не может приступить к чтению. Вспоминает утреннюю встречу с делегацией, которая вчера участвовала в инаугурационной святой мессе. Вспоминает встречу с представителями Польши.

Я беседовал и с руководителем Польши, и с членами делегации. Я осознаю, какое это важное событие, которого пожелал Христос, зная, как оно отразится на нашей истории, в сердцах польского народа и церкви.

Потом Папа приглашает всех сесть, садится сам и просит выслушать два важных сообщения: первое касается всей Польши, второе предназначено для Краковской диоцезии.

Начинает с первого обращения - ко всем полякам. Все слушают с большим интересом.

Возлюбленные мои соотечественники! В день, когда одному из сынов нашей дорогой родины суждено было стать епископом столицы святого Петра, обращаюсь к вам с этими словами.

Теперь все с чрезвычайным интересом следят за польской церковью.

Взоры всего мира обращены к ней. Не зная этого, трудно было бы понять, почему Папой избран именно поляк.

И здесь, к удивлению собравшихся, возможно, даже не из заранее подготовленной речи слова обращения к Примасу Польши:

- Глубокоуважаемый наш Примас! Позволь мне просто сказать то, что у меня на душе. Не оказался бы на престоле столицы святого Петра поляк, если бы не Твоя вера, не сломленная ни в тюрьмах, ни в страданиях, если бы не Твоя надежда.

Это было известно всей Польше, но когда об этом заявляет сам Папа, — это совсем другое дело. Я вглядываюсь в Примаса. Худой, очень уж худой, с озабоченным лицом. Несомненно, он взволнован тем, что слышит.

Обращаясь к Тебе, продолжал Папа, я обращаюсь ко всем своим братьям-епископам, ко всем ксендзам, монахам и монахиням, ко всем соотечественникам моим, братьям и сестрам в Польше и за ее пределами... Ко всем без исключения полякам, уважая убеждения каждого из них. Любовь к нашей родине объединяет нас и должна объединять впредь невзирая ни на какие различия.

Но вот Папа начинает прощаться со своей Польшей. Все в зале необычайно взволнованы.

— Тяжело оставлять Родину...

Его голос, такой ясный, акцентирующий каждый слог, задрожал. Спасает его продолжительная овация, во время которой Папа успевает овладеть собой и сосредоточиться.

Поскольку такова воля Христа, я должен ей подчиниться. Я хочу, чтобы эта наша разлука еще более нас объединила... Поминайте меня в своих молитвах.

И еще раз призываю:

Всегда выступайте против того, что унижает человеческое достоинство и народные традиции.

Затем он благословляет:

— Я благословляю вас не из епископского или папского долга, а по побуждению сердца.

Затем приступает к чтению обращения к своей Краковской диоцезии. В первых же словах подчеркивает:

Верьте мне, отправляясь в Рим на конклав, я больше всего жаждал вернуться снова к вам.

Еще раз произносит слова благодарности.

Позвольте поблагодарить вас за все: за жизнь, учебу, годы ксендзовства и епископства. Благодарю моих родителей, которые уже давно обрели вечный покой, мой приход Богоматери в Вадовицах, начальную и среднюю школы, университет имени Йогайлы и его теологический факультет, Духовную семинарию. Слова благодарности хочу выразить и моему великому предшественнику в столице св. Станислава кардиналу Адаму-Стефану Сапеге и великому изгнаннику, архиепископу Эугениюшу Базиаку, епископам, ксендзам, моим духовным наставникам, известным профессорам и всем, посвятившим себя монашеству. Хочу выразить слова благодарности всем тем людям, которых я встречал на протяжении своей жизни школьным,

университетским друзьям, товарищам по семинарии, рабочим с фабрики “Сольвай”, писателям, актерам, всем тем, кого я благословлял на святой брак, учащейся молодежи, ищущей смысл жизни с Евангелием в руках, которая наставляет на путь служения Богу. Вас всех я ношу в своем сердце и хочу вместить в него всю мою возлюбленную краковскую церковь... Да благословит вас Бог!

Конец речи тонет в буре оваций. Но это еще не все. На прощание Папа выходит в разделенный барьерами проход. Под звуки религиозных песнопений он обходит сначала одну сторону, протягивая руки к тем, кто жаждет прикоснуться к ним, поздороваться или поцеловать. Увидев знакомого, друга, обменивается несколькими словами или просто отвечает на вопросы незнакомых людей. Обойдя одну сторону, возвращается ко второй - проходит от центрального входа к возвышению. Все это длится около часа. Иногда он углубляется в зал. Стоящие рядом со мной затягивают песню, специально написанную и посвященную этой встрече, но в шуме и многоголосом говоре зала нельзя различить ее слов. Проходя, Папа замечает меня и вместе с приветствием говорит, а точнее, выкрикивает, чтобы я услышал:

- Случилось то, что ты предвидел. Только прибыл ты не на тот конклав.

- Зайди ко мне как можно скорее.

Он продвигается дальше, отвечая на вопросы, перекидываясь словом, пожимая руки, улыбаясь. Наконец, он возвращается на возвышение и, видя, что никто не покидает зала, просит:

- Мы должны проститься, ибо у Примааса мало времени и он меня уже торопит.

В зале раздается смех.

- Больше ничего не скажу, а если и скажу, то это будет что либо лишнее, ко мне тут же прицепится конгерация по делам веры.

Наконец он покидает зал, скрывается под блики последних вспышек фотообъективов.

8. 1962 ГОД. НАЧАЛО СОБОРА

В мае 1963 года я окончил учебу в университете. Все экзамены я сдал, как и планировал, в течение не трех, а двух лет, уже был зачтен курс философии, я сел за докторскую работу. Гражданские власти разрешили мне выезд за границу.

Я рассказал об этом Каролу, тогда Капитульному викарию управляющему Краковской диоцезией. Он спросил:

- Что ты намерен делать дальше?

- Хочу отправиться в Париж, чтобы встретиться с Габриэлем Марцелем. Он уже в годах. Пока он жив, хочу познакомиться с ним. Затем, после короткого пребывания там, закончу докторскую, материал для которой у меня уже есть, защищу ее и вернусь в Краков.

На это он сказал мне:

- У тебя есть вызов в Рим, вот и поезжай туда, там встретимся и обо всем поговорим. У меня нет времени, я должен выехать на вторую сессию Собора.

Я так и поступил.

В сентябре поехал в Рим, где мы встретились с Каролом.

В Риме мне не понравилось, в том числе и в польской коллегии, несмотря на то, что там были хорошие условия для занятий. Маленькие садики с аллеями, кругом кипарисы, в тени которых приятно посидеть, поразмышлять, удобные комнаты, отличное питание, близкие друзья. А самое главное ректор коллегии, хорошо знакомый мне ксендз Владислав Рубин, выходец из Львова. За плечами у него уже были Сибирь, Ближний Восток, потом Рим, где он закончил теологический факультет и остался работать с жившими там поляками. Коллегия под его руководством стала просто прекрасной. Нас всех он считал своими младшими товарищами, а себя тем, кто может помочь своим опытом и знакомствами. Хорошо нам было с ним и, надюсь, ему тоже было хорошо с нами.

Не нравилась мне суматоха в связи с Собором. Помимо нас, студентов, обучавшихся в Риме, в коллегии постоянно проживало много епископов, приехавших на сессии Собора. Они просто эксплуатировали своих ксендзов, так как было много дел, которые

нужно было привести в порядок. Потому и не нравилось мне это время: стоял постоянный шум, беготня. Хотелось как можно скорее куда-нибудь скрыться и спокойно поработать над докторской.

Как-то после ужина мы вышли с Каролом погулять и поговорить. Уже был вечер. Над нами в небесной выси загорались бесчисленные звезды. Вдали сквозь дымку виднелись Каракальские развалины. В глубине города светился купол св. Иоанна Лютеранского, напротив - св. Петра. Все это составляло удивительную панораму города. Стояла тишина далекий шум машин не досаждал.

Кароль сказал мне:

Знаешь, я думаю о том, что в Польше философов у нас много. Нам нужны хорошие теологи. Это новое, что вытекает из решений Собора. Со временем появится настоятельная необходимость в экклезиологах. Я хотел бы, чтобы ты поработал в области экклезиологии.

Я совсем растерялся:

Я ведь занимаюсь философией, уже половину докторской написал.

Все, что ты делаешь в области философии, не пропадет, раньше или позже это пригодится для экклезиологии.

Меня это почему-то не радовало. А он продолжал:

Знаешь, что я решил? Хорошо бы тебе позаниматься в Ангельском университете. Я там учился, это оказалось очень полезным и тебе принесет пользу, тем более, что ты в теологии придерживаешься правого уклона. Там тебе преподадут учение св. Фомы, а не просто томизм. Это полезно.

Пришлось согласиться.

- Не противься. У этого университета свои плюсы. Эта не та гигантская машина, какой является Григорианский. Невелик, студентов немного, профессору нетрудно заниматься с каждым. Жаль, что там нет уже моего профессора. Но они умеют подбирать ученых. У доминиканцев есть из чего выбрать. А кроме всего, теперь в Риме происходят великие события.

Ты имеешь в виду Собор?

- Да. Это событие, которое изменит Церковь. Жалко, что ты уехал из Рима и не заметил этого. А потом, если захочешь, после докторской в Ангельском, сможешь закончить свою работу и по философии.

Я согласился. Было интересно, что это за "его университет". Добраться туда можно было на автобусе или даже пешком обойти цирк, Колизей, пересечь Венецианскую площадь и

подняться в гору. Четырехугольный двор, чем-то напоминающий двор в Краковском университете, только поменьше. Я поступил туда, стал слушать лекции. Действительно, здесь была хорошая профессура. Все лекции читались на латыни, экзамены тоже нужно было держать на латыни. А в общении в ходу были итальянский, французский, немецкий, английский.

Между тем вторая сессия Собора продолжалась. Польские епископы, прибывшие в Рим на Собор, обосновались в коллегии польского института, где были отведены и апартаменты для Примаса Польши Стефана Вышинского. Бывал там и Кароль. Они занимали большие комнаты на первом этаже, недалеко от часовни. Постоянной комнаты у Кароля не было. Жил он все время в разных. Только позже, став кардиналом, получил большую комнату с видом на статую св. Христофора, несущего на плечах младенца Иисуса.

Я много работал. Понимал, что если не уложусь в начале года, то потом не наверстаю. Каждое утро в восемь часов я шел на лекции. Приходилось отказываться от многого: учеба занимала все время. Кроме трудностей самих дисциплин много хлопот доставляла латынь, на которой читались лекции. Я должен был овладеть ею в ходе учебы, так как экзамены предстояло сдавать на этом языке. После обеда я должен был приводить в порядок некоторые дела на благо Собора - тексты переводов, переписи и прочие.

В университете я выучился слушать английских и французских профессоров, говорящих на латыни, а это уже два языка, испанские профессора тоже говорили на латыни, и это тоже отдельный язык. Я подружился с профессором из Америки и хотел писать у него докторскую, приступил к систематизации собранного материала. Следить, о чем шла речь на Соборе было некогда. Я боялся, что это меня увлечет и не оставит времени для занятий. Поэтому я избегал приближения к базалике, в которой всегда было много теологов, епископов, кардиналов, тележурналистов, фоторепортеров. Я не ходил туда, хотя мне очень хотелось встретить

там главного редактора "Недели", который освещал ход событий Собора.

Мы говорили об этом с Каролем. Поводы для бесед всегда находились.

Он работал много, но и отдыхать тоже нужно было. Поэтому не раз он предлагал мне:

Мы едем на море. Поедешь с нами?

Я всегда охотно соглашался, если, конечно, позволяли мои

университетские дела. Мы усаживались в маленький автомобиль ксендза Алоиза Кадеры и отправлялись на взморье на ватиканские пляжи или еще дальше. У Кароля была своя система свободного времяпровождения. Сначала он с нами беседовал какое-то время. Потом мы купались. Он был сильным человеком и прекрасно плавал. После этого расставался с нами: прогуливался невдалеке, отходил в сторону и погружался в размышления. На обратной дороге мы заворачивали в пиццерию, чтобы съесть порцию пиццы или жареного мяса, и возвращались в коллегия.

Зимой отправлялись на прогулки.

У меня несколько свободных дней. Поедешь со мной? спрашивал он меня.

С удовольствием.

В Риме как в Риме, прекрасный солнечный зимний день, зреют апельсины. Немного прохладно, но на улицу можно выходить без пальто. А за сто километров от города мы оказывались в царстве настоящей зимы - снег, мороз, даже метели. Но Кароль, не обращая на это внимание, вставал на лыжи и подня катался. Было очевидно, что лыжи - это его слабость.

Бывали и другие поездки. Иногда мы отправлялись в Ментореллу в монастырь девы Марии.

Оставляли автомобиль на дороге, где кончался асфальт, и остальной путь в несколько километров преодолевали пешком. Ходьбу он любил. Это тоже было одним из его любимых занятий.

История Монтереллы уходит в глубокую древность.словно корма корабля она выступает над равниной. На вершине среди тишины и зеленых лесов стояли собор и монастырь. Тишину нарушали здесь только редкие путешественники. Еще в прошлом веке Ватикан отдал маленькую святыню девы Марии ордену Воскресшего Христа. Благодаря их самоотверженности все это сохранилось и поныне.

Кароль сердечно приветствовал братьев во Христе. Затем предавался долгой молитве в костеле. После ужина мы возвращались.

Наносил Кароль и визиты, когда хотел узнать людей и неизвестные ему обычаи.

- Едем к маленьким сестрам.

- Куда?

В Тре Фонтане.

Там мы находили матушку с ее подопечными, которые с граблями в руках приводили в порядок свой двор.

В автомобиле он обычно читал, молился или беседовал с нами.

Говорили мы о многом, но, конечно, больше всего о ходе

Собора. О Папах, об Иоанне XXIII, этом замечательном человеке, которого называли “добрым дядей”.

Мне очень нравится его юмор, - сказал однажды Кароль. Его как-то спросили, сколько служащих работает в Ватикане, он ответил: “ Наверное, половина”.

Среди самых невероятных, но возможных вещей бывает много невероятных и невозможных, важнейшее среди которых, пожалуй, событие, когда он 2 января 1959 года своим невнятным голосом объявил удивленным кардиналам о том, что он возвещает братьям епископам большую радость и объявляет о начале Собора.

Только понимал ли он, какую бурю вызовут его слова? Казалось, что, если даже и понимал, то не слишком волновался.

Когда я слушал все это, я начинал сознавать, что, живя в Польше, я бы не смог освоить эту гигантскую машину, которая называется Собор. Только в Риме я понял, что это значит. Самым трудным был подготовительный период с января 1959-го до начала первой сессии, т.е. до 11 октября 1962 года. И всем казалось, что на этом закончится и Собор, на самом же деле оказалось, что это только начало. Папа Иоанн XXIII умер. Хотя и он, наверное, не сумел бы добиться завершения Собора.

Не могу быть уверенным, но мне казалось, что занять место Папы Иоанна стремились немногие. Наверное, все понимали, что нелегко быть Папой после такого предшественника. Нелегким представлялось и завершение начатого дела, т.е. Собора. Все удивительное началось с того конклава, на котором, еще до его начала, стало известно, что Папой будет Монтини, что и случилось. Прежде всего потому, что он был ближайшим сподвижником Иоанна XXIII и лучше всех ориентировался в Соборе. Монтини-Павел VI. Человек большого интеллекта, всю жизнь проведенный в Римской курии. Он знал, что такое Собор и каким должны быть его цели.

Я все чаще приходил к мысли, что и мне следует включиться в работу Собора. Вернувшись после отпуска, я окончательно решил принять в нем участие. Своему “шефу” Каролю я объяснил это решение так:

Если я должен заниматься экклезиологией, то считаю, что обязан вблизи наблюдать это величайшее для Церкви событие нашего времени, называемое Вселенским Собором.

Кароль согласно кивнул:

Хорошо.

ХІ. ВТОРНИК, 24 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА АУДИЕНЦИЯ ПРЕЗИДЕНТУ ПЕРТИНИ

Звоню в Ватикан по номеру, который известен немногим, секретарю св. Отца, моему хорошему другу Стасику Дзивищу. Передаю ему наш вчерашний разговор и интересуюсь, могу ли я сегодня прийти.

- До обеда Папа занят, принимает президента Италии Пертини.

А после обеда?

Тоже занят.

Ну тогда завтра.

Не может быть и речи.

Так послезавтра?

- Нет, потому что до обеда всеобщая аудиенция, а после обеда Папа отправляется в Гастелл-Гандолфо.

- Придется перенести нашу встречу на то время, когда снова буду в Риме. Собственно и дела у меня особого нет.

Приходи сегодня к обеду. Никого не будет.

К обеду? Отлично.

Только не говори, что идешь к Папе, а ко мне.

Хорошо. Когда?

В 13.30. Входи со стороны костела св. Анны и там по ступенькам наверх.

- Договорились.

Приезжаю на автобусе. Первая охрана меня пропускает. Из-за воротничка. Вторая останавливает и спрашивает, куда иду и к кому. Отсылают к портье. Тот долго выясняет мою фамилию, затем звонит по телефону. Наконец выписывает пропуск. Затем снова контроль. У входа на лестницу еще один контроль. Поднимаюсь на второй этаж и оказываюсь в прекрасном зале с удивительными фресками. Снова швейцар, который в свою очередь отсылает к другому швейцару, а затем меня передают в руки камердинеров. Одного из них, который меня сопровождает, учу произносить слово "Дзивищ", но совершенно безуспешно. Он все повторяет "Цивиш". Наконец признается:

Ваш язык труднее нашего, потому что у вас пишут одно, а произносят другое.

Мне всегда казалось, что наоборот. Но я не пускаюсь в

объяснения.

Меня провожают до лифта. Поднимаюсь на третий этаж и сразу же оказываюсь в объятиях Стасика. Он, как всегда, приветлив, прекрасно знает, как и что следует делать.

- Подожди, еще есть немного времени.

Остаюсь один. Маленькая приемная без окон, свет падает сверху.

У стен стоят кресла и какие-то шкафы. Нахожу вход в маленькую часовню, вхожу. Она оборудована в новом стиле, но очень красиво. На доске из черного мрамора - распятый Христос, перед ним алтарь. Рядом бронзовая ступенька для колена-поклонения и кресло, поодаль - еще две такие ступеньки, все обито бархатом. По обе стороны алтаря - росписи: по одну - св. Петр, по другую св. Павел. Дверь в часовню тяжелая, тоже из бронзы. Возвращаюсь в приемную. Из нее ведут двери в комнаты, еще не устроенные и заваленные подарками. Встречаю сестру милосердия, которую знаю еще по Кракову. Папа вызвал трех сестер-монахинь из Кракова.

А где еще две?

- В кухне.

Она ведет меня туда. Маленькая кухня, небольшая мойка. Все здесь маленьких размеров, но очень удобно все под рукой. Боже мой, в Кракове один зал вместил бы все эти комнаты вместе с часовней. А Краковская часовня чуть ли не храм по сравнению с этой.

В Польше люди беспокоятся, шучу, чтобы недоброжелатели не отравили Папу.

Мы сами все готовим.

И чтобы не застрелили.

Мы его прикроем.

Иду дальше. Нахожу личную библиотеку Папы. Это уже более просторное помещение. Письменный стол, на стене огромная картина с изображением воскресшего Христа. В глубине еще один стол средней величины, по обшивке его сторонам стоят стулья. Несколько картин современных мастеров на стенах в проемах между четырьмя огромными книжными шкафами. Вот и все.

Слышу голос Папы. Он разговаривает со Стасиком. Встречаемся, здороваемся так же, как и прежде. Затем он куда-то уходит.

Нужно подготовиться, говорит, потому что с Метеком мне будет нелегко.

Вскоре возвращается, садимся за стол. Мне назначено место напротив Папы, в одном конце стола садится Стасик, в другом

итальянский секретарь, который оказывается по национальности ирландцем. Камердинер приносит супницу. Папа рассказывает о только что закончившемся визите президента Италии Пертини, затем о предстоящей послезавтра встрече с Жескар д'Эстеном. Но спохватывается и обращается ко мне:

Расскажи о себе.

- Я хотел спросить, Ваше преосвященство.

- О чем?

Хочу написать короткое воспоминание о Святом Отце.

Хорошо. Пиши.

Только я хочу сделать это как можно скорее. И другие будут писать, но это займет много лет, а я хочу скорее.

- После того, как напишешь, принеси почитать.

Обязательно. Через три недели принесу. Только вот сомневаюсь, потому и хочу спросить у Вашего преосвященства.

Что за вопросы?

- Насколько изменилось, Ваше преосвященство, Ваше философское мышление?

- Вот вопрос. Ну ладно. В таком случае нужно начинать с самого начала. А в начале были, как ты знаешь, св. Иоанн-креститель, св. Тереза Великая и св. Тереза Малая.

- А как же с Шеллером?

Подожди, все по порядку, иначе собьемся. Должен сказать, что в моей жизни были два философских этапа. Один - это томизм, а второй Шеллер. Хотя, впрочем, вначале был Вайс.

- Это я уже знаю и описал, как вы, Ваше преосвященство, изучали Вайса у фабричных котлов.

- Да. И это серьезно. Началось все с того, что ксендз Клусак дал мне Вайса и велел держать по нему экзамен. Но я долго не мог с ним справиться. И не раз просто плакал над этой книгой. И только спустя два месяца начал кое-что в ней понимать. По-новому я взглянул на все. Святой Фома дал мне ответы на неизвестные мне дотеле вещи. Затем Шеллер, который указал, что самое главное человек. Его главную книгу я почти всю перевел. Тяжело было. Но чтобы его понять, другого пути у меня не было.

- Я помню, Ваше преосвященство, и те времена.

- Должен сказать, что собственно философию я не изучал. Не посещал никаких курсов. Правда, в университете им. Йогайлы был известный философ Константин Михальский, но его я слушал только однажды и то только во время реферата. Да что тут говорить о Константине, ты ведь его сам слушал. Наверное, весь курс прослушал?

- Да, курс метафизики, а также истории философии, и готовил у него магистерскую из св. Фомы.

В том разговоре было много воспоминаний о Денбниках, о приходе св. Флориана, о Люблине. И о походах со студентами в Бескиды. Папа время от времени упоминал имена Тирановского и ксендза Фиглевича.

Намечается ли у вас, Ваше преосвященство, в ближайшее время поездка?

Да, я хочу навеститься к итальянским наставникам. Хочу как-то включиться в здешнюю жизнь.

Короткий обед подходит к концу. Уже встав из-за стола, обращаюсь к Папе:

- Хотелось бы, чтобы вы, Ваше преосвященство, как-нибудь рассказали мне о концепциях епископской деятельности в дицезиях.

Что я тебе расскажу? Ты сам был рядом и все видел.

- Но я хотел бы услышать из уст Вашего преосвященства. И еще о работе в Совете епископов.

- Долго рассказывать.

- Не сегодня, но когда-нибудь в другой раз.

- Пожалуйста, когда будешь в Риме, заходи.

Возвращаюсь в коллегия. Не хочу никого видеть. Послезавтра уезжаю в Польшу. Привожу в порядок подшивки газет, что не мое, возвращаю ректору.

Нужно многое отметить, по крайней мере, взять несколько фотографий, запечатлевших те дни. Просматриваю все. Все это уже история. И сегодняшняя встреча, и вчерашняя аудиенция для поляков. И это удивительное объятие на возвышении в зале двух великих поляков: Папы и кардинала Вышинского.

Но разве все упомнишь? Наступят другие дни, и воспоминания начнут стираться из памяти.

Люди будут спрашивать меня, как все происходило. Как все выглядело, как это событие восприняли в Италии, во Франции, в Германии. И я буду пытаться рассказать то, что словами не выразить, описать то, что не поддается описанию. И буду сердиться на них за то, что они этого от меня требуют. И когда меня будут спрашивать уже новые люди, буду рассказывать, рассказывать, бесконечно повторять, как старая пластинка. Я буду знать, что людей интересует, что они хотят услышать. И повторять, повторять, повторять. И только тогда, может быть, сам поверю, что все это было в действительности, но было куда лучше, интереснее, торжественнее, возвышеннее.

9. 1964 ГОД. МИТРОПОЛИТ

18 января (это был 1964 год) пришла неожиданная и радостная весть, что св.Отец Павел VI назначил епископа Кароля Войтылу архиепископом - митрополитом Кракова. Услышав эту новость из утренних передач, я поспешил поделиться ею с Алоизом и встретил его в коридоре. Он шел ко мне с той же целью. Мы решили пойти выпить кофе. Для этого поспешили в бар, но торопились не потому, что было мало времени, а потому, что наши мнения совпали: все кругом прекрасно, тем более в такое время года, т.е. в январе: светит солнце, голубое небо, что если бы не Собор, то епископ Кароль Войтыла никогда бы не стал архиепископом, потому что слишком молод для такой должности, а желающих с известными фамилиями тоже достаточно.

- Краков - это не просто какое-то епископство, а вторая после Варшавы столица Польши.

Кое-кто считает, что даже выше Варшавы.

Его выступление.

Прежде всего - его связи.

И с людьми из Ватикана, и с епископами всего мира.

А также знание нескольких иностранных языков.

- Латыни, латыни.

Его учеба.

Ну и то, что польские епископы и Примаस Польши его хорошо знают.

- Его ум и теологическая подготовленность.

Мы заказали кофе.

- Сегодня полакомлюсь, хотя кофе мне всегда нравился.

Такой день нужно было отметить, поэтому, кроме кофе, мы решили еще заказать кое-что. Знакомый бармен спросил, по какому случаю мы так веселы, ибо наше состояние не заметить было невозможно. Когда мы объяснили ему, что наш капитульный викарий стал архиепископом и что это самое верное решение Ватикана с тех пор, как епископом был назначен ксендз Ронкали, а позднее Папа Иоанн XXIII, бармен тоже обрадовался и спросил, не будем ли мы против, если он угостит нас чем-нибудь покрепче. Мы с удовольствием согласились. Поскольку близился обед, мы

выбрали аперитив с содовой. Возможно, это не самый лучший напиток, но, поскольку бар был пустым, мы вполголоса затянули в честь нашего архиепископа-митрополита заздравную "Сто лят". Бармен спросил нас, не гимн ли это нашей страны, а когда мы ответили, что нет, пробормотал:

Но эта песня похожа на английский гимн "Боже, храни короля"...

Я никогда об этом не думал.

Возвращаясь назад в коллегию, мы удивлялись тому, что епископ Кароль Войтыла уже митрополит. Мы решили, что он скоро станет кардиналом.

- Ведь это кардинальская столица.

- Он будет самым молодым кардиналом в католической церкви.

Потом был обед, во время которого ксендз ректор Рубин торжественно объявил всем об этом событии и сделал это так сердечно, как умеет только он.

Спустя несколько дней, благодаря счастливой оказии, кто-то прибыл из Кракова и привез письмо, с которым вновь назначенный митрополит обращался к своей дицезии. Радость была не из-за того, что кто-то приехал из Кракова, (благодаря гостеприимству нашего ректора к нам всегда кто-то приезжал), а оттого, что этот человек привез письмо.

Мы все с большим интересом читали его.

Письмо было подписано: епископ Кароль Войтыла, архиепископ-митрополит Кракова, Краков, 1964 год.

Красиво выглядит, а еще лучше - звучит, - сказал я.

Этим письмом я хочу не только сообщить вам, что волею Бога и решением Апостольской столицы я назначен вашим пастырем, но и поделиться этим событием с вами..."

Что должно было твориться в нашем старом Кракове! Жаль, что мы этого всего не видели.

"История свидетель, что я принимаю эту огромную ответственность. Сознание этого только потому не перерастает в страх, что я в своей вере предаюсь Господу Христу и Богоматери... Вера в Божью благодать есть величайшая сила, помогающая человеку в его трудах и в любой жизненной ситуации. Обращаюсь ко всей Краковской дицезии к моим братьям-епископам, ксендзам и сестрам во Христе, к отцам и матерям, к молодежи, к детям, к больным и страдающим, к простым людям и ученым, ко всем, с которыми меня как епископа связывает единство христианской веры и бытия, а также единство со всеми людьми доброй воли".

Письмо нам понравилось.

- Это письмо - его первое проявление в качестве митрополита, - решили мы единогласно.

8 марта 1964 года должен был состояться обряд посвящения в сан митрополита епископа Кароля Войтылы. Ксендз Гжегож отправился в Польшу несколькими днями раньше. Сказал, что он должен там прочитать какие-то лекции. Возможно, так оно и было, но скорее всего ему важно было присутствовать при посвящении Кароля. А нам тем более хорошо - будем подробно знать, что и как там происходило.

Мы ждали его возвращения с нетерпением. Казалось, что его нет очень долго, хотя он вернулся из Кракова сразу же после посвящения и тут же пришел к нам с отчетом о поездке. Мы встретили его торжественно, словно он сам стал архиепископом.

Все собрались в моей комнате за чашкой кофе.

- Может быть, кофе не такой, как в баре, но он ароматнее, чем тот. Я утешал себя как мог. А главное, мы можем спокойно поговорить.

Мы усадили его в кресло, которое подходило ему по возрасту и званию, тем более, что сегодня он был здесь главным лицом.

- Так как там все происходило? Рассказывай.

Долго уговаривать его не нужно было.

- Церемония началась в 9.45. Собор был переполнен. Архиепископа у ворот приветствовал прелат Кустош. Он дал поцеловать реликвию св. Станислава. Затем архиепископ, поднимаясь по ступенькам вверх, остановился на пороге в собор. Здесь у больших дверей его ждал Капитул митрополии, в шубе, потому что там не так, как здесь, там холодно. Это было первое официальное поздравление.

Кто выступил с речью?

- Профессор Францишек Белак, знаешь его?

- Знаю. Это истинный краковчанин и душой, и телом.

- О чем он говорил?

- В его речи было все, что говорится в таких торжественных случаях. Вавель, Краков, разумеется, прошлое и настоящее соборов, вклад польских епископов в Краковский университет.

- Если так, то действительно было все.

- Затем декан Капитула, ксендз-инфулат Богдан Немчевский вручили митрополиту ключи от Кафедрального собора. И новопосвященный вступил в собор. Заиграл орган. Процессия остановилась у св. Станислава, где уже была подготовлена скамейка для коленопреклонения. Архиепископ встал на колени и воздал молитву у гроба покровителя архидиоцезии. Процессия повернула вправо, мимо саркофага королевы Ядвиги и часовни

Сигизмунда, мимо часовни Батория, где состоялась одорация...

- Не вдавайся в такие подробности, собор мы хорошо знаем. Иначе не дойдешь до главного.

Но ведь я рассказываю о самом событии.

Ну, хорошо, продолжай, такой старый ксендз и такой экзальтированный.

- Процессия дошла до пресвитерской. Архиепископ приблизился к центральному алтарю и сел в приготовленное кресло. Ксендз Фиглевич сказал мне, что Капитула постановил на этот день дать перстень епископа Мауриция, умершего в 1118 году - четвертого последователя св. Станислава.

- Опять ты со своим перстнем. Рассказывай, что было дальше.

Ксендз-инфулат Немчевский, встав напротив митрополита, произнес слова поздравления от имени Капитулы, и всего духовенства. Затем все встали. Кульминационный момент торжества. Канцлер курии митрополии ксендз Миколай Кучковский зачитал номинационную буллу Павла VI. Сначала на латыни, затем ее перевод. Я привез ее текст, полностью переписал.

Ну так читай.

- "Епископ Павел, слуга слуг Божьих - Брату Каролю Войтыле, данные титулярному епископу Омбитании, ныне избранному архиепископу-митрополиту Краковскому. Апостольское благословение. В Польше немало дицезий, достойных особого уважения, в том числе и Краковская митрополия. Радостно думать о его верности Церкви, о его верующих и памятниках, свидетельствующих об истории Церкви. При разумном руководстве пастыря и учителя все это может слиться в святую жизнь. Итак, дорогие мои, назначается над Краковской дицезией митрополит, какого не было со времен смерти вечной памяти кардинала Адама-Стефана Сапеги. Сообщая об этом, прошу вас, любимые братья, принять его с величайшим уважением, как подобает достойным сынам, и выполнять его волю, быть послушным его приказам, помня о том, что обильнее урожай там, где обоюдная любовь связывает пастыря и верующих". По прочтении буллы митрополит с епископом подошел к алтарю, поцеловал реликвию и затем взошел на трон.

Нужно признать, что эта церемония и красива, и последовательна: булла, алтарь, трон.

Затем последовали поздравления епископов, Капитулы, профессоров семинарии, деканов дицезии, городских настоятелей, монастырей и семинарий. Архиепископ приветствовал их улыбкой. Потом он сам прочитал проповедь, текст которой я тоже привез.

Ее записывали, и я попросил копию.

Морочишь нам голову такими мелочами.

- Человече, я объясняю тебе, что это исторический документ. Обрати внимание на последнее предложение и ничему не будешь удивляться.

Ну читай!

- "Мы все знаем, что не можем без волнения вступить в эту обитель. Я добавлю: мы не можем войти без внутреннего волнения, без страха, ибо в ней как в редком соборе мира столько нашей истории, нашего прошлого, которое обращается к нам своими памятниками, саркофагами, алтарем, памятью, именами. Все эти имена свидетельствуют о тысячелетнем нашем пути".

- Не зря ксендз Фиглевич учил его любви к этому собору. И любит он его больше, чем кто-либо другой.

Не перебивай, пусть читает.

"И вот сегодня, обдумав все наше прошлое, я вступаю на порог собора, целую алтарь и занимаю трон епископов и митрополитов".

Я слушаю и вспоминаю на троне Вавельского собора архиепископа Сапегу. С трудом представляется, что на этом троне теперь Кароль. В мыслях своих я давно видел его на этом месте, но все равно это как-то не укладывалось в голове. Так мало времени прошло: Кароль в годы оккупации, Кароль на фабрике, Кароль - студент семинарии, Кароль - молодой ксендз, Кароль преподаватель Духовной семинарии и Краковского университета, Кароль - молодой епископ-суффраган. Посвящение его в епископы меня удивило и отдалило одновременно, перенесло его в другую плоскость. Но эти перемены я как-то мог принять, ибо Кароль был в первую очередь не епископом, по крайней мере мне так казалось, а преподавателем этики. Но Кароль архиепископ? И к тому же еще митрополит Кракова?! Человек, который взял на себя ответственность за Краковский архидиоцез и дециозы всей Краковской митрополии. Я знал его как интеллигентного, обязательного человека, но сумеет ли он быть ординарием? Ведь нужно быть еще организатором. Я знал, что он умеет распорядиться своей жизнью, но сумеет ли он распорядиться жизнью дециоза? Я не представлял себе, как он будет приказывать, наказывать, требовать.

А рассказчик все читал. До меня доходили лишь отдельные предложения этой длинной речи. Может мне так только казалось, но из этой речи Кароля я понял, что он представляет себе, какие проблемы его ждут на пороге новой деятельности. Но понял я и

другое - он верит в Бога и людей.

- "...Жизнь, за которую мы благодарим Бога-сына, который в нас всех и в каждом человеке является отражением Святой Троицы, - такую жизнь Он дал нашей Матери. Он - возлюбленный сын Бога Отца дал нашей Матери Святой Церкви, чудо рождения, оттого Церковь мы называем Матерью, ибо она - наша Мать, и я зову ее своей Матерью, ибо Церковь, как мать, родила меня. Я думаю о Христовой Церкви вообще и, в частности, о Краковской церкви... Краковская Церковь породила меня. И сегодняшнее торжество - это как бы новое мое рождение: в Боге, во Христе, в Церкви. Петр в лице Павла VI сказал мне: "Пастырствуй..." И назначил мне Церковь". В этих словах многое таится. Эти слова идут от самого Христа, который тогда сказал Петру - предшественнику Павла: "Будь Пастырем..." И так, мои дорогие, стою я на пороге тех дверей, на которые указал Петру сам Христос".

- Но сумеет ли Войтыла быть ординарием? - прервал я чтение Гжегожа.

Он не закончил предложения, а Стефан сказал:

Ведь Войтыла был капитульным викарием Краковской архидиоцезии полтора года. За такой срок мы могли узнать его.

Наступила тишина, я должен был что-то говорить.

Меня тогда не было в Кракове, я учился в Люблине, а потом здесь - в Риме. А потом, что это значит - быть капитульным викарием? Можно быть в этой должности несколько дней, несколько недель.

В случае с Каролом это продлилось полтора года. Но это все равно не говорит о том, что за такой срок можно организовать систематическую деятельность с перспективой. Работать нужно много: делать самое главное, чтобы не затруднять ординария, который придет и станет управлять диоцезией.

Поживем увидим, закончил Стефан. Пусть читает дальше, иначе так и не дойдем до конца.

"Предвижу, сколько трудностей меня ожидает, но вместе с тем я осознаю, как это необходимо. Я прошу у всех вас помощи. Быть Пастырем это значит уметь координировать все дела. Дорогие мои, можете считать это программой, но это очень простая программа. Дела Господни очень просты, не требуют каких-либо новых программ, главное - следовать вечной Божьей программе и исполнять ее в соответствии с требованиями нашего времени..."

Я не заметил, когда Гжегож окончил и очнулся от вопроса:

А потом св. месса?

Нет. Сначала он облачился для мессы, и очень важно, во что. Немногие ординарии в мире имеют такое прекрасное убранство. Не стану вдаваться в подробности, вы сами хорошо знаете, только перечислю: орнат дар Анны - дочери Йогайлы, инфула 17 века епископа Анджея Альтербаса, пасторал времен Сапег епископа Яна Малаковского, извлеченный по случаю этого торжества литургический кубок епископа Самуэля Мациевского и редкость, сокровище хранилища архикафедрального собора рационал королевы Ядвиги.

Все просто удивительно.

- Я не все слышал, но заключение было весьма характерным для Войтылы. Дай мне, Гжегож, на минутку этот текст.

Нахожу тот фрагмент и вчитываюсь в него:

- "...Главное - следовать вечной Божьей программе и исполнять ее в соответствии с требованиями нашего времени".

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПОНЕДЕЛЬНИК, 16 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА, 17 час. 30 мин., ИЗБРАНИЕ ИОАННА-ПАВЛА II _____	3
1. 1940 ГОД. РАБОЧИЙ _____	7
II. ВТОРНИК, 17 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА, ВСТУПЛЕНИЕ ИОАННА-ПАВЛА II _____	15
2. 1941 ГОД _____	20
III. СРЕДА, 18 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА, АУДИЕНЦИЯ КОЛЛЕГИИ КАРДИНАЛОВ _____	26
3. 1942 ГОД СТУДЕНТ СЕМИНАРИИ _____	34
IV. ЧЕТВЕРГ, 19 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА _____	39
4. 1944 ГОД. ПОДПОЛЬНАЯ СЕМИНАРИЯ _____	46
V. ПЯТНИЦА, 20 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА, ПРИЕМ ДИПЛОМАТОВ _____	56
5. 1946 ГОД. СВЯЩЕННИК _____	60
VI. СУББОТА, 21 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА, АУДИЕНЦИЯ ДЛЯ ЖУРНАЛИСТОВ _____	72
6. 1949 ГОД. ВИКАРИЙ В КРАКОВЕ _____	76
VII. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА, СВ. МЕССА В ЧЕСТЬ ИНТРОНИЗАЦИИ _____	83
7. 1958 ГОД. ЕПИСКОП _____	90
VIII. ПОНЕДЕЛЬНИК, 23 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА, АУДИЕНЦИЯ ДЛЯ ПОЛЯКОВ _____	102
8. 1962 ГОД. НАЧАЛО СОБОРА _____	107
XI. ВТОРНИК, 24 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА, АУДИЕНЦИЯ ПРЕЗИДЕНТУ ПЕРТИНИ _____	112
9. 1964 ГОД. МИТРОПОЛИТ _____	116

Перевод ксендза Р. Якутиса
Художник И. Хлебинская
Редактор Г. Балчюнене

Подписано в печать 26.09.91 УУ 775. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8. Тираж 50000 экз. Заказ № 1613. Цена договорная.

Издатель ЗАО «АРБА»

Отпечатано в типографии «Вильтис» 232600, г. Вильнюс, ул. Страздялё 1.

